ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 43 (4433)

24 октября 1973 г. СРЕДА

НАРОДЫ МИРА! БОРИТЕСЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ РАЗРЯДКА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ СТАЛА НЕОБРАТИМОЙ, ДОБИВАЙТЕСЬ ПРЕВРАЩЕНИЯ ПРИНЦИПОВ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В НОРМУ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ С РАЗЛИЧНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ СТРОЕМ!

(Из Призывов ЦК КПСС к 56-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)

ЗАВТРА В МОСКВЕ ОТКРЫВАЕТСЯ ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ. В ЕГО РАБОТЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ БОЛЕЕ ТРЕХ ТЫСЯЧ ДЕЛЕГАТОВ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ОКОЛО 130 СТРАН МИРА.

МАТЕРИАЛЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ КОНГРЕССУ, СМ. **стр. 2, 9, 11**

СИЛЫ НЕИСЧИСЛИМЫЕ!

Михаил АЛЕКСЕЕВ

«Земля, — прочел я на днях у одного автора, — космическое тело. И все мы — не кто иные, как космонавты, совершающие очень длительный полет вокруг Солнца».

И поскольку это так, то помянутому автору, а вместе с ним, надеюсь, и всем нам, живущим по законам логики, трудно, конечно, представить себе космонавтов, летящих на корабле через космическое пространство и созидательно портящих свой корабль. Вместе с тем мы видим, как наш общий и многоместный корабль по имени Земля, на котором нашли кров и пищу миллиарды живых существ, в том числе и самое разумное из них, человек, видим, как этот наш мудро устроенный корабль злою волею известных сил постоянно подвергается смертельной опасности. И трудно сказать, что стало бы с нашей милой планетой, с нашей цивилизацией, если бы злые эти силы взяли верх над силами разумными, над теми, которых мы нарекли высоким и светлым словом Миролюбивые и которые на этот раз собрались в Москве, чтобы еще раз и во всеуслышание заявить: нет и нет войне!

Иногда приходится слышать следующее: силы мира, мол, велики, под своими знаменами они объединили сотни миллионов людей доброй воли, а прочного мира на земле еще не было.

Что можно сказать на это? Борцы за мир, миролюбивые силы не одержали еще полной победы, которая увенчала бы их героические и нечеловеческие устремления. Да, войны случаются, кровь льется. Но кто нам скажет, что было бы с нашей планетой, с нашей цивилизацией, если б все эти годы сторонники мира сидели сложа руки и молча, безропотно и безвольно взирали бы на черные дела империалистических разбойников? А не догорала ли бы наша земля в гейзерах термоядерных взрывов, не был ли бы ввергнут мир в пучину третьей мировой войны? Не справедливее ли будет принести дань нашего благоговейного уважения всем известным и безвестным ратникам мира, кои ведут неутомимую битву за мир на земле, за разум, за завтрашний день человечества?

Представляется в высшей степени многозначительным и символичным тот факт, что Всемирный конгресс миролюбивых сил проходит в Москве в канун национального нашего праздника, ставшего интернациональным, в канун 56-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, провозгласившей рождение Советского государства, заявившего о себе на весь мир ленинским Декретом о мире.

Многозначительно и символично также то, что конгресс собирается в новую эпоху великого мирного наступления нашей страны и ее соратников под знаменем Программы мира, провозглашенной XXIV съездом партии Ленина.

Не скрою: не без горделивого чувства думаю я сейчас о том, что и сам принадлежу к неисчислимой рати борцов за мир и так же, как все ее бойцы, верую в нашу конечную победу.

Силы мира располагают для этого достаточными средствами!

Плакат художника Р. Сурьянинова (издательство «Изобразительное искусство»)

ПУСТЬ МОРЯ СБЛИЖАЮТ БЕРЕГА

Жан ГРИВА

Организован у нас на Балтике особый крылатый патруль. С борта самолета зорко следят, чтобы на волнах моря, которое мы, латыши, любовно называем янтарным, не появлялись грязные пятна смазочного масла, разводы нефти из цистерн, промытых нерадивым экипажем прямо в рейсе.

И мы, писатели, обязаны постоянно чувствовать себя находящимися в таком же окрыленном нашим высоким званием дозоре, в дозоре вечном, неусыпном... Мы должны делать все зависящее от нас, чтобы не ширились, не множились, а, наоборот, исчезали на нашей планете остатки грязных разводов «холодной войны», исполохи военных пожарищ.

Одна из самых модных ныне концепций буржуазных философов — тема так называемой некоммуникабельности человека, утверждающая, что ему якобы свойственно отчуждение от общества, от себе подобных. Жизнь наголову разбивает подобные псевдонаучные новации. Сейчас люди, как никогда, стремятся к единству, как никогда остро ощущают боль других людей — пусть они и находятся на другом, далеком континенте, — радуются их радостям.

Кровное родство всех народов планеты, общность их интересов особенно явственны в наш космический XX век. Ярчайшее тому доказательство — мощное движение сторонников мира. С установлением прочного мира на земле, с независимостью народов самым тесным образом связано решение общих для человечества проблем: разоружения, охраны окружающей среды, сотрудничества в самых различных областях — от ликвидации голода до межпланетных полетов.

Я вправе считать себя старым солдатом: был бойцом интернациональной бригады в Испании, командовал в начале Великой Отечественной войны батальоном добровольцев, защищавших Таллин, участвовал в боях под Ленинградом. Старой Руссой. Своими глазами видел, сколько горя, страданий приносят войны, какой дорогой ценой достается мир. Не раз размышляли мы об этом с моим старым фронтовым другом капитаном теплохода «Нигур» Героем Социалистического Труда Бруно Кондрусом в дни плавания к берегам сражавшегося Вьетнама.

В канун открытия Всемирного конгресса миролюбивых сил приходит на память и другое плавание — «рейс мира» по Балтике и Северному морю, который минувшим летом совершили на лайнере «Михаил Калинин» 200 советских активистов движения за мир. Друзья и единомышленники встречали нас на причалах всех портов, которые мы посетили, во всех городах — в Гдыне и Варнемюнде, в Копенгагене и Осло, в Гамбурге и Стокгольме. На встречах — официальных и неофициальных — мы говорили о том, насколько изменились к лучшему в последние годы условия для международного сотрудничества в этом районе мира, чему, в частности, способствовала нормализация отношений стран Запада с Германской Демократической Республикой. Буквально все наши собеседники единодушно подчеркивали огромные заслуги нашей партии, Советского правительства в происходящей разрядке.

Пусть же все моря нашей планеты соединяют, а не разделяют берега, объединяют, а не разобщают народы, думалось нам тогда. Начинающийся завтра Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве, я уверен, многое и многое сделает для этого.

ГРИВА

В КАНУН МОСКОВСКОГО ФОРУМА

В Ленинграде закончилась Неделя мира, проводившаяся в преддверии Всемирного конгресса миролюбивых сил. По просьбе корреспондента «ЛГ» Г. Силиной, председатель Ленинградского областного комитета защиты мира поэт М. Дудин рассказал:

— Неделя началась 15 октября в кинотеатре «Велинан» премьерой фильма «Это сладкое слово — свобода». В тот же день в Доме дружбы и мира с народами зарубежных стран состоялось собрание, посвященное предстоящему Всемирному конгрессу миролюбивых сил.

Дни мира прошли в совхозе имени Тельмана, на Киришском нефтеперерабатывающем заводе имени 50-летия ВЛКСМ, Волховском алюминиевом заводе имени С. М. Кирова, в объединениях «Электросила», «Скороход», «Большевичка», на Кировском заводе, в Лесотехнической академии имени С. М. Кирова.

Ленинградские писатели провели ряд литературных вечеров, где читали стихи и отрывки из книг, посвященных борьбе за мир и дружбу между народами. В Фонд мира пойдут отчисления от литературного вечера, который состоится 24 октября в Ленинградском концертном зале.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» готовит коллективный сборник, гонорар от которого будет передан в Фонд мира.

■

В минувшее воскресенье в Большом зале Центрального лектория ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание» состоялся организованный Всесоюзным бюро пропаганды художественной литературы СП СССР вечер поэзии, посвященный Владимиру Маяковскому.

Вступительным словом вечер открыл К. Симонов.

Выступавшие на вечере поэты М. Алигер, М. Львов, А. Жигулин, И. Френкель, Е. Евтушенко, И. Кашежева, В. Карпеко, Р. Рождественский, С. Щипачев говорили о влиянии Маяковского на их творчество и о том, что Владимир Маяковский является общим достоянием всей нашей поэзии, всей нашей литературы, всего советского искусства. Революция нашла в Маяковском ярчайшего выразителя своей мощи, своего величия и разума. Внутренняя близость его поэзии революционному идеалу определила и новаторство Маяковского, и его значение для дальнейшего развития мирового поэтического творчества. «Революцией мобилизованный и призванный», великий пролетарский поэт нашел свою аудиторию, которой стал весь мир.

На следующий день, 22 октября, в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся вечер памяти великого поэта. Латинской Америки лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», лауреата Нобелевской премии Пабло Неруды. Председательствовал на вечере К. Симонов.

Перед собравшимися выступили сенатор, член Политической комиссии ЦК Компартии Чили В. Тейтельбойм, прогрессивный американский писатель Джозеф Норт, М. Алигер, Е. Евтушенко, М. Луконин, Б. Полевой, С. С. Смирнов, Л. Осповат, П. Грушко, И. Тынянова.

На вечере присутствовали вдова трагически погибшего президента Чили С. Альенде О. Альенде, зарубежные общественные деятели — участники Всемирного конгресса миролюбивых сил.

Весь сбор от этих вечеров передается в Фонд мира.

■

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина открылась книжно-иллюстративная выставка под девизом «Мир — это дело всех и каждого».

Здесь представлено более 700 названий книг, рассказывающих о борьбе прогрессивных сил за мир и безопасность народов, разрядку международной напряженности и социальный прогресс.

На стендах — работы В. И. Ленина, изданная на многих языках книга Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева «Ленинским курсом», произведения руководителей братских коммунистических и рабочих партий, документы международных совещаний.

Особый раздел посвящен событиям в Чили. Среди экспонатов — книга Л. Корвалана «Путь победы», произведения С. Альенде, сборник «Коммунистическая партия Чили в борьбе за революцию».

Москвичи и гости столицы могут также познакомиться с экспонатами другой книжной выставки — «За мир и социализм», открывшейся во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы.

В Центральном Доме литераторов размещена экспозиция «Земля людей», где представлены портреты борцов за мир.

ПЯТИЛЕТКА: ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ

● *КОНКУРС «ЛГ»*

ОЧЕРК БОРИСА ГУСЕВА

● *ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ*

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА

стр. 10–11

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

Шестой раз проходил в Пятигорске ставший уже традиционным лермонтовский праздник поэзии. В этот небольшой северокавказский город, где так много связано с именем великого поэта, приехали И. Андроников, К. Кулиев, Д. Кугультинов, А. Шогенцуков, П. Железнов, З. Ткагазитов, А. Сусеев, В. Кузнецов, Ф. Чуев... Гостем праздника был министр просвещения СССР М. А. Прокофьев.

Открывая торжественный вечер в городском театре, первый секретарь горкома КПСС В. Казначеев сказал:

— Сила и жизненность этого праздника заключены в том, что он возник в крае, где каждый камень связан с историей русской поэзии.

Почетное право вести вечер было предоставлено народному поэту Кабардино-Балкарии К. Кулиеву.

На следующий день поэты, участники праздника, выступали в станице Новопавловской, в Минеральноводском районе, в Нальчике.

Бессмертные лермонтовские строки читались на языках братских республик.

В заключительный день у памятника М. Ю. Лермонтову, где собрались сотни людей, состоялся поэтический митинг.

● **РОМАНТИКА ПОДЛИННАЯ И МНИМАЯ — ОБОЗРЕНИЕ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ** **стр. 4**

● **О СТИХАХ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ — КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ** **стр. 6**

● **НОВОСТИ ИСКУССТВА: ТВ, ТЕАТР, ГРАФИКА** **стр. 8**

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПЛЕНУМ СОВЕТА ПО КРИТИКЕ

В повестке дня — проблемы исторической и историко-революционной прозы, пути ее развития. Идейность и художественность. Задачи критики и литературоведения.

Более сорока лет прошло с той поры, когда М. Горький заявил о рождении «подлинного и высокохудожественного» советского исторического романа. Об этом напомнил секретарь правления Союза писателей СССР **В. Озеров**, открывая 17 октября пленум Совета по критике и литературоведению при правлении СП СССР. В своем вступительном слове В. Озеров говорил о повышенной актуальности произведений исторической и историко-революционной литературы, потребности советских людей всесторонне проследить единую направленность и отдельные этапы пройденного пути, приведшего к созданию развитого социалистического общества.

Ленинская преобразовательная деятельность партии, заявил оратор, открыла замечательные возможности для художественного обращения к различнейшим сферам нашей истории. Все зависит от четкости классового подхода ко всем жизненным и литературным явлениям. Нельзя не учитывать деятельного участия исторического романа в идеологических битвах современности.

Наша общественность решительно отвергла «теории» дегероизации и абстрактного гуманизма, отвергла как либерально-бесхребетную трактовку, так и попытки необоснованной идеализации иных деятелей прошлого, попытки приукрасить некоторые реакционные тенденции, поддержать социально-бытовые пережитки, национальную ограниченность. Для нашей многонациональной литературы чрезвычайно важны выдвинутые товарищем Л. И. Брежневым положения о советском народе как новой исторической

● ОКОНЧАНИЕ НА 2–3-й СТР.

ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ-ГРАЖДАНИН

Павел БОЦУ

Научная и литературная общественность Молдавии широко отмечает в этом году 300-летие со дня рождения Дмитрия Кантемира, выдающегося писателя и ученого, общественно - политического деятеля, убежденного сторонника молдавско-русских дружественных связей.

— Творчество Дмитрия Кантемира, писателя, историка, философа, давно завоевало мировое признание, — сказал в беседе с корреспондентом «ЛГ» заместитель председателя республиканского оргкомитета по подготовке и проведению юбилея, первый секретарь правления СП Молдавии **Павел БОЦУ**. — 300-летие со дня рождения Кантемира — большое культурное событие нынешнего года, торжественному празднованию которого предшествовала серьезная работа. Уже вышли книги В. Ермуратского «Кантемир — мыслитель и государственный деятель», Т. Урсу «Язык хроники Дмитрия Кантемира». В ближайшее время увидит свет монография В. Коробана «Дмитрий Кантемир — писатель-гуманист». Издательство «Картя молдовеняскэ» подготовило юбилейное издание «Иероглифической истории» — романа Д. Кантемира, с которого, по существу, начинается молдавский роман. «Описание Молдавии» — широко известный труд Кантемира также подготовлен этим издательством. Кроме того, издательство выпускает ряд художественных произведений о Кантемире. «Пробуждение» — так называется фильм (сценарий В. Иовиц), посвященный деятельности Кантемира. В Театре имени А. С. Пушкина заканчиваются репетиции спектакля по пьесе И. Георгиц. Много страниц отвели Кантемиру журналы «Нистру», «Кодры», «Лимба ши литература молдовеняскэ». Именем Кантемира названы поселок в Леовском районе, улице в Кишиневе, судно Дунайского пароходства. Заслуги Дмитрия Кантемира как историка и философа широко освещены на сессиях институтов, входящих в Отделение общественных наук АН МССР, а также на общеакадемической сессии, в которой приняли участие видные ученые страны. В свою очередь молдавские историки и литературоведы приняли участие в работе сессии АН СССР.

Все это — несомненное свидетельство актуальности прогрессивного творчества Дмитрия Кантемира, всенародного уважения к выдающемуся сыну Молдавии.

см. стр. 7

В посольстве Народной Республики Болгария состоялась церемония вручения ордена Кирилла и Мефодия I степени председателю правления Союза писателей СССР К. А. Федину и писателю В. П. Катаеву. Посол НРБ Д. Жулев вручил также К. А. Федину юбилейную медаль «90 лет со дня рождения Георгия Димитрова» за выдающиеся заслуги в укреплении и расширении культурных связей между НРБ и Советским Союзом.

На снимке (справа налево): Константин Федин, посол НРБ в СССР Димитр Жулев, Валентин Катаев.

Фото Л. КИСНЕВИЧА

ГОЛОСА ПЛАНЕТЫ

В преддверии открытия Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду общественных деятелей различных стран с просьбой поделиться своими мыслями о значении этого события.

Вернер РЮМПЕЛЬ,

генеральный секретарь Совета мира ГДР:

— Национальный подготовительный комитет создан в нашей республике в марте этого года. В него вошли представители всех политических партий, общественных организаций, религиозных объединений, рабочие, крестьяне, деятели культуры. Практически все представленные в комитете партии и организации пришли туда со своими программами работы по подготовке к Всемирному конгрессу.

Лучшее из предложенного было отобрано и включено в дифференцированные планы работы по популяризации идей конгресса среди женщин, молодежи, верующих и т. д.

За прошедший период было проведено большое число митингов и собраний, посвященных предстоящему форуму в Москве. Так, Демократический союз женщин стал инициатором проведения 5000 собраний, в которых приняли участие около 97 тысяч женщин и девушек нашей республики. Состоялись также встречи деятелей различных религиозных организаций. Во всех округах страны прошли совещания представителей творческой интеллигенции на тему о предстоящем конгрессе. Интересной новой формой нашей работы является проведение массовых митингов в поддержку конгресса совместно с друзьями из соседних социалистических государств — Польши и Чехословакии. В сентябре такие митинги прошли во Вроцлаве и Франкфурте-на-Одере, общее количество их участников составило 50 000.

Наше рабоче-крестьянское государство будет достойно представлено на Всемирном конгрессе. Делегация ГДР возглавляется испытанным борцом за мир, видным партийным и общественным деятелем профессором Альбертом Норденом.

В заключение хочется сказать, что в ГДР, как и во всех социалистических странах, борьба за мир есть генеральная политическая линия, проводимая партией, правительством, парламентом. О большом значении московского форума говорилось, в частности, на прошедшем недавно IX пленуме ЦК СЕПГ.

Мы, борцы за мир Германской Демократической Республики, приходим к Всемирному конгрессу под лозунгом, выдвинутым нашей партией: «Чем сильнее социализм, тем прочнее мир!»

Боб РАЙТ,

член исполкома профсоюза работников машиностроительной промышленности (АНГЛИЯ):

— Английские профсоюзы связывают большие надежды с начинающимся завтра Конгрессом миролюбивых сил. События в Чили вновь показали, что реакция не останавливается ни перед чем, идет на самые злодейские преступления, пытаясь остановить ход истории, нанести удар по демократии. Чтобы покончить со злодеяниями военной хунты, урегулировать конфликт на Ближнем Востоке и решить другие насущные международные проблемы, необходимы энергичные усилия всех людей доброй воли. Нет сомнения: конгресс в Москве послужит этой цели.

Английские трудящиеся ожидают, что московский форум явится важной вехой в ослаблении напряженности в Европе. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, улучшение отношений между Востоком и Западом вселяют надежду, что наш континент станет наконец зоной прочного мира. Совместными усилиями мы должны покончить с затянувшейся «холодной войной» в Европе.

Я дважды был в Москве, поэтому со знанием дела могу сказать: очень хорошо, что конгресс проходит в этом гостеприимном городе. Кроме того, ведь именно Москва — столица Советского Союза, государства, которое последовательно и принципиально проводит курс на укрепление всеобщего мира.

Али АКСАД,

генеральный секретарь Национального комитета по подготовке и конгрессу (БАНГЛАДЕШ):

— Недавно в Дакке состоялся многолюдный митинг в поддержку Московского конгресса, организованный нашим комитетом. Выступившие на нем президент республики Абу Сайед Чоудри и министр промышленности Сайед Назрул Ислам выразили уверенность, что Всемирный конгресс миролюбивых сил сыграет огромную роль в активизации борьбы за мир, явится новым шагом в деле разрядки напряженности, станет неодолимым препятствием на пути гонки вооружений. На это надеется подавляющее большинство жителей нашей страны.

Бангладеш искренне стремится к миру: кому, как не нам, знать, какие бедствия, разрушения, страдания несет с собой война. Наша битва за независимость была частью общей борьбы против угнетения, колониализма и эксплуатации на земле. Наша делегация, состоящая из 55 человек — представителей всех слоев общества, свято верит в то, что другие народы, которые сейчас в тяжких условиях ведут борьбу против несправедливости и гнета, в конце концов обязательно добьются победы. Наши сердца — на стороне арабских народов, мужественно отражающих израильскую агрессию, на стороне народа Чили, борющегося против фашистской тирании хунты, на стороне угнетенных народов Африки.

Мы полны уверенности, что благородная борьба за мир обязательно увенчается успехом.

Фатхи эль-ФАДЛ,

генеральный секретарь Международного союза студентов:

— Наша организация была создана в 1946 году в Праге, сразу же после окончания второй мировой войны. Возникновение Международного союза студентов (МСС) было воплощением мечты прогрессивного студенчества всех стран жить в мире, активно содействовать социальному прогрессу своих народов. В настоящее время в 88 странах существуют национальные студенческие организации, входящие в МСС.

С самого первого дня студенты участвовали в работе национальных комитетов по подготовке конгресса. МСС собирается принять участие в деятельности трех комиссий конгресса: по вопросам экономики и развития, по культуре и образованию, а также комиссии по ближневосточному вопросу. С этой целью были созваны конференции МСС в Дар-эс-Саламе, Праге и Бейруте. Мы провели большую работу по пропаганде идей конгресса в студенческих массах, собирали средства для поездки на конгресс.

Надеемся, что конгресс будет способствовать вовлечению широких кругов общественности в борьбу за мир, за национальную независимость порабощенных народов, за социальную справедливость.

Важную роль должен, на наш взгляд, сыграть конгресс и в деле решительного осуждения фашистского переворота в Чили, поддержки справедливой освободительной борьбы арабских народов против непрекращающейся агрессии Израиля. Мы верим в могучую силу общественности, которая может и должна внести свой конкретный вклад в упрочение мира.

Петер ТУРРИНИ,

писатель (АВСТРИЯ):

— Мне хочется, чтобы делегаты Всемирного конгресса миролюбивых сил назвали все своими именами: фашистов — фашистами, расистов — расистами, монополии — эксплуататорами, империализм — преступлением. Ведь правда всегда конкретна. Я ожидаю от этого необычайно представительного форума, в котором участвуют более трех тысяч посланцев из 130 стран, разработки решительных акций, направленных на упрочение мира.

Развитие событий в мире наглядно подтверждает своевременность и настоятельную необходимость проведения подобного широкого форума миролюбивых сил. Об этом красноречиво свидетельствуют события в Чили и на Ближнем Востоке.

Нельзя допустить, чтобы были ослаблены достигнутые позитивные результаты в упрочении мира, которые стали возможны благодаря неустанным огромным усилиям Советского Союза и других социалистических стран. Мечта людей — жить в мире — может и должна стать реальностью. Возврата к «холодной войне» не должно произойти.

Долг писателя я вижу в правдивой информации о работе и благородных целях конгресса в Москве, о его решениях. Мы, литераторы, публицисты, деятели культуры, обязаны самым решительным образом бороться со всеми теми, кто мешает человечеству жить в мире без войн, кто мешает дружбе и сотрудничеству между народами. Мы должны разоблачать политику антикоммунизма и антисоветизма, так как она ослабляет силы мира, тормозит прогресс человечества.

Я живу в капиталистической стране, где немало прогрессивных сил, особенно среди молодежи. Ни на минуту не сомневаюсь в том, что Всемирный конгресс в Москве даст всем им новые импульсы в борьбе. Мир нужен всем народам. Нужен он и людям моей Австрии.

Туллио ВЕККЬЕТТИ,

член Политбюро Итальянской коммунистической партии:

— Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве станет событием огромной важности как по количеству его участников, представляющих международные и национальные организации сторонников мира, так и по своей цели, выраженной в общем стремлении защитить и укрепить на земле высшее благо всего человечества — мир.

Важное значение открывающегося в Москве форума сторонников мира заключается также и в том, что на нем соберутся люди различных политических и идеологических взглядов, чтобы обсудить принципиальные вопросы достижения вечного мира, улучшения отношений между государствами и между народами. Речь идет не просто о любом мире, а об установлении на земле справедливого и прочного мира, который должен ознаменовать окончательное преодоление «холодной войны» и международной напряженности, угрожающих процессу развития мирного сосуществования, а также должен явиться прочной платформой политической борьбы против всех форм угнетения и эксплуатации народов.

Необходимо отметить, что кровавый переворот в Чили, война на Ближнем Востоке, трудности претворения в жизнь Парижских соглашений по Вьетнаму ставят перед сторонниками мира вопрос о необходимости выработать не только общие направления борьбы за изоляцию и ликвидацию очагов войны, но и добиться обеспечения международных гарантий, чтобы империалистические силы не имели возможности осуществлять свою политику колониального угнетения, подавления свободы, неоколониальной эксплуатации. Мир должен отвечать законным стремлениям народов к самоопределению, свободе, демократии и прогрессу.

Итальянские сторонники мира в ходе подготовки к конгрессу в Москве действовали в тесном единстве с различными политическими и общественными организациями страны, включающими представителей не только левых политических партий, но и других демократических партий, профсоюзов, молодежных движений, а также деятелей науки, культуры, искусства и представителей религии. Все эти организации широко представлены в итальянской делегации, которая принимает участие в работе Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве.

Джеймс Ф. ФОРЕСТ,

председатель Национального подготовительного комитета (США):

— Нынешний Конгресс миролюбивых сил будет проходить в обстановке потепления международного климата, разрядки напряженности в мире. Это достигнуто в решающей степени благодаря мудрой миролюбивой внешней политике Советского правительства. Мы в Америке искренне приветствовали этим летом визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, а также его плодотворные переговоры с президентом Никсоном. Движение за мир в США получило в результате всех положительных изменений в мировой обстановке значительный импульс. Был создан Национальный подготовительный комитет по подготовке к конгрессу с центром в Чикаго, объединивший в своих рядах свыше 50 различных организаций страны: профсоюзных, молодежных, женских, негритянских... Наша делегация на конгрессе будет одной из самых представительных — свыше 150 человек прибывают в Москву для того, чтобы подтвердить веру простых американцев в достижение прочного мира на земле.

Мы надеемся, что в ходе откровенной дискуссии нам удастся выработать общую платформу многонационального движения за мир. Мы должны решительно заявить правителям тех государств, которые все еще посягают на мир и разрядку, что они должны прислушаться к голосу миллионов и миллионов людей, требующих положить конец гонке вооружения, агрессивной политике и всяким проискам реакционных сил, направленным против народов, избравших свой путь к независимости и социальному прогрессу.

Робер де ГЕНД,

член секретариата Международного комитета за европейскую безопасность и сотрудничество

— Не так давно в Брюсселе состоялось заседание секретариата нашего Международного комитета. Повестка дня включала ряд актуальных вопросов, среди которых значительное внимание было уделено открывающемуся в Москве Всемирному конгрессу миролюбивых сил. На заседании было решено направить представительную делегацию на эту крупнейшую международную встречу, которая даст возможность обменяться мнениями по проблемам, касающимся судеб мира, и будет способствовать созданию единого фронта сторонников разрядки напряженности на нашей планете.

Нельзя не отметить, что в Бельгии, несмотря на наличие сил, упорно противодействующих мирной инициативе, нам удалось добиться объединения всех тех, кто реалистически расценивает сложившуюся обстановку и приветствует проведение конгресса в Москве. Я считаю это значительным успехом в нашем общем деле.

Большое значение имеет, на мой взгляд, образование в рамках конгресса специальной комиссии для обсуждения вопросов безопасности и сотрудничества в Европе. Мы с удовлетворением приняли также предложение подготовительного комитета конгресса о том, чтобы вступительный доклад на конгрессе по этой теме был сделан представителем Международного комитета за европейскую безопасность и сотрудничество.

Роже БИЙЕ,

член Национального бюро французского движения за мир:

— Французская прогрессивная общественность придает исключительно большое значение открывающемуся в Москве Всемирному конгрессу миролюбивых сил. Конгресс станет беспрецедентным по своему размаху форумом мирового общественного мнения для обсуждения коренных проблем укрепления мира и мирного сосуществования в масштабах всей планеты.

Как во всем мире, так и во Франции, подготовка к проведению Московского конгресса проходила самым активным образом. На конгрессе представлены около 50 политических, профсоюзных, общественных, молодежных, женских, религиозных организаций и движений нашей страны. Сотни общественных деятелей, представителей самых различных слоев французского народа писали, звонили, приходили к нам в Национальное бюро движения за мир, чтобы сообщить о своем желании попасть в Москву в качестве делегатов от Франции. Желающих оказалось намного больше, чем в состоянии вобрать в себя национальная делегация, и это — одно из свидетельств популярности Всемирного конгресса миролюбивых сил и его идей.

Высокогуманные, благородные идеи Московского конгресса получают самое широкое распространение во Франции. Общественные организации, направляющие делегатов в Москву, провели в департаментах, крупных провинциальных городах, на промышленных предприятиях и в сельских коммунах большие собрания-дебаты по основным темам борьбы за мир, которые станут предметом обсуждения на конгрессе. Помимо дискуссий, устраиваются доклады, выпускаются плакаты и листовки, пропагандирующие основные идеи московского форума — идеи укрепления мира, безопасности народов. Перед своим отъездом в Москву делегаты конгресса, каждый в своем городе и департаменте, проводили пресс-конференции, выступали со статьями в местной печати.

Исаак НЬЯТИ,

представитель Союза африканского народа Зимбабве (ЗАПУ):

— Последние события в мире, происходившие в преддверии московского форума миролюбивых сил, наглядно показали, что мировая реакция нигде и никогда не уступает без борьбы своих позиций. Мы являемся свидетелями кровавого переворота в Чили, агрессии Израиля против Египта и Сирии. Перед Всемирным конгрессом стоят большие и серьезные проблемы. Наша благородная задача — объединить прогрессивные силы всей планеты во имя борьбы за мир. Конгресс должен недвусмысленно поддержать все народы, борющиеся против тирании, за свою национальную независимость и справедливость.

У себя на родине мы прекрасно осознаем, что означает для борющегося народа поддержка — в любых формах — со стороны людей доброй воли. Борьба нашего угнетенного, но не порабощенного народа прошла несколько стадий. Было время, когда мы пытались действовать силой убеждения. Однако все наши призывы к благородству оставались тщетными. Английский колониализм не понимал и не понимает другого языка, кроме языка оружия. С основанием в 1961 году ЗАПУ борьба вступила в новую фазу. Мы были вынуждены уйти в глубокое подполье, однако наша вооруженная борьба не ослабевает.

Большую помощь оказывают нам народы социалистических стран, независимые государства Африки, люди прогрессивных взглядов во всех уголках мира. Мы глубоко благодарны нашим многочисленным друзьям — их помощь вселяет в сердца патриотов Зимбабве уверенность в правоте нашего дела. Мы будем бороться до победного конца!

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

На днях состоялось очередное заседание бюро секретариата правления Союза писателей СССР.

С отчетом о поездке в Швейцарию выступил секретарь правления СП СССР руководитель делегации советских писателей С. Сартаков.

— Цель нашей поездки, — сказал он, — состояла в том, чтобы ознакомиться с деятельностью Союза писателей Швейцарии, обменяться мнениями по актуальным проблемам развития современного литературного процесса, выяснить возможности укрепления творческих связей писателей СССР и Швейцарии.

С. Сартаков подробно информировал бюро секретариата о работе советской писательской делегации, рассказал о встречах с литераторами Швейцарии, об их интересе к опыту работы Союза писателей СССР.

Бюро дало положительную оценку деятельности советской делегации в Швейцарии и одобрило план двустороннего обмена писательскими делегациями.

С сообщением об итогах недавно закончившейся IV встречи главных редакторов литературных журналов социалистических стран в Будапеште выступил секретарь правления СП СССР В. Озеров.

Докладчик подчеркнул важность ставших традиционными встреч представителей литературной печати социалистических стран. Результат творческой дружбы журналов — все более широкое ознакомление читателей с литературами братских стран, все более глубокое изучение процессов развития искусства в условиях социализма. Деловые контакты редакций — одна из эффективных форм углубления международного писательского сотрудничества.

Во встрече приняли участие представители 30 литературных журналов от 8 социалистических стран. Обстоятельно обсуждался вопрос научно-техническая революция и литература.

— Состоявшаяся дискуссия свидетельствовала, — заявил В. Озеров, — что участники встречи подходят к этой проблеме с единых общественно-эстетических критериями. Говоря о значении НТР, ее воздействии на современную жизнь, они отвергли буржуазные теории конвергенции и показали, что именно социализм придает научно-техническому прогрессу верную историческую перспективу, создает все возможности для гармонического развития человека, способствует усилению гуманистического пафоса искусства.

Участники Будапештской встречи обсудили также вопросы дальнейшего развития творческих связей между журналами. По приглашению делегации ПНР встречу главных редакторов литературных журналов социалистических стран намечено провести осенью 1974 года в Варшаве.

Бюро секретариата одобрило деятельность советской делегации, участвовавшей в IV встрече главных редакторов литературных журналов социалистических стран.

Е. Книпович рассказала об итогах двусторонней встречи писателей СССР и ГДР на тему «Конфликт в жизни и литературе».

Бюро секретариата правления СП СССР утвердило состав юбилейной комиссии по проведению 100-летия со дня рождения В. Я. Брюсова (председатель комиссии — секретарь правления СП СССР С. Наровчатов).

В обсуждении вопросов приняли участие П. Бровка, Ю. Верченко, Зеки Нури, С. Михелков, В. Тельпугов, Ю. Трифонов, Н. Федоренко.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Пленум Совета по критике

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

общности людей, о нашей общенациональной гордости.

Советских писателей не оставляют равнодушными и такие специфические профессиональные вопросы, как соотношение правды исторической и правды художественной, документального факта и писательского вымысла, определение границ исторического жанра, дальнейшее освоение и трансформация литературных традиций...

Что сделано литературой, то сделано, сказал В. Озеров, прибедняться нам ни к чему. Как, впрочем, и проявлять благодушную нетребовательность к достигнутому. Тут особый счет к нашей критике, еще не поднявшейся пока до крупных обобщений, хотя многие товарищи выступали по-боевому, отстаивая принципы историзма и интернационализма. Нельзя умолчать и о некоторых неизжитых до конца идейно-эстетических просчетах, о все еще нередком художественном браке. Оратор призвал участников пленума спокойно, взыскательно и заботливо рассмотреть наше литературное «хозяйство», творчески помочь товарищам глубже проникнуть в сферу исторических явлений и повысить свое мастерство.

В первый же день работы пленума были заслушаны два доклада, после чего начались прения.

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Историческому роману посвящен был доклад **В. Оскоцкого**, выделившего «четыре волны» — четыре периода развития исторической прозы в многонациональной советской литературе.

Первая «волна» возникла в 20—30-е годы, когда новаторские достижения советского исторического романа были закреплены произведениями А. Толстого, А. Чапыгина, Ю. Тынянова, О. Форш, Г. Шторма, З. Тулуб, А. Ильченко, М. Джавахишвили, Ш. Дадиани, А. Кадыри, Г. Ибрагимова и других, стремившихся осмыслить и отобразить революционные традиции в истории народов рожденного Октябрем нового государства.

Следом — в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны — появилась проза, характеризовавшаяся развитием прежде всего героической тематики, романа патриотического, романа воинской славы.

Явлениями неодинаковой значимости была отмечена историческая проза, относящаяся календарно к рубежу 40—50-х годов. Наряду с такими вошедшими в фонд советской классики эпическими полотнами, как «Путь Абая» М. Ауэзова, «Навои» Айбека, «Давид Строитель» К. Гамсахурдиа, «Переяславская Рада» Н. Рыбака и др., в этот период появлялись и произведения, не выдержавшие испытания временем.

В настоящее время, говорилось в докладе, мы являемся свидетелями оживления, интенсивного развития исторического жанра в большинстве братских советских литератур. Рождается такая своеобразная форма повествования, как историческая новелла. Темы и образы народной истории привлекают не только прозаиков, но и поэтов. Свидетельство тому — интересные поэмы: С. Наровчатова о Василии Буслаеве, Ю. Марцинкявичюса «Миндаугас» и «Собор», М. Карима «Салават».

Касаясь вопросов меры документализма, многообразия форм сегодняшней исторической прозы, звучания в ней темы искусства, В. Оскоцкий называет роман Клыча Кулиева «Суровые дни», повести И. Друцэ, Я. Кросса, А. Кекильбаева, С. Санбаева.

Докладчик останавливается на своеобразной трилогии П. Загребельного о Киевской Руси, талантливом романе Гр. Абашидзе «Долгая ночь», отмечает также достоинства романов И. Задорнова «Цунами», А. Алимжанова «Сувенир из Отрара», ссылается на книгу критика Мурата Ауэзова «Времен связующая нить». В этих произведениях В. Оскоцкий прослеживает органическую связь времен и поколений, злободневность звучания исторической темы.

Утверждая прогрессивные, демократические и революционные традиции, отметая чуждые нашим идеалам пережитки, нынешний исторический роман действенно участвует в решении идейно-воспитательных задач, поставленных партией перед советской литературой.

РЕВОЛЮЦИОНЕР — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В докладе **В. Баранова** рассматривалась проза историко-революционная в ее органической связи с общим литературным процессом в период острой идеологической борьбы двух политических систем.

На главной магистрали развития историко-революционной литературы находится Ленинниана, созданная и продолжающаяся работами таких писателей, как В. Маяковский, М. Шагинян, В. Катаев, Г. Фиш, Э. Казакевич, М. Прилежаева, С. Дангулов, А. Коптелов, В. Канивец, И. Шамякин и др. К литературной Ленинниане примыкают историко-биографические повествования о деятелях революции, в частности книги серии «Пламенные революционеры», выпускаемой Политиздатом. Нельзя не заметить также романов и повестей о связанных с революционным движением деятелях литературы и искусства.

Докладчик подчеркнул роль целенаправленной идейной активности в духовной структуре личности литературного героя в противоположность всяческим «теориям» и «концепциям», выдвигающим на первый план подсознательно-интуитивное. Образ революционера, носителя возвышенного социально-нравственного идеала, — один из положительных героев современной литературы.

Докладчик говорил об историко-революционном романе, зародившемся еще в конце 30-х годов и развивающемся по сей день, — были названы произведения М. Шолохова, К. Федина, Вс. Иванова, Г. Маркова, С. Сартакова, С. Мстиславского, А. Первенцева, Ю. Трифонова, А. Алдан-Семенова, В. Карпенко, О. Гончара, М. Соколова, Ф. Таурина, Г. Чиковани, А. Кешокова, М. Ибрагимова, Дж. Икрами и др.

В. Баранов подробно остановился на диалектической взаимосвязи пройденного пути с задачами современности в произведениях советских писателей. Сближение историко-революционной тематики с проблематикой современности, сказал докладчик, представляет важную закономерность развития метода социалистического реализма на нынешнем этапе, что, кстати, обязывает критику в большей мере учитывать индивидуальность писателя в целом, изучать глубинные взаимосвязи между различными сторонами его творчества.

Докладчик коснулся также актуальных вопросов писательского мастерства, отметив, в частности, серьезные идейно-эстетические просчеты в романе И. Мяло «Раскол». В историко-революционном произведении, активном участнике битвы идей, важен не столько даже сам по себе материал, сколько его воспитательное воздействие, его нравственно-эстетическая значимость.

МАСТЕРСТВО КРИТИКА

Два дня длилась напряженная работа пленума. В обстановке деловитости и доброжелательной, конструктивной взыскательности обсуждались проблемы жанра и связанные с этими проблемами задачи критиков. Выступавшие проявили возросшую политическую зрелость, глубокое понимание задач, поставленных сегодня партией перед нашей литературой, четкий классовый подход к проблемам творчества. Характерной особенностью этого пленума было равноправное участие в нем — наряду с критиками — мастеров исторической и историко-революционной прозы.

Своим творческим опытом и творческими планами поделились писатели — представители многонациональной советской литературы — **А. Коптелов, Дж. Икрами, А. Хижняк, С. Болдырев**... В основе исторического произведения, сказал А. Коптелов, должны быть факты — на них, как на рубиновых камнях часового механизма, зиждется и движется весь механизм произведения.

Многие выступавшие, в том числе **Ф. Таурин, С. Бородин, Н. Задорнов, Клыч Кулиев, Я. Караев, Б. Жгенти**, упрекали издательства, редакции литературных журналов и газет, а также критиков в недоста-

К Всемирному конгрессу миролюбивых сил издательство «Изобразительное искусство» выпустило альбом «Во имя мира на земле». Автор — художник-журналист Анатолий Балагур. Портреты выдающихся деятелей советской науки и культуры, представленные в данном издании, сопровождаются их высказываниями о стремлении всего советского народа к сохранению и упрочению мира на земле.

Мы публикуем три портрета из альбома «Во имя мира на земле».

Народный артист СССР, кинорежиссер Сергей БОНДАРЧУК

Академик Николай СЕМЕНОВ

Поэт Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Ахмеда Джамиля (Джамильзаде Ахмеда Саттар оглы) орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Ахмеда Джамиля (Джамильзаде Ахмеда Саттар оглы) орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ
19 октября 1973 г.

ХРОНИКА

Состоялось отчетно-выборное партийное собрание Союза писателей Азербайджана. С отчетом о проделанной работе перед коммунистами выступил секретарь партийного бюро поэт Н. Гасан-заде. В обсуждении доклада приняли участие А. Агаев, А. Бабаев, М. Сеид-заде, Б. Байрамов, Дж. Сафаров, Н. Гянджали, Дж. Мамедов, С. Рагимов, М. Ибрагимов, С. Рустам.

Принято решение, направленное на дальнейшее улучшение работы первичной партийной организации Союза писателей Азербайджана.

Секретарем партийного бюро вновь избран Н. Гасан-заде.

На собрании присутствовали заведующий отделом культуры ЦК КП Азербайджана А. Шарифов, заведующий сектором ЦК КП Азербайджана Х. Алиев.

ПАНОРАМА „Л Г"

ЗОЛОТЫЕ ЗЕРНА АЛТАЯ

В БАРНАУЛЕ вышла в свет книга «Декада советской литературы на Алтае». В переводе на русский язык «Алтай» означает «горы золотые». Недра этой земли богаты полезными ископаемыми. Прекрасна в своем осеннем наряде Кулундинская степь, когда от горизонта до горизонта волнуются золотые хлебные разливы. Но богатый край этот — край нелегкой судьбы, нелегких побед. Бороться с засухой, усмирить эрозию почвы не на день, не для сбора одного урожая, создать совершенно новую систему бережного обращения с землей — разве это не подвиг?

И вот к людям этого подвига, к труженикам Алтая, к своим читателям приехала большая группа писателей из Москвы, Ленинграда, из девяти союзных и шести автономных республик, из городов Сибири. Возглавлял делегацию первый секретарь правления Союза писателей СССР, депутат Верховного Совета СССР от Алтайского края Георгий Марков. С 8 по 18 июня 1972 года проходили Дни советской литературы на Алтае. Большой и светлый праздник культуры был посвящен пятидесятилетию образования СССР.

В первый же день в крайкоме КПСС состоялась встреча писателей с партийным, советским, профсоюзным активом, представителями редакций газет, радио и телевидения. С докладом о славных делах алтайских тружеников выступил член ЦК КПСС, первый секретарь Алтайского крайкома КПСС тов. А. В. Георгиев.

О пребывании писателей, представителей многонациональной советской литературы на алтайской земле, о впечатлениях об этой поездке, о литературно-творческой конференции, с докладом на которой выступил писатель Г. Радов, рассказывается в книге.

Много примечательного увидели гости: выросшие на целине мощные хозяйства, механизированные животноводческие фермы, фруктовые сады на земле, где еще в недалеком прошлом не росло ничего, кроме ковыля. «...В эти дни, — сказал Г. М. Марков, — мы, как никогда, близко соприкоснулись с важными проблемами развития современного села, увидели и почувствовали новые складывающиеся черты нашего сельского труженика. Короче говоря, само дыхание жизни, всегда бурной, всегда многокрасочной, всегда содержательной, повеяло на нас с просторов и гор Алтайского края».

Но «...на Алтае ничему нельзя удивляться, иначе рискуешь быть занятым этим с утра до ночи». — как остроумно заметил Алим Кешоков.

Поездка была деловой. Не умиления и восхищения сделанным ждали от литераторов труженики Алтая, а желания вникнуть в существо проблем и конфликтов их жизни и труда.

За время декады состоялось около двухсот встреч с писателями в восьми городах и тридцати трех районах.

Участник декады Елизар Мальцев, размышляя об ответственности писателя, о его долге перед тружениками села, сказал: «Когда едешь по такой гостеприимной земле, как Алтай, испытываешь чувство неловкости за то, что люди выдают тебе гораздо больше, чем ты сделал. Этот разрыв между авансом, который выдается с щедростью душевной, и между пониманием твоего места в жизни и в литературе очень важен для художника, если он хочет написать что-то настоящее».

В заключение Дней советской литературы на Алтае состоялась литературно-творческая конференция на тему «Художественная литература о тружениках села в свете решений XXIV съезда КПСС».

Книга о пребывании литераторов на Алтае — не итог декады. Ее творческий итог со временем, вероятно, подведут сами писатели.

Л. ПОЛУХИНА

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

ЧЕРНОБЫЛЬ: СИМФОНИЯ СОЗИДАНИЯ

ЧЕРНОБЫЛЬ хотя и имел честь быть упомянутым в древней Ипатьевской летописи, но до последнего времени ничем особым не был знаменит — тихий, небольшой, весь в садах городок на высоком берегу Припяти. Может быть, это и есть одна из примет нашего времени: то тут, то там не только возникают новые населенные пункты, но в совершенно ином качестве предстают вдруг старые, незаметные, в один прекрасный день становясь известными едва ли не во всем мире. Кто из нас знал, что есть такая географическая точка — Байконур? Многие ли ведали, что Обнинску суждено войти в историю как городу, где, в сущности, началась эра атомной электроэнергетики?

...Стою перед вывеской: «Главатом. Энергострой. Управление строительства Чернобыльской АС». Согласитесь, что это звучит, особенно, если иметь в виду, что имя скромного городка перейдет к одному из крупнейших в стране атомных энергогигантов.

А рядом уже вырос поселок строителей. По названию — Припять, а по существу — вполне современный город «Атомград», как его уже успели окрестить не то местные романтики, не то приезжие журналисты.

На атомной станции сейчас идет монтаж арматуры шахты реактора, прокладываются линии электропередач. В поселке открывают химчистку и прачечную, разбивают скверы и газоны, сооружают спортивные и игровые площадки. Строят добротно, красиво и надолго, с мыслью о завтрашнем дне.

Пока население Припяти не превышает восьми тысяч. Средний возраст жителей — двадцать восемь лет. Но и здесь есть ветераны: кто строил гидростанции в Братске и Усть-Каменогорске, кто — тепловые в Триполье или Запорожье, кто — атомную в Белоярске... Работают здесь представители двадцати национальностей — не случайно одной из первых улиц дали имя Дружбы народов.

Нынешний год — для всех решающий, а для строителей Чернобыльской АС, у которых старт совпал с началом девятой пятилетки и к концу ее предполагается финиш, — для них он решающий еще и потому, что в этом году должен быть сдан самый важный объект — корпус, в котором будет монтироваться атомный реактор.

...При первом знакомстве со «тройкой и ее людьми моим гидом был писатель А. Левада. Его завидная осведомленность во многих здешних делах понятна: он поддерживает постоянную связь с новостройкой, хорошо знает ее людей. Год назад написал о строящейся атомной станции большой очерк, получивший, кстати, премию на конкурсе, объявленном республиканской газетой «Радянська Україна».

Не так давно Александр Степанович закончил пьесу «Здравствуй, Припять!». Сейчас ее читают в Киевском академическом театре имени Ивана Франко. Автор говорит, что сознательно избегал того, чтобы за каждым персонажем пьесы был определенный прототип или реальный факт. Но произведение писалось на основе глубокого изучения людей и проблем строительства именно Чернобыльской АС.

— Ни одна тема не может стать явлением искусства без знания фактов, без изучения реальной действительности. Ведь мало кто из нас, пишущих, помимо гуманитарного, имеет еще и специальное образование в той или иной области. Приходится учиться, кое в чем переучиваться. Мне, скажем, в процессе работы над новой пьесой (ее события разворачиваются на фоне строительства атомной станции) пришлось перечитать немало специальной литературы и по атомной энергетике, и по проблемам сохранения окружающей среды. А что поделаешь? Если в пьесе приходится говорить о некоторых специфических вопросах, то автор должен знать эти вопросы по крайней мере не хуже, чем его персонажи.

Думаю, что многие из нас, литераторов, ощущая ритм современной жизни, видя новые проявления ее, все же не до конца отдают себе отчет в том, что в этой пятилетке происходит и происходит некий важный качественный сдвиг — в сознании людей, в укладе всей жизни. И если задача писательского проникновения в жизнь в общем-то не нова, то в нынешних условиях (плюс проблемы, связанные с НТР) она приобретает особо важное значение. Конечно, решение такой задачи — прежде всего индивидуальное дело каждого писателя в соответствии с его планами, вкусами, характером, творческими способностями. Но велика и роль творческого союза, организационные усилия которого направлены на то, чтобы активизировать и ускорить этот процесс, создать для него самые благоприятные условия и возможности. Союз писателей Украины, создавая группы и бригады для постоянных связей и шефства над важнейшими объектами и ударными стройками девятой пятилетки, отнесся к этому не как к формальному мероприятию, а как к серьезному делу, от которого следует ждать весомых результатов. Та же Чернобыльская АС, ставшая для меня неким творческим трамплином, заинтересовала и других киевских писателей, которые вынашивают или уже воплощают творческие замыслы на основе знакомства, наблюдений и впечатлений, полученных на стройке.

...Как один из руководителей Союза писателей республики Александр Левада «отвечает» за объект, который называется «Чернобыльская атомная». Помню, с какой искренней радостью он говорил мне о поэтическом накале и высоком гражданском звучании стихотворения, написанного Иваном Драчом после их первой совместной поездки на новостройку. Так же радовался, когда в газете «Літературна Україна» появился первый, а потом и второй очерк молодого писателя-публициста Алексея Дмитренко о строителях АС.

А недавно в поселке Припять состоялся литературный вечер. Лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко А. Левада, поэт И. Драч, очеркист А. Дмитренко познакомили энергостроителей со своими последними произведениями, и слушатели узнавали в них себя, свою Чернобыльскую стройку. Группа артистов показала сцену из пьесы «Здравствуй, Припять!». И это уже были первые реальные творческие результаты содружества писателей с коллективом строящегося атомного гиганта.

К. ГРИГОРЬЕВ,
собственный корреспондент «ЛГ»
ЧЕРНОБЫЛЬ

СЛОВА ПРОЩАНИЯ

После тяжелой болезни, на 64-м году жизни, скончался Василий Иванович Иванов, известный советский критик и литературовед, доктор филологических наук, член редакционной коллегии, редактор отдела культуры журнала «Коммунист». От нас ушел вдумчивый ученый-литературовед, боевой и принципиальный критик.

Плодотворная творческая деятельность, вся яркая, насыщенная жизнь В. И. Иванова была безраздельно отдана Коммунистической партии, в рядах которой он состоял свыше тридцати лет. С юношеских лет началась трудовая биография В. И. Иванова — работа на ленинградских стройках, учеба, преподавательская деятельность. В годы Великой Отечественной войны В. И. Иванов — политработник в действующей армии. После окончания аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС В. И. Иванов отдает много сил, знаний, энергии ответственной партийной работе, научно-педагогической и литературно-критической деятельности. В течение почти двух десятилетий В. И. Иванов возглавлял отдел культуры журнала «Коммунист»; он являлся членом ученых советов Академии общественных наук при ЦК КПСС и Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, принимал деятельное участие в работе писательской организации.

Оценивая вклад, внесенный В. И. Ивановым в советскую критику и литературоведение, мы с глубоким уважением относимся к партийной принципиальности, боевитости, страстности, с которыми он подходил к истории советской литературы, к текущему литературному процессу. Основательностью, глубиной научного анализа отмечены фундаментальные работы В. И. Иванова — «Формирование идейного единства советской литературы. 1917—1932», «О сущности социалистического реализма», «Движущаяся эстетика. О принципах литературной критики и некоторых тенденциях в ней», многочисленные статьи по вопросам теории и истории литературы, искусства социалистического реализма, по актуальным проблемам художественного развития.

Горько сознавать, что среди нас не стало боевого и принципиального литератора, скромного и душевного человека, чуткого, отзывчивого товарища. Мы навсегда сохраним о нем светлую и благодарную память.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

■

Умер Виктор Васильевич Хмара. Большой и нелегкий жизненный путь прошел он за сорок с лишним лет своей трудовой деятельности. Уроженец Донбасса, Виктор Хмара начал самостоятельную жизнь с работы слесарем на шахте Новая Голубовка. Учился на рабфаке имени Артема и в Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина. В 1946 году окончил Высшую дипломатическую школу МИД СССР.

После окончания ВДШ тов. Хмара переходит на журналистскую работу. Он член редколлегии «Комсомольской правды», а затем «Советской России», корреспондент ТАСС в Австралии и Новой Зеландии, заместитель заведующего американской редакцией ТАСС. Виктор Хмара работал и в коллективе «Литературной газеты» редактором иностранного отдела. В последние годы жизни он перешел в Московский государственный институт международных отношений на преподавательскую работу. Виктора Хмару отличали партийная принципиальность, высокое профессиональное мастерство, чуткое, товарищеское отношение к своим коллегам-журналистам.

Родина высоко оценила заслуги Виктора Васильевича, наградив орденом «Знак Почета» и медалями.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

А. Г. БИКЧЕНТАЕВУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил писателю Анверу Гадеевичу Бикчентаеву приветственную телеграмму:

«Сердечно поздравляем Вас, видного башкирского прозаика, одного из мастеров многонациональной советской литературы, с днем шестидесятилетия.

Почти сорок лет Вы самоотверженно служите нашему общему литературному делу. Опубликовав в годы Великой Отечественной войны первую свою книгу, Вы упорно совершенствовали мастерство и создали произведения, свидетельствующие о широком диапазоне и больших возможностях Вашего дарования. Признание читателей заслужили Ваши романы «Лебеди остаются на Урале», «Я не сулю тебе рая», повесть «Орел умирает на лету». Юные читатели горячо полюбили Вас как автора повестей «Большой оркестр», «Дочь посла», «Сколько лет тебе, комиссар?», «Прощайте, серебристые дожди» и других. Лучшие Ваши книги переведены на многие языки народов СССР и ряда зарубежных стран.

Мы знаем и ценим Вас как художника современной темы, постоянно находящегося в поиске. В этом залог Ваших новых творческих достижений.

От души желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет бодрости, осуществления Ваших новых замыслов».

■

Тридцать лет назад, летом 1943 года, в районе Курской дуги в редакцию нашей армейской газеты «Мужество» пришел новый литературный сотрудник — капитан Анвер Бикчентаев.

Удивительно легко и быстро он занял прочное место и на страницах нашей солдатской газеты, и в нашем редакционном коллективе. У него оказались острое перо, цепкий взгляд, безошибочное чутье журналиста и к тому же никогда не изменявшее ему свое, оригинальное чувство юмора. Мы прошли вместе с Анвером Бикчентаевым по боевому пути нашей армии, протянувшемуся от Курской дуги до австрийских Альп.

Не раз мы отправлялись с ним по заданию редакции в воинска, на передовую, шагали по прифронтовым проселкам с полевой сумкой на боку, с плащ-палаткой, перекинутой через руку, на ходу рассуждая о жизни и литературе, в которой все мы мечтали работать в будущем.

В компании Анвера Бикчентаева всегда были веселы и приятны эти походы на передовую — ты знал, что рядом с тобой верный товарищ, неунывающий в трудные часы, надежный в минуту опасности. Но только потом мы узнали, что в его чемодане лежит орден боевого Красного Знамени — награда, заслуженная в тяжелых военных передрягах.

И вот прошло тридцать лет. Фронтовая дружба — самая крепкая, и все эти годы мы не теряли дружеских связей с Анвером Бикчентаевым. Было радостно видеть, насколько уверенно и прочно, как когда-то на страницы нашей армейской газеты, вошел он после войны в литературу своей родной Башкирии, в большую советскую литературу. Тема мужества и подвига, принесенная им с фронта, громко прозвучала и в его рассказах, и в повести об Александре Матросове. Роман «Лебеди остаются на Урале» сделал его одним из зачинателей и лидеров «рабочей темы» среди башкирских литераторов. А его книги для детей, такие, как «Большой оркестр», «Сколько лет тебе, комиссар?», и многие другие давно завоевали любовь юного читателя.

Анверу Бикчентаеву — шестьдесят. Да и мы, его фронтовые друзья, тоже находимся где-то у этого рубежа — кто впереди, кто немного сзади. Что ж, пусть уже не так стройны и гибки наши фигуры, пусть иногда сердце делает невежливые намеки на возраст — все же есть еще порох в пороховницах. И таким же веселым лукавством, как и раньше, блестят глаза нашего друга и такой же легкой походкой, как когда-то по прифронтовым проселкам, идет он сейчас по дорогам своей беспокойной и богатой литературной судьбы — то на целый год уезжает жить в город башкирских нефтяников Салават, то отправляется в далекую Индию и отовсюду привозит новые замыслы, новые книги. И каждая встреча с ним тепла и радостна.

По-солдатски обнимая в этот день Анвера Бикчентаева, хочу сказать ему:

— Тебе есть на что оглянуться: много пройдено и много сделано тобой. Но сколько еще остается пройти и сделать! Ведь главное в жизни всегда кажется лежащим впереди, иначе жизнь не имела бы смысла.

Доброго, долгого пути тебе, старый друг!

С. С. СМИРНОВ

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ВЕЧЕРА, ЮБИЛЕИ...

ГРУЗИЯ ЧТИТ СВОЕГО ПОЭТА

В связи с приближающимся юбилеем великого грузинского поэта Галактиона Табидзе наш корреспондент обратился к председателю республиканской юбилейной комиссии, секретарю ЦК Компартии Грузии В. М. СИРАДЗЕ с просьбой рассказать о том, как проходит подготовка к юбилею.

— Г. Табидзе занимает особое место не только в грузинской поэзии, но, можно сказать, и в сердце грузинского народа, в сердце каждого нашего соотечественника. Он с законной гордостью писал: «В Петрограде я стал очевидцем начала новой эры — Октябрьской социалистической революции, под сильным влиянием этих событий написаны стихотворения «Несколько дней в Петрограде» и «Огонь». По возвращении в Грузию под впечатлением событий Великого Октября я написал стихотворения «Возвращение» и «Корабль «Даланд», в котором впервые в грузинской поэзии упоминается имя великого Ленина». Тончайший лирик, создатель мелодичных стихов, как бы стоящих на грани слова и музыки, — таков Галактион Табидзе.

К юбилею издательствами республики подготовлены книги самого поэта: на грузинском языке — однотомник его избранных стихов, очередные тома академического издания сочинений, книга лирики Г. Табидзе на русском языке. Выйдут монографии С. Чилая и Г. Маргвелашвили, сборник воспоминаний и статей о Галактионе.

Во всей республике пройдут юбилейные вечера, состоятся митинги в Вани — родном районе поэта, в Кутаиси, в Тбилиси, на горе Мтацминда, где в Пантеоне покоятся его прах. Состоится закладка памятника поэту. Венцом всех юбилейных мероприятий станет пленум правления Союза писателей Грузии с участием представителей секретариата правления СП СССР и руководителей писательских организаций братских республик, а также большой юбилейный вечер.

Невольно вспоминаешь его слова: «Сам я как поэт целиком посвящаю себя служению народу и литературе». Народ платил и платит ему взаимностью.

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ,
собственный корреспондент «ЛГ»
ТБИЛИСИ

ВЕЧЕРА, ЮБИЛЕИ...

ЗВУЧНАЯ ЛИРА ГАМЗАТОВА

На днях в Колонный зал Дома союзов пришли сотни москвичей, многочисленные гости столицы, чтобы выразить свою любовь лауреату Ленинской премии народному поэту Дагестана Расулу Гамзатову в связи с 50-летием со дня его рождения.

В президиуме — заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, заместитель председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов, секретарь ВЦСПС Л. А. Земпянников, первый заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Ю. С. Мелентьев, председатель Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Н. В. Свиридов, Председатель Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР Ш. М. Шамхалов, секретарь Дагестанского обкома КПСС Ш. А. Исмаилов, первый секретарь правления СП СССР Г. Марков, секретари правления СП СССР и РСФСР, писатели, общественные деятели...

Открыл вечер председатель правления СП РСФСР С. Михалков.

«Слово о Гамзатове» произнес Чингиз Айтматов.

— Практика Гамзатова дает полное основание судить о благотворности творческого сочетания национального и интернационального в искусстве и литературе, — сказал он. — Утверждая слово Дагестана, утверждая гражданское и национальное самосознание своего народа, Гамзатов торит широкий общечеловеческий путь поэзии, осваивая опыт и достижения русской и мировой литературы, смело вторгаясь в диалектику современной жизни, в проблемы нашего века. Этим объясняется широкая известность и популярность Гамзатова, любовь многонациональных читателей к его стихам, прозе, ибо они в нем видят своего современника, близкого всем большого советского писателя.

Юбиляра приветствовали заместитель Председателя Совета Министров Дагестанской АССР З. М. Хизроева, секретарь ЦК ВЛКСМ Л. И. Матвеев, летчик-космонавт СССР Герой Советского Союза В. Севастьянов, генерал-майор Е. И. Востоков, писатели М. Алексеев, А. Кешоков, М. Турсун-заде Вл. Солоухин, А. Вознесенский, Я. Козловский, Н. Гребнев, работники издательства «Известий», корректор Л. Станкевич, наборщик Н. Цветков.

ТОЧНОСТЬ ВНИМАНИЯ

точном внимании к такому актуальному жанру, как историческая и историко-революционная проза. Как пример такой недооценки **Ю. Трифонов** и **П. Косенко** назвали не замеченного критикой интересного автора М. Семашко. Главный критерий, заявил Б. Жгенти, это не жанровая принадлежность, а прежде всего идейно-художественный уровень произведения, его воспитательное значение.

О качестве исторической и историко-революционной прозы, об ответственности писателя и взыскательности критики, о сотрудничестве литераторов с исторической наукой говорили **С. Дарончи** и **Б. Яковлев**, **Р. Мустафин** и **С. Дангулов**. Современная наша историческая литература, сказал С. Дарончи, опирается на достижения советской исторической науки. Нельзя противопоставлять писателя и историка, только в их плодотворном сотрудничестве рождается успех произведения. Было высказано пожелание — усилить, сделать более систематической, более глубокой критику исторической и историко-революционной литературы.

Проблеме классового подхода и интернационализма в исторической и историко-революционной прозе посвятили свои выступления **А. Нурпеисов**, **М. Шукуров**, **И. Аузинь**, **Г. Асатиани**, **Н. Сиротюк**. Не превосходство, а причастность, не изолированность, а общность — вот что составляет сегодня общенациональную гордость советского человека, заявил А. Нурпеисов. Писатель должен находить в истории то, что объединяет, а не разъединяет народы.

Подводя как бы предварительные теоретические итоги состоявшегося разговора, **В. Щербина** заметил, в частности, что, отдавая должное богатству и достижениям нашей исторической и историко-революционной прозы, нельзя в то же время допускать завышенных оценок произведений, не достигающих художественного совершенства. Все стороны нашего исторического опыта должны быть верно отображены писателем, при этом необходимо учитывать возросшую зрелость современного читателя, произведение должно способствовать его духовному обогащению и нравственному воспитанию. В. Щербина призвал литераторов глубже и шире осмысливать пройденный путь, правильно, с партийных позиций освещать его.

Предмет нашего обсуждения неисчерпаем, как неисчерпаем процесс художественного познания, подчеркнул в заключительном слове секретарь правления СП СССР Л. Новиченко. Но тем не менее очевидно главное — необходимость четкого партийно-классового подхода, необходимость широких интернациональных горизонтов для писателей, берущихся за эти темы. Речь идет о новой высоте историзма: с одной стороны — это осмысление современности в углубленных связях с прошлым, с другой — углубление современного взгляда на историю. Важно также внимание выступавших к вопросам мастерства.

Место исторического жанра в советской литературе велико и почетно. Состоявшееся обсуждение вызвано не каким-либо неблагополучием в нашей литературе, а необходимостью обобщения накопленного опыта и сосредоточения на нерешенных еще задачах в период, когда историческая и историко-революционная проза выдвигается на передовые позиции обострившейся идеологической борьбы.

Б. ХОТИМСКИЙ,
А. ГЕРАСИМЕНКО

Олег САЛЫНСКИЙ

О КАНОНАХ РОМАНТИКИ И «ПРИЯТНОЙ ЩЕКОТЕ»

Каковы те «опознавательные знаки», которые помогают отличить творческую удачу от несостоявшейся попытки! На этот вопрос отвечает автор

ПОТРЕБНОСТЬ в романтике живет в человеке всегда, она — неотъемлемое свойство человеческой души. Хорошо известны и черты романтической поэтики: прежде всего яркие чувства, резкие контрасты. Это героический символ, вобравший все лучшее, что автору видится в человеке, или же, наоборот, олицетворяющий отрицательные начала. Личность автора — на первом плане.

Нельзя, конечно, сказать, что романтическая проза сейчас — самая активная сфера литературы. Однако повести и рассказы, так или иначе связанные с этой литературной традицией, печатаются довольно часто. И это не случайно: у романтической литературы есть свой массовый читатель. Поэтому стоит поговорить о романтических повестях, опубликованных в последнее время в журналах.

Обратимся к повести Юрия Куранова «Звучность леса» («Молодая гвардия», № 5, 1973). Ю. Куранов — один из тех писателей, кто продолжает в нашей литературе линию современной романтической прозы. Говорить о том, что Ю. Куранов пишет о природе было бы не совсем точно. Здесь уместнее вспомнить слова М. Пришвина, который определил специфику своего творчества, как «видение души человека в образах природы».

Повесть Ю. Куранова — это поэтичная лирическая проза. Произведение наполнено таким сильным и своеобразным авторским чувством, что в его свете обычное, много раз виденное становится сказочным и удивительным.

Напряженного событийного сюжета в повести нет. Ее герой Андрей просто бродит по лесам и полям, смотрит и думает. Необычны места, по которым он ходит: Тригорское, Михайловское, река Сороть, овеянные гением великого русского поэта. Здесь навечно поселилась поэзия. Не она ли и является героиней на лесной тропинке в образе девушки, чтобы стать его проводником, помочь ему в шумах вьюги услышать и пушкинские стихи, и звуки бала, отгремевшего много лет назад в «Зеленом зале» Тригорского...

Но муза является только тем людям, чья душа настроена на волну поэзии, кто понимает, чувствует красоту. В повести Ю. Куранова нет острой ситуации, в которой раскрывался бы характер героя. В «Звучности леса» сущность человека проявляется перед лицом красоты. Способность чувствовать — вот та мера, которая определяет для Ю. Куранова полноту личности.

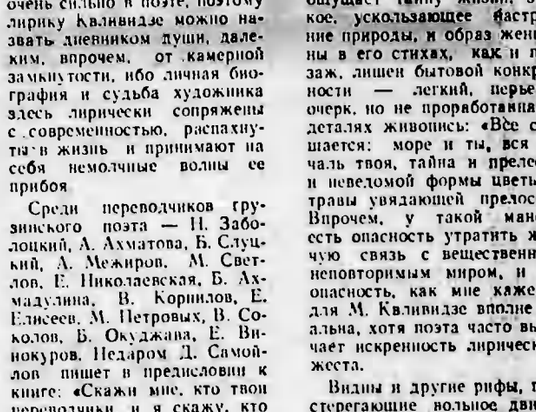
По своему отношению к природе, к красоте определяется и антипод главного героя. Как это и водится в произведении романтическом, противопоставление «доброго» и «злого» здесь — духовного и бездуховного, приземленного) сделано резко, без полутонов. Сосед Андрея, человек по-своему не злой, но совершенно прагматически воспринимающий мир, по-сказочному же и наказан за свою душевную глухоту.

Здесь я должен выразить несогласие с той оценкой повести Ю. Куранова, которая дана в статье Л. Михайловой «Маршруты фантазии» («ЛГ», № 41, 1973). Критик упрекает писателя и в пристрастии к архаике, и в «нацеленности против реальности». Думаю, что Л. Михайлова судит повесть не по тем законам, по которым произведение создано. В ней сквозь сказку проглядывают современные, близкие нам всем проблемы реальной жизни. Сказочная повесть Ю. Куранова современна по духу. Глядя на луну с лесной тропинки, по которой, может быть, еще Пушкин ходил, герой повести не может не думать о том, что сейчас на Луне находится машина, созданная человеком. Автор дает понять, что и сам Андрей тоже кое-что сделал для этого: он человек, причастный к космическим полетам. Возможно, он видел леса и поля с такой высоты, где нет не только снежных метелей, но и воздуха для дыхания. Однако метели, ледоход, ледяные фантазии, веточки вербы, песня о том, «как синица тихо за морем жила», ему необходимы. Но Куранову, это то, что определяет духовность человека.

Невозможно поэтому согласиться с выводом Л. Михайловой, что окружающий Андрея волшебный мир и вообще прекрасное «не дается в руки, рушится, соприкасаясь с человеком». В повести Ю. Куранова сказочные образы, конечно, не материализуются наивно, а исчезают. Однако живут они в сердце ее героя, будут с ним всегда.

Разумеется, далеко, которую избрал Ю. Куранов, не единственно возможная. Романтическому произведению могут быть присущи сильные страсти, острые, а иногда и мелодраматические ситуации. Необходимо лишь одно — романтика должна быть подлинной. Ведь даже читая повесть Ю. Куранова, иногда замечаешь, что нить искреннего, глубокого лиризма которая ведет вас по ее страницам, вдруг теряется. Вместо нее появляется обезличенная литературная поэтичность, прикрывает назидательная интонация.

Приходится, однако, читать произведения, в которых все аксессуары романтической прозы есть. Но не согретые искренним и сильным авторским чувством эти произведения художественно не убедительны. Будь даже сколь угодно экзотическим описание своих чувств, какие вообще не бывает у реальных людей, писатель-романтик имеет право отбросить психологические подробности, они мешают передать «одну — но пламенную страсть», то все равно нужна чувства, которая была бы человеческой. Любая литература, и полнокровный мир превращается под ее пером в ходульный, с ненастоящими страстями и фальшь. Подделка быстро заменяется вместо подлинной красоты и истины жизни в таком произведении обнаруживается. Торжественно, высоко звучит, будто от сердца, — риторика, вместо

Миха Квливидзе. «Продолжение следует». Стихи. Перевод с грузинского. Издательство «Художественная литература». М. 1973.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

МУЗА Михи Квливидзе выросла на перекрестке двух поэтических дорог — грузинской и русской. Он родился и вырос в Тбилиси, по большую часть своей творческой жизни прожил в Москве. Горные пейзажи и улицы родного города не просто соседствуют в его стихах с равнинами средней русской полосы и московскими дождями, но претворены в некое единство, в стилистическую систему, где отблеск грузинских закатов мягко ложится на русскую землю. Это единство достигается гармонической мерой души поэта, в которой неразрывно живут воспоминание и действительность. Исповедальное начало очень сильно в поэте, поэтому лирику Квливидзе можно назвать дневником души, далеким, впрочем, от камерной замкнутости, ибо личная биография и судьба художника здесь лирически сопряжены с современностью, распахнуты в жизнь и принимают на себя немолчные волны ее прибоя.

Среди переводчиков грузинского поэта — Н. Заболоцкий, А. Ахматова, Б. Слуцкий, А. Межиров, М. Светлов, Е. Николаевская, Б. Ахмадулина, В. Корнилов, Е. Елисеев, М. Петровых, В. Соколов, Б. Окуджава, Е. Винокуров. Недаром Д. Самойлов пишет в предисловии к книге: «Скажи мне, кто твои переводчики, и я скажу, кто ты...» Вообще-то говоря, афоризм далеко не бесспорный, но в применении к поэзии Квливидзе кажется справедливым. К лучшим переводчикам сборника надо по праву отнести и автора предисловия. Конечно, индивидуальность каждого поэта угадывается в переведенных им строчках, однако впечатления стилевой мозаики, пестроты тем не менее не возникает, и осколки лирики счастливо складываются в зеркало цельного поэтического характера, которое не льстит оригиналу и не отнимает у него бесспорных достоинств.

Одно из них — стремление к негромкому поэтическому размышлению, оправленному в строгую музыкальную форму. Голос поэта нигде не срывается на крик, он соразмерен внутреннему звучанию темы, знает границы своего диапазона. Приемы стиха, как правило, просты и изящны, метафора рождается естественно и даже в переводе сохраняет обаяние непредумышленности: «Как ласточки, вокруг созвучья вьются, у самых губ, сгорая, гибнут строчки...» Видны страсть, горечь, темперамент, но они не аффектированы, добраться же, наоборот, открыто доверчива, она не спрятана и идет навстречу читателю.

Квливидзе — романтик. Он ощущает тайну жизни, зыбкое, ускользающее настроение природы, и образ женщины в его стихах, как и пейзаж, лишен бытовой конкретности — легкий, перьевой очерк, но не проработанная в деталях живопись: «Все смешается: море и ты, вся печаль твоя, тайна и прелесть, и неведомой формы цветы, и травы увядающей прелесть». Впрочем, у такой манеры есть опасность утратить жгучую связь с вещественным, неповторимым миром, и эта опасность, как мне кажется, для М. Квливидзе вполне реальна, хотя поэта часто выручает искренность лирического жеста.

Видны и другие рифы, подстерегающие вольное движение стиха. Порой склонность к медитации вступает в противоречие с романтическим мироощущением, и тогда в поэзию врывается дидактика, побеждают формула, назидательность, моралите. Особенно это заметно в стихотворениях «Современная баллада», «Итак, я отложил на черный день свои стихи...», «К спору о «физиках» и «лириках».

К счастью, Миха Квливидзе, поэт чуткого и зрелого таланта, успешно преодолевает и рифы рационализма, и соблазны приблизительных стилевых решений. Сборник «Продолжение следует» вводит читателя в нравственный мир, где превыше всех добродетелей ценятся совесть и верность.

Е. СИДОРОВ

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

СТУДИЯ ГРАФИКИ

И. В. Гоголь. Собрание сочинений. Гравюра В. Фаворского.

На выставке, развернутой сейчас в павильоне «Советская печать» на ВДНХ, представлены многие из лучших книг с маркой издательства «Художественная литература».

Миллионы наших читателей хорошо знают разнообразнейшую литературную продукцию этого издательства. Оно с первых своих шагов, более четырех десятилетий назад, заявило о намерении утвердить новый тип массового художественного издания, создать и упрочить советскую школу книжного оформления.

Со времени своего рождения в 1930 году Гослитиздат привлекал к сотрудничеству лучших художников. Для издательства работал В. Фаворский, создавший уже в 1931 году гравюры к гоголевской повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», а в следующем — оформление к «Трудам и дням Михаила Ломоносова» Г. Шторма. До конца дней своих не порывал он связей с издательством, а среди работ, за которые был удостоен Ленинской премии, значились и «Маленькие трагедии» Пушкина, изданные Гослитиздатом.

Сегодня наследники Фаворского — большой отряд мастеров. В нынешнем году А. Гончаров выдвинут на соискание Государственной премии СССР, и тут названы работы, связанные с издательством «Художественная литература». Всемирно известные художники Д. Шмаринов и О. Верейский, Н. Кузьмин и Кунрыминсы, Е. Кибрик и Ф. Константинов... В шеренге графиков-иллюстраторов — В. Горяев, В. Носков, Д. Бисти, А. Голицын, Е. Сидоркин, Н. Попов, А. Ермолаев, Г. Клодт, В. Домогацкий, Ю. Космынин и многие другие.

На ежегодных всесоюзных конкурсах издания «Художественной литературы» удостаиваются почетных наград. И многотомные собрания, и отдельные книги, и изящные миниатюры...

Я. БАРКОВ

К. Федин. «Необыкновенное лето». Художник Г. Филипповский.

Акакий Церетели. «Лирика». Художник С. Сапожников.

Х. Эрнандес. «Мартин Фьерро». Художник В. Носков.

М. Шолохов. «Тихий Дон». Художник О. Верейский.

Сборник «Песни аратов». Художник В. Суриков.

«...СУХАЧЕВХУТОР Тридцать саманных хат — нок среди сугробов и самих похожих издали на сугробы в бескрайнем белом просторе приуральской степи. Здесь живут герои новой повести Юрия Гончарова, повести, которую, несмотря на вполне мирное место ее действия, по справедливости можно было бы назвать «военной». Хотя и стоит хутор далеко от линии фронта — здесь даже не застят свет ламп в коптилок шторами затемнения, — но вошла война и здесь в каждый дом: два года, как ушли в действующую армию все мужчины — отцы, мужья и сыновья сухачевских женщин, и не каждый из них потом, после войны, достанет из укладок упрятанную до поры довоенную гражданскую их одежду, хромовые сапоги, праздничные суконные картузы с лаковыми козырьками...

А пока в хуторе «всего мужиков-то» — дряхлый дед Силантий, сторож Ерофеич, его племянник, смышленый подросток Мишка, да выписавшийся из госпиталя после тяжелого ранения солдат Степан Егорыч. Вот он и остается после ухода на фронт председателя колхоза хозяином в хуторе, ответчиком за имущество колхозное, за судьбы женщин и детей.

Не богатырского сложения, не властного характером человека, не ухватистого, искушенного в многочисленных хозяйственных делах умельца выбрал главным героем своей повести Ю. Гончаров. Такому-то, пожалуй, легче было бы на третьем году войны вести хозяйство артели, поддерживать и направлять веру и уверенность односельчан. Нет, писатель «нужного» в осуществляющий хутор нашего человека — человека с большими и малыми бедами и бесконечными фронтовыми делами, от рассвета до глубокой ночи, от трезвого до последнего в сухачевской семье человека сугробного, безлошадного. Но, вероятно, Степан Егорыч дело, через обычное председатель Деревни. Не тут ли кроется самый нужный?» У председателя Степана о его беспокойном всегда добавил: «Одно слово — народ, и дело у нас одно, которые состоящие и которые нет».

Эта нужность, необходимость его здесь в хуторе, и делам колхозным, и женщинам, и ребятишкам, и дожидающейся весны, и земле и дала солдату силы, внутреннюю уверенность, энергию. Нерасторжимая связь особым образом соединила Степана Егорыча со всем вокруг, с живым и подлежащим, все стало его заботою, и не просто заботою, о которой думает одна лишь голова, а какою-то большой, трудной и бабьей частью его самого». Это-то и есть, по-видимому, главная мысль повести: беда Отечества, трудности его ложатся равными долями на плечи каждого его гражданина-патриота и нести эту ношу каждому следует с честью.

Писатель ставит своего героя перед немалыми испытаниями, и одно из них, может быть самое трудное, — испытание любовью женщины. Молодая вдова Васенича, когда-то принявшая его постояльцем неласково, даже сурово, разглядела благородную» душу Степана и полюбила бескорыстно, не требуя ни обещаний, ни жертв. Любовь и долг борются в солдате, и непросто ему выбрать в этой борьбе более правого.

Не доведется увидеть Степану Егорычу эту приуральскую степь весной, летом — цветущей, яркой, он проживет в Сухачеве только долгую зиму, а в один из мартовских дней тронется на запад, туда, где идут освободительные бои, в родные курские места, в деревню Заовражную, до которой «на карте расстояние было совсем недальним, не шире ладони. Но это на карте». Поедет, как и его госпитальный дружок Федор Карболкин, «эти самые головешки гасить», жизнь, порушенную врагом, на освобожденной земле восстанавливать. Но «часть его души тут навсегда и останется». Потому что будет молоть зерно восстановленная его руками мельница, поднимется по весне всходами зерно, добытое в районе его заботами, вырастет овечье стадо, спасенное от волков, и долго еще на хуторе и взрослые, и дети будут помнить устроенный им общий новогодний праздник, где угощался народ настоящими пирогами, где за тостом предсказывал он, Степан, что в наступающем году «за все людское горе отплатится людям радостью».

Ведя своего героя по тыловым дорогам, писатель вести столь же жизненно достоверны, как и иные, изображающие главное содержание жизни тыла — труд самоотверженный, истовый, духоподъемный, и дружбу человеческую, взаимную доброту, душевное родство, объединившее самых разных людей перед ликом общей, всенародной беды.

Что же, повесть безупречна? Нет, в ней найдешь и необязательные сцены, и длинноты, жизненный материал не всегда композиционно стройно организован. Некоторые из персонажей очерчены бегло: например, бедовая Машка Струкова — я она обещала быть образом непроходимым. Думается, и психологическая мотивировка образа Васенисы недостаточна: ее чувство к Степану Егорычу читателю не удается увидеть в движении, в развитии, и потому оно застает врасплох не только Степана. Стоит автору еще и еще пройтись по страницам повести взыскательным, строгим пером.

Читаешь «Нужного человека» с увлечением, хотя нет в повести особенных сюжетных хитрецов, острых конфликтов, более того — в ней нет... отрицательных героев. Впрочем, они все-таки есть: это война, навязанная стране врагом, это порожденные ею голод, сиротство, нехватка мужских рабочих рук, это жестокая зима, нашествие голодных волчьих стай, это «похоронки», вынужденное молодое вдовство, затянувшееся девичество... Правда пережитого народом горя и лишений, его оптимизм и жизнестойкость, изображенные Юрием Гончаровым через судьбы людей небольшого хутора в приуральской степи, и есть тот «секрет», что держит читательское внимание.

В повести «Нужный человек» не стреляют, не падают ранеными или убитыми, не ходит в разведку — там берегут от падежа, бескормицы и голодных волков скотину, сдают государству, фронту хлеб, мясо, правдами и неправдами собирают семенное зерно, там помогают пережить еще одну лихую зиму женам и детям фронтовиков, там приютили эвакуированных с оккупированной врагом территории — значит, и здесь противостоят врагу советские люди, и здесь воюют с ним, на этом, пусть самом дальнем фланге. Нет, все-таки это повесть военная — еще одна, наверное, не последняя, страница в той книге о силе духа и подвига народного, которую писатель пишет и в «Повести о ровеснике», и «Дезертире», и «Неудаче», и «Ста холодных ночах».

Н. ПОДЗОРОВА

ОТПЛАТИТСЯ РАДОСТЬЮ

Юрий Гончаров. «Нужный человек». Повесть. Журнал «Подъем», № 4, 1973.

СВЕРЯЯ С ВРЕМЕНЕМ СТРОКУ

Писатель и пятилетка — такова тема выступления нашего корреспондента

В КНИГЕ лауреата Ленинской премии Эдуардаса Межелайтиса «Янтарная птица» есть такие строчки (перевод подстрочный): «И мне рука редактора подсунула газетную... заметку. — Не можешь ли ты поехать туда поскорее? — Давай командировку...»

И газетная заметка, после которой последовала командировка на строительство электростанции «Дружба народов», воздвигаемой на границе трех республик, продиктовала Межелайтису значительную для него и для всей литовской поэзии «Братскую поэму». Более того — в своем «Корреспондентском дневнике» автор признается, что и некоторые аспирации его «Человека» берут начало именно оттуда, из Друскяй, из его поэтических репортажей.

Очевидно, подобные признания могли бы сделать и другие, ныне широко известные литовские писатели. Многие из них в трудные послевоенные годы, когда шла ожесточенная классовая борьба, колесили, перефразируя слова известной песни, «с ручкой и блокнотом, а где и с пулеметом» по возрождающейся республике.

Не будь этих писательских командировок, не пришли бы в литовскую литературу ни Яунюс Валюс, ни Ромуне Индрюнайте, ни другие яркие и запоминающиеся персонажи романа М. Слуцкиса «Лестница в небо», не познакомился бы читатель ни с Витаутасом Чеповисом, ни с Сигитасом Селисом — героями книг А. Беляускаса «Цветут розы алые» и «Каунасский роман», и вряд ли мы смогли бы восхищаться сегодня эпическими романами П. Авижюса.

Точно так же литовскую советскую литературу нельзя представить без очерковых книг «О чем песни не сложены» Ю. Балтушиса, «Люди и события» П. Авижюса, «Литовские американки» В. Петкявичюса, «Шюпилайцы, проснитесь!» А. Грицюса. В этих произведениях запечатлены важные этапы становления и подъема республики, образы людей, стоящих на передовой линии борьбы за социализм.

Примерно в середине 60-х годов в литовскую литературу стихийно ворвалась группа «моряков» и «путешественников». Рядовым матросом отправился в плавание молодой литератор А. Чекуолис, некоторое время спустя его примеру последовал И. Пиктурна, ставший первым помощником капитана. Невзирая на свое шестидесятилетие, собрался в море известный поэт и прозаик В. Сирвис-Гира. Добрых полгода бороздил он просторы океанов, работая судовым врачом. От книг, появившихся в результате подобных странствий, веет не только морской романтикой, экзотикой дальних стран, — в них поднимаются актуальные проблемы будней тружеников моря.

С интересным рассказом о Севере, его героических людях, о силе нерушимой дружбы советских народов, претворяющих в жизнь великие замыслы партии, выступил Ю. Пожера. Его произведения внесли новую ноту в жанр литовского очерка. С книгами Ю. Пожеры перекликаются очерки и репортажи Р. Будриса, а также Г. Метельского.

Как видим, этот жанр в Литве завоевал прочные плацдармы. И все же писательский очерк, черпающий материал в современной действительности, начал в последнее время меркнуть. Очерк был отдан «на откуп» братьям-журналистам, которые, к их чести, довольно активно и на высоком профессиональном уровне продолжают его традиции. А писатели, за малым исключением, оставили себе путевые впечатления.

Не желая быть голословным, прибегну к помощи статистики. Вот цифры по разделу «Очерк и публицистика» журнала «Пяргале»: 1970 год — восемь материалов, из них лишь половина принадлежит писательскому перу; 1971 год — девять и три. Точно такая же пропорция в прошлом году. Ну, а если добавить, что значительная часть писательских выступлений в журнале — это воспоминания и путевые впечатления, то получится, что очерков, посвященных современности, делам и людям девятой пятилетки, и вовсе нет.

Перелистываю номера нынешнего года. Напечатана обстоятельная информация о пленуме правления Союза писателей СССР, который обсуждал проблемы очерка. Вот тут бы, казалось, журналу и развернуться — опубликовать вслед за информацией несколько писательских очерков на темы сегодняшнего дня. Но только в июльском номере я наконец нашел три очерка Э. Межелайтиса — «Эскизы из блокнота». Отрадно, что один из крупнейших советских поэтов широко пользуется услугами корреспондентского блокнота и его очерки, как всегда, написаны мастерски.

В восьмом номере напечатаны очерки «Две поездки на терикон» Л. Вайсберга и «Антанасу требуется корабль» И. Пиктурны. Надо надеяться, что, может быть, к концу года журнал отведет больше места серьезному, боевому жанру.

Еженедельник творческих организаций республики «Литература ир менас» ввел немало актуальных и интересных рубрик: «У карты республики», «Публицистика», «Очерки», «Из блокнота писателя». Увы, все эти рубрики, за исключением довольно редко появляющейся последней, заполняются не писателями. В одном из июльских номеров еженедельник, стремясь непосредственно вовлечь литераторов в беседу на актуальные проблемы дня, предложил анкету «Писатель и пятилетка». На сформулированные редакцией вопросы ответили пока лишь В. Сирвис-Гира, Л. Яцинявичюс и Ю. Некрошюс.

Творческие организации Литвы (кстати, по инициативе еженедельника) взяли шефство над одной из крупнейших строек республики — строительством Мажейкского нефтеперерабатывающего комбината. С этой целью введена и рубрика «ЛМ» в Мажейкяй» — это как бы корреспондентский пост. Но в нынешнем году здесь напечатан лишь очерк В. Жвирдаускаса «Эскизы нефтяного города». Автор — член Вильнюсской секции молодых писателей — увлеченно рассказывает о стройке.

С людьми одного из цехов Каунасского шелкового комбината имени П. Зибертаса знакомит читателей другой молодой писатель — Р. Балтушникас. Широкий отклик вызвала публицистическая статья В. Даутартаса по вопросам охраны природы. И, наконец, интересные очерки Н. Довидайтиса, печатавшиеся в четырех номерах «Литературы ир менас». Хотя этим очеркам порой недостает глубины в анализе проблем, нельзя не поддержать стремление автора находиться в водовороте дел и событий сегодняшнего дня.

Литовские писатели поддерживают творческие связи и с заводами, и с колхозами, и со стройками. Но, к сожалению, содружество это подчас носит скорее парадный, нежели деловой характер. Вспоминаются торжества вручения первой литературной премии на Каунасском шелковом комбинате имени П. Зибертаса, где прозвучало столько добрых слов о пользе взаимных контактов. А вот что говорит член жюри по присуждению литературной премии, главный инженер комбината В. Гайлюнас: «... повседневных встреч немного. Может быть, и мы сами не проявляем должной настойчивости, но и писатели не всегда быстро откликаются на наши просьбы».

Кстати, во время состоявшейся нынешней весной беседы писателей республики с вильнюсскими партийными и советскими руководителями секретарь Ленинского райкома партии Г. Радзявичене заверила, что любое предприятие охотно предоставит работу литераторам и даже не слишком «перегрузит» их производственными планами. Возможно, стоит воспользоваться услугами рабочих коллективов. С другой стороны, существует село, из которого «вышло» большинство писателей. Ныне это новое село, однако о нем, кроме «Литовских американок» В. Петкявичюса, опубликованных почти десять лет назад, да очерка П. Авижюса о доярке Герое Социалистического Труда Янине Домкене, ничего запоминающегося за последние годы также не создано.

Издательство «Вага» запланировало выпустить сборник лучших очерков года. Год уже на исходе, а папка, предназначенная для этой книги, все еще пуста. Договор подписан лишь на один очерк.

Материалы всесоюзного писательского пленума, посвященного проблемам очерка, обсуждались на президиуме правления Союза писателей республики, о постановлениях пленума литераторам напомнила на открытом собрании партийная организация. Еще в мае была создана совместная комиссия писателей и журналистов по вопросам очерка и публицистики. Но комиссия, по словам ее председателя Р. Будриса, едва узнав о своем рождении, ушла... на летние каникулы. Лето прошло, комиссия отдохнула. Может быть, теперь она возьмется за дело.

На днях в Союзе писателей Литвы состоялось открытое партийное собрание, на котором обсуждался вопрос о связи писателей с жизнью. На нем выступили Ю. Пожера, А. Балтрунас, В. Петкявичюс, В. Радайтис, заместитель главного редактора журнала «Нямунас» Л. Гудайтис и другие. Присутствовавший на собрании директор Вильнюсского завода электросчетчиков, кандидат экономических наук Д. Кузминскас рассказал о руководимом им предприятии и пригласил писателей принять участие в культурной и производственной деятельности рабочего коллектива. Тут же был подписан шефский договор, по которому оба коллектива — писатели и производственники — обязались оказывать друг другу разностороннюю помощь. Хочется верить, что этот договор принесет обоюдную пользу, что он возбудит у писателей интерес к рабочей теме, что постоянное общение мастеров слова с передовиками производства даст импульс для таких произведений, которых с нетерпением ждут читатели.

Пятрас КЕЙДОШЮС,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ВИЛЬНЮС

Иллюстрации художника И. Бабаянца к «Стихам о горной тропинке» Зейнала Халила. Издательство «Советский писатель». М. 1973

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

А. М. БОРЩАГОВСКОМУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Александра Михайловича Борщаговского секретариат правления Союза писателей СССР, Комиссия по военно-художественной литературе Союза писателей СССР направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Горячо поздравляем Вас с боевым юбилеем — 60-летием со дня рождения и 40-летием творческой деятельности.

Начав свой трудовой путь с ученика-котельщика, Вы стали широко известным писателем. Прозаик, драматург, киносценарист, Вы прошли по многим жизненным дорогам искусства, литературы, науки. Работая в Театре имени Франко, в театре Киевского особого военного округа, в Комитете по делам искусств Украины, в Центральном театре Советской Армии, в редколлегии журнала «Новый мир», Вы проявили себя острым, принципиальным автором многих книг и драматургических произведений.

Вы по праву носите медали «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». В годы войны Вы создали две патриотические пьесы для театра братской Монголии. Ваши романы «Русский флаг», «Млечный Путь», повести «Остров всех надежд», «Седая чайка», «Тревожные облака», пьесы «Жена», «Медвежья шкура», кинофильмы «Три тополя на Плющихе», «Третий тайм», публицистические сборники «Безумству храбрых...», «Толпа одиноких» и переводы романов с эстонского и башкирского завоевали Вам заслуженную популярность в мире литературы, искусства, среди широких читательских масс и зрителей театров и кино.

Ваша активная партийная и общественная деятельность в Московской писательской организации, в университете культуры при ЦДЛ, в правлении общества «СССР — Швеция», а особенно работа с молодыми писателями снискали Вам заслуженное уважение Ваших товарищей по Союзу писателей и по Вашей работе».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

В 1949—1953 годы литературный критик и театровед, казалось бы, определивший уже навсегда направление своей жизни, углубился в военные архивы и, не устрашившись непосильной новизны труда, создал фундаментальный исторический роман. Это был сразу полюбившийся читателю «Русский флаг».

С тех пор Александр Михайлович Борщаговский написал много талантливых книг. Мне близки его книги, и я радуюсь его напору и оптимизму: писатель много работает в разных жанрах — исторический роман, современная повесть, рассказы, киносценарии (девять фильмов, в том числе «Три тополя на Плющихе»), газетная и журнальная публицистика. С такою щедростью ошибочно сближают понятие легкости, отсутствия труда. Но это не так, совсем не так в случае с Борщаговским.

Конечно же, расточителен этот в зрелости пробудившийся талант. Но юбилейная дата дает повод перечитать, единым взглядом окинуть сделанное. И тогда отдельные точки интереса связываются прочно в один узел. Думаешь: как же ты раньше не увидел этой связи и единства? Братство людей в подвиге, общность их перед смертельной опасностью — таков сквозной мотив многих книг Борщаговского. Об этом и «Русский флаг». И «Пропали без вести». И «Тревожные облака». И, наконец, «Млечный путь» — эпопея мужественного, драматического ухода колхоза на восток страны от вражеского нашествия. Тема «множественного героя» и коллективного подвига беспредельна, она особенно важна в наши дни, в истории и жизни социалистического общества.

Для меня писатель начинается там, где он заставляет меня поверить в истинность своего существования, в принадлежность не книжному, а живому миру людей, миру земли и воды, облаков и зябких, оголившихся ветвей. С поднупающей силой этот мир народной жизни выразился в лучших рассказах Александра Борщаговского последних лет, рассказах о современной деревне и ее людях.

Пусть же и далее успешно и во всю силу своего дарования работает этот писатель, вдумывающийся в нашу жизнь и стремящийся посерьезному выразить ее.

Николай АТАРОВ

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

ВОЛШЕБНЫЙ МИР ЧИКА

КРИТИЧЕСКАЯ статья — это, вероятно, попытка дать портрет автора, угадать его сокровенное, донести до читателя «тайну» открытого.

Критическая статья — желание показать авторские взлеты, уловить ту особенность, ту неповторимость, которая и есть писатель.

Я читала повесть «День Чика» дважды: первый — в журнале «Юность», а потом — в сборнике «Первое дело», выпущенном издательством «Детская литература» в 1972 году.

Как профессионал я понимаю, что «Чик» — прежде всего произведение литературное. Но достаточно ли этого, чтобы объяснить основу ткани такого повествования? Мне слышатся не слова, а музыкальные звуки, и я понимаю, что музыкальность ткани, ставшая основой повести, рождена автором бессознательно. Это — как пришек к хлебу, посаженному в печь. Посадил в печь, а родилось, испеклось что-то гораздо большее, чем было задумано.

Медленно и весело, поворачиваясь к солнцу, отражая его лучи, вращается кристалл, созданный сердцем человека, его памятью, особой насмешливостью его разума, очарованием его юмора, ликующим ощущением здоровья, тепла.

С какой точной и откровенной силой мальчишеского здоровья, с какой насмешливой откровенностью, с каким «блеском» человеческого благородства очерчен Чик!

Он неповторим в своем ощущении мира — мира, который видится читателю глазами только этого мальчика. Здесь и любовь юного героя к собаке, и его неосознанная любовь к девочке, и его корректное сострадание больному мальчику, и честолюбие, и жажда славы, и жажда «преимущества сильнейшего», и многое, многое другое.

Хочется и следует сказать хоть несколько слов об остальных героях повести. У каждого из них как бы своя мелодия, отчетливая и точная, мелодия души, характера, склада: Оник — с его отсутствием честолюбия и физической ловкостью; Соня — дочь Бедной Портнихи, с ее безответной любовью и кротким подхалимством; Лесик — с его растерянной улыбкой, покорностью обстоятельствам и безропотностью... А как прелестна девочка Ника — женщина с ног до головы — в великой и победительной уверенности в себе, она — с ее красным желтым сарафаном и «худым» шагом; она — первая любовь и первое желание Чика!

Но прелестнее всего в повести «партия левой руки», а именно — слава миру — ветке с плодами; ощущению полноты жизни, ее терпкого вкуса...

Прекрасна эта музыка жизни, в ней слышится не одно лишь ликование, а множество и множество оттенков, которые и есть жизнь: тревога за собаку (ведь Чик так любит ее!), тревога за то, «а окажусь ли я победителем?». И великая грусть от известия о том, что отец Ники — в тюрьме...

И несколько слов о следующей вещи: «Ночных тайнах», напечатанных в ленинградском журнале «Аврора» в 1972 году.

Это как бы рассказ о ночных страхах — тех удивительных и полукомических иллюзиях, которые к нам приходят только в ночные часы. Но главное — рассказ о безупречном ощущении чести, ощущении почти физическом, физиологическом, честь — как бы состав крови маленького героя, состав его мыслей, чувств, восприятия жизни.

И вот приходит утро с его полупрозрачным светом и успокоением. На этот раз покой подарен Чику женщиной, тетей Наташей, его прикосновением к ней, ее теплом, светом, добротой.

А теперь о рассказах, вошедших в сборник.

Книгу «Первое дело» открывает «Рассказ о море».

Я — человек, родившийся у моря, вижу его внезапно распахивающимся перед моими глазами, я вижу, как видит его человек, рано научившийся плавать и в детстве тонувший. Мне глубоко понятен страх смерти, живущий рядом с ярчайшим солнцем, рядом с напоенной светом Вселенной.

А как хороши двое влюбленных, сидящих на камне (юноша в новых ботинках, которые, как кажется мальчику, невозможно, немыслимо испортить, окунув их в воду). Едва намечено очарование бегущих друг к другу взглядов юноши и девушки — под светом ослепительного неба... И вдруг — бросок! Ни секунды не раздумывая, парень в «новых ботинках» кидается в воду, чтобы спасти тонущего мальчишку...

Прекрасны для меня заключительные строки рассказа: «Так он ушел навсегда, со своей девушкой, ушел, мимоходом вернув мне жизнь».

В этом коротком рассказе сказано о значимости человеческой жизни, о круговой поруке людей. Но кроме того, в рассказе — прелестный мир молодости и влюбленности.

Но особенно близок мне рассказ «Дедушка». Молчаливое трудолюбие, неутомимость деда (который — как бы немой укор окружающим). Труд без слова похвалы в награду (да человек-труженик этого слова и не ждет!). Труд — как бы песня, основное содержание жизни: ее радостей и печалей... Труд — по существу, талант, слитый с человеком воедино.

«...Горячая жалость к дедушке пронизывает меня. Дедушка, деду, думал л, за что они тебя все ругают, за что?..»

Юмор — качество само по себе, разумеется, весьма драгоценное. Но у Фазиля Искандера юмор как бы состав тон глины (если сравнить труд писателя с работой скульптора), из которой художник лепит свою словесную и смысловую ткань.

Насмешлива глубина самых сложных человеческих мыслей, и надо всем как бы носятся смех, улыбка, и нет без них Фазиля Искандера.

А как велика и отчетлива песня добра, сквозящая в повестях и рассказах этого особенного автора!

Не знаю, как другие, но я слышу его с отчетливой ясностью и с отчетливой ясностью понимаю, что Фазиль Искандер как бы писатель для всех. А это случается очень редко. Его прочтут и читатели очень квалифицированные, и малоквалифицированные. Прочтут — и оценят.

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО

Рамз БАБАДЖАН
Гарольд РЕГИСТАН
Евгений ХРАМОВ
Никул ЭРКАЙ

ЧИТАТЕЛЬ ПОДДЕРЖИВАЕТ

КНИГА МОЕГО КОМАНДИРА

Я хорошо знаю героев книги Алексея Очкина «Суровые люди» (издательство «Советская Россия»), ибо воевал рядом с ними, делил с ними фронтовые невзгоды, перевязывал их раны, вынимал их беспомощные тела из-под школьных обстрелов в укрытия, вдыхал из выловленной в Волге рыбы, глушеной взрывами бомб и снарядов. Бойцы прозвали меня Солнышком, рассказ обо мне так и называется — «Солнышко». В нашей группе «57 бессмертных» была медсестрой. Нашим командиром был комсорг истребительного противотанкового дивизиона лейтенант Алеша Очкин.

Когда я читаю книгу Алексея Очкина, когда он рисует дорогие мне образы бойцов, я узнаю моих товарищей по оружию, слышу их голоса, вижу их живые лица. А ведь многие герои, живущие в книге А. Очкина, еще на войне шагнули в бессмертие, в том числе и четырнадцатилетний Ваня Федоров. Читая книгу, я вновь восторгалась мужеством этого паренька, который в один из самых тяжелых дней борьбы за Тракторный, с перебитыми руками, вытащил чеку гранаты зубами и бросился под танк.

Не могу без слез читать о коммунисте Пивоварове. Не могу забыть его геройской гибели. В тот октябрьский день, кажется, что наш Пивоварыч «бражен вражеским осколком, я пополэла к нему. Над головой свистели пули. Я потеряла пилотку. Задыхалась в дыму, ползла сноровки, кричала: «Иван Афанасьевич! Иван Афанасьевич!..» Слезы застилали глаза... Он еще был живой. Я быстро перебинтовала его, пыталась остановить хлещущую кровь. Он сказал мне последние слова свои: «Не надо, Солнышко... Передайте сыновьям...» Я рыдала. Ушел от нас Пивоварыч, носивший в своем вещмешке бессмертный роман Николая Островского «Как закалялась сталь»... Алексей Очкин очень удачно раскрыл душу нашего Пивоварыча, его мечты: «Взглянуть бы хоть одним глазком, лейтенант, годков через двадцать... Как оно будет?!» — в раздумье сказал Пивоварыч. — Что из моих детей получится?.. Четверо у меня их, друг Алеша, две дочери и два сына...» Мы, живые, воевавшие рядом с коммунистом Пивоваровым, знаем: его два сына и две дочери получили высшее образование, живут счастливо. Теперь у покойного Ивана Афанасьевича растут внуки.

В книге описан и воин нашей группы Николай Смородин, вернувшийся с войны без обеих ног. Героя полюбила чудесная девушка Наташа. Мы их друзья, радовались. Но случилось несчастье: в автомобильной катастрофе погибла Наташа, а через некоторое время погиб в дорожной аварии и Николай Смородин. Осталось пятеро детей, которых сердечно поддержали хорошие люди, о чем писала «Литературная газета» в № 23 за 1970 год. С детьми Смородина я переписываюсь...

Алексей Очкин вспоминает в своей книге: «Совсем недавно в Москве состоялось театрализованное представление о «57 бессмертных», и пригласили нас троих из группы: Антонину Давыдову — Солнышко, Николая Сергиенко и меня. Возвращаясь из Зеленого театра Измайловского парка, мы решили завернуть на Красную площадь». Мы слушали кремлевские куранты и думали: «Стоило умирать на волжской круче, чтобы всегда было так весело на Красной площади, чтобы всегда был у Мавзолея Ленина пост номер один. Так, в раздумье, и стояли мы все трое, оставшиеся в живых из 57-ми...»

Каждая страница книги напоминает мне пережитое, незабываемое, такое значительное и дорогое!

Антонина ДАВЫДОВА,
стрелочница, участница обороны Сталинграда

гор. ДРУЖКОВКА, Донбасс

ЧИТАТЕЛЬ СЕРДИТСЯ

НЕУМЕСТНЫЕ ШУТКИ НИКОЛАЯ АНИКИНА

Герои первой книги Адольфа Шушарина «Река непутевая», выпущенной в свет Южно-Уральским книжным издательством, — наши молодые современники: шахтеры молибденового рудника, прокладчики нефтепровода, строители моста через реку Ншим. Автор избрал для художественного осмысления, очевидно, хорошо знакомый ему «объект» — из предисловия я узнала, что он сам работал в шахте, принимал участие в геологических экспедициях.

Надо сказать, что знание фактографии, путь «от жизни» делает некоторые детали повествования А. Шушарина достоверными, убедительными. Но чем *больше* углубляешься в книгу, тем больше поводов дает она для разочарования и возражений.

Поначалу привлекает образ молодого шахтера Аникина из повести «Свои брат рабочий». Аникин высказывает правильные, зрелые суждения «...Неважно, какую человек работу выполняет, — размышляет он, — печи ли кладет, стихи ли пишет или молибденчик добывает — важно, чтобы он делал ее как следует...»

Действительно, работает Аникин, не жалея сил, даже *перевыполняет* план. Однако от страницы к странице все настороженней становится наше отношение к нему. И дело вовсе не в разухабистом языке, каким он повествует о жизни шахты, и не в слишком уж непосредственных оценках, которыми он награждает окружающих его людей, а в том, что поразительные самовлюбленность и самодовольство просвечивают в каждом поступке Аникина. Создается впечатление, что нелегкий труд шахтеров используется автором лишь как фон, удачно оттеняющий молодецкую удаль героя.

И верно — если в шахте Аникин еще кое-как справляется с обязанностями положительного персонажа, то, едва оказавшись на поверхности, он окончательно теряет остатки привлекательности и меркнет буквально на глазах. Куда девать себя в свободное от работы время, Аникин решительно не знает. И его философия о «хороших делах» сменяется привычной обывательской сентенцией: «А чего умничать-то по каждому поводу! Надоело мне это».

Удивление герой изъявляет исключительно при помощи фразы: «Мать моя — женщина!». ЧП ли в шахте, полюбила ли девушка, «ляп» в газете — события разного порядка резюмируются Аникиным этим «Мать моя — женщина!». Фраза эта, по-видимому, расценивается автором заодно и как проявление юмора. Надо сказать, что шутит Аникин постоянно, по поводу и без повода, даже в минуту опасности. На шахте происходит авария, читатель ждет, когда же наконец станет серьезным герой, и напряженно следит за исходом борьбы с плывуном, — Аникин же продолжает любоваться сам собой и своими шутками-прибаутками наводит на мысль или о пустячности происходящей борьбы, или о собственном, мягко выражаясь, недомыслии.

Разумеется, автор волен сосредоточивать внимание на любых сторонах жизни и, соответственно, на любых героях. Но тогда с необходимостью встает вопрос об авторском отношении к герою, о позиции самого А. Шушарина. С какой целью А. Шушарин представил Аникина читателю? Чтобы предостеречь от бездуховной, самоудовлетворенной жизни? Чтобы показать удачливого рубаху-парня? Но вряд ли Аникин вызовет в читателе такую ярко выраженную симпатию, какой преисполнен к нему сам автор.

Возможно, увлекшись описанием мелочей, А. Шушарин проглядел что-то большое, важное и необходимое в жизни героя. Мы же он недостаточно полно овладел жизненным материалом, не осмыслил его художественно.

Пожалуй, единственно удачная в книге повесть — «Рена непутевая». В ней мы встречаем серьезные характеры, которые раскрываются в острой, драматической ситуации. Хотелось бы думать, что именно эта повесть определит направление художественных поисков молодого прозаика.

Н. ВОЛКОВА,
преподаватель

МОСКВА

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

«...ПОДМЕНА ВАОВЕСАМИ»

ГОРЕСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТИХАХ МОЛОДЫХ

К СОЖАЛЕНИЮ, в нашей молодой поэзии то и дело встречаешься с лирическим героем, который что-то смутно ощущает и вроде бы чего-то хочет. Больше всего он обожает свои странности. Например, он любит подышать на стекло, поводить пальцем по измороси, набрать номер телефона и не позвонить...

А уж если этот герой начинает действовать, скажем, пилить дрова, переплывать реку, вести машину, дробить с геологами породу, тащить невод, невольно замечаешь, что делает он все это неумело, неправильно, не по-хозяйски, иначе говоря, неправдоподобно. Слишком быстро переплывает широкую реку, отбивает от скалы не гранит, не шпат, не кастерит, а просто камень, собирает не боровики, не грузди, а в общем грибы, ловит не треску, не сельдь, не судака, а, «так сать», рыбу... Он обходится общими словами, а общие слова — всегда чужие...

Птица, которая только «стала на крыло», называется подлетком. Не моя задача сбивать подлетков на вылете. Я не везде буду называть фамилии, дело не в именах, а в тенденции. Вот стихи о лютике:

И стал тихонько
в вышину расти.
Ты посмотри!
Какое это диво:
Он рвется вверх,
Он хочет улететь.
И листья на ветру
дрожат красиво,
Как будто бы распутывают
сеть.
Он в этот час цветет
еще прекрасней,
Чтоб ты его сумела
рассмотреть...

Цветка мы так и не видим. Остается верить автору, что он «дрожит красиво» и «цветет еще прекрасней». Точные слова не найдены, их подменяют общие восклицания: «В вышину, вверх, диво...».

ЕСЛИ человек умеет штукатурить стены, то даже нехотя он со своей работой справится. Но если человек не любит эту работу, то в стихе он стену не оштукатурит. Всякая неискренность особенно заметна в стихах о труде.

Вот «рабочие стихи» А. Парпары из коллективного сборника «Разнотравье»:

Всю ночь всею
трудились «МАЗы»,
В опоры бил бетонный вал,
И мастер — черт
зеленоглазый —
Перекурить нам не давал.

Вибратор громыхал сурово,
Немела цепкая рука,
А он десятибалльным
словом
Нас за медлительность
ругал.

И, понимая неприличность,
Но зная о его судьбе,
Двадцатилетнюю привычку
Ему прощали, как себе.

В часу шестом затихли
страсти:
Потом застыл бетонный
вал,
И черт зеленоглазый —
мастер —
Нас трижды всех
расцеловал.

Для экономии места я «стянул» лесенки. Если бы эти стихи были просто неумелыми, плохо зарифмованными, недодуманными, — все это можно было бы простить молодому поэту. Но прежде всего в стихах замечаешь нанигранное волнение, фальшь («черт зеленоглазый — мастер — нас трижды всех расцеловал»), искаженную сущность человеческих взаимоотношений («двадцатилетнюю привычку ему прощали, как себе»), а потом уже лезут в глаза штампы («вибратор громыхал сурово» и т. п.).

А вот другой пример, когда все слова вроде бы из рабочей лексики (молоток, зубило, пробойник, цех, вагранка), а стих звучит как пародия:

И долго не в своей тарелке
Я в цехе чувствовал себя...

Я помню: ты ковал отвал
И взглядом попросил
зубило,
А я тебе пробойник дал...

Но в молодых руках
напильник
Не пляшет что-то ни черта...

Только стали не всегда
мешала
Встреча с камнем,
смоченным в росе...

Одним словом, «камень, смоченный в росе»... Автор этих строк — мичанин Б. Спиричан, он не новичок — издал несколько книг...

«АТАКА. Сухопарый политрук и то сказать, что человек железный. «Вперед!» А впереди, казалось, бездна. Но с ним вся рота поднималась вдруг. И шли в атаку, зная — хватит жить, что наша смерть геройская отныне у поколений навсегда в помине и нас теперь нельзя остановить! Под Харьковом, прорвавшись на рубеж, издерганные руганью зениток, мы словно ощутили сил избыток и причесали Лысой Горке плешь...»

Судя по стихам, автор — участник войны. Перечитываю предисловие к его циклу — родился в 1947 году!..

Конечно, поэт имеет право на перевоплощение, он может быть в своем творении и солдатом, и космонавтом, но есть неписаные этические законы, которые соблюдали все художники. Лермонтов в «Бородине» сначала обратился к старому солдату, а потом уже заговорил от его имени и от имени всей России.

Другой поэт, тоже сравнительно молодой, в одном из своих стихотворений сбрасывает зажигалки с крыш осажденной Москвы. Год рождения поэта — 1942-й — значит, зажигалки он сбрасывал, не родившись...

Зачем же понадобилось этим молодым поэтам присваивать опыт предшествующего поколения? Думаю, причина кроется в неумении выразить свою неповторимость во времени, найти его характерную радость и драматичность. А ведь лучше, чем фронтовое поколение, о войне написать стихи невозможно — это их юность, их время, их бессмертие.

Конечно, превратить в поэзию летящее на тебя время гораздо труднее, чем иметь дело с временем «обработанным» и «остановленным» другими. Но этот усмиренный и объезженный другими конь может привезти только на стезю литературщины.

Молодой поэт Н. трижды в своих стихах «убил» на войне отца. А отец его жив-здоров, косит траву, разводит пчел... Дай бог ему здоровья.

Вот уж, как говорится, ради красного словца не пожалеет и отца... Разве мало сегодня на земле больших трагедий и больших радостей? Разве для калек война закончилась в 45-м?

Вот честное и самостоятельное отношение молодого поэта к событиям, в которых он не участвовал:

Было время, и костыль
Был стволом березовым.
На закатах твой костыль
Был молочно-розовым.
Шелестеть любил костыль.
По ночам светился.
Было время, на костыль
Соловей садился.

Стихи принадлежат перу Егора Самченко. Оказывается, не надо придумывать биографию. Если она есть.

Так что не стоит сбрасывать с крыши давно сгоревшие зажигалки!

СОВСЕМ недавно сестра Анна Андреевна Ахматова писала страстные стихи о любви, а любовная лирика двадцатилетних поэтов и поэтесс умиляет своей холодной рассудочностью. Казалось бы, сам возраст велит им оседлать эту тему. Наугад открываю коллективный сборник «Родники», и опять эта неопределенность, «вождение пальцем по запотелому стеклу»:

«Я тебя разлюбить не могу. Напишу твое имя на снегу. Снег растает, станет водой, хлынет к морю с моею бедой. Станут глубже моря от любви. Ты подальше от моря живи».

Последняя строчка звучит всего лишь как желание уйти от банальности, потому что стихи продиктованы лишь одним желанием — написать стихи.

Этот же автор, В. Куприянов:

«Мгновений нет, есть жизнь длиною в славу и человек — в любовь величиной».

Прямо-таки надгробная эпитафия над умирающей темой!

Где же чувство — первичная основа стиха? Чувства нет, зато есть множество заменителей.

Пустота и пустота всегда рядятся в слишком яркие одежды. «Случай» становится «судьбой», «рождение» — «сотворением», «тропа» — «стезей», «благодарность» — «благодареньем» и т. п. «Здесь каждый миг — благодаренье своей звезде, своей судьбе, и тишина, как озаренье, хрустально царствует в тебе. И чудо... Нет, еще не чудо, а лишь предчувствие его восходит солнечно и люто из подсознанья твоего», — пишет Ю. Паркаев.

Вот она — ряженая пустота, и природа ее «сотворения» объясняется просто: поэту нечего сказать. Вхолостую звучат и эти строки В. Шленского:

Останови начало лета,
скорей, прошу тебя,
скорей!
Хочу я нынче сделать
слалом
с еще не запыленных
дней...

Есть в этом желании что-то жеманное, кокетливое, ведь мальчик не так уж наивен, как хочет выглядеть в стихах. Но не будем обращать внимания на его фальшивый тон, проверим гармонию алгеброй: какой слепок, зачем он понадобился, зачем нужно останавливать начало лета? Автор сам не знает. Вспоминаются стихи Слуцкого, в которых он обращается к вечернему солнцу 21 июня: «Остановись, помедли...». Ведь вот-вот начнется война, горе, сиротство... Внешне стихи схожи хотя бы обращением к солнцу, к лету: «не заходи, помедли...», «останови начало лета». Но далеко не равнозначна необходимость их написания.

СЛОВНО сговорились молодые поэты бухаться на колени перед родниками и речками своего детства, иначе говоря, «припадать к истокам». Так и видишь здоровых молодых людей, которые вдруг хлопаются на землю и начинают наперебой хвастать своей облегченной любовью к родным купелям, криницам, сажалкам, бочагам, старицам:

Купель моя, священные
истоки,
веселые лесные родники...
Вернуться бы!
Принижаю сроки,
но все дела,
все как-то не с руки.
Несладный век,
несладкая работа,
досадных мелочей —
невпроворот;
чего-то ждешь, и этого
«чего-то»
ну просто позарез
недостает...
Спешим! И там, где травы
проливные,
у родника колени
преклони...
...Истоки начинаются
в России,
с России начинаются они!
(Ю. ПАРКАЕВ)

Вот уж в самом деле «куча мала»! И неправомерное соседство слов «священные — веселые», и легкомысленное порицание века, и смутное (опять!) желание чего-то...

А вот еще один поэт «припадает» к своей речке, разница только в названиях рек и водоемов:

«Эта речка Ладомирка
с гладью тихой, с гладью
синей... И когда я припадаю
к этой жилке сердцем
сына... И у этой тихой речки
понял четко и впервые,
что причастен стал навечно
я к земле моей — России...» (А. Парпара).

Так в чем же она — великая причастность к родной земле? Почему поэт заговорил о ней? Что он увидел, кроме этой речки? Пепел сожженных деревень, мужество народа, победившего фашизм, размах возрожденной жизни, ее духовные и космические взлеты? Ничего об этом в стихотворении не говорится. Слишком просто понимают некоторые начинающие цель и смысл стихотворства. А. Тихомиров понимает его примерно так: «Через горы, через ельник, всем невзгодам на беду, словно шубертовский мельник, я с котомкою иду. А в котомке все простое — лишь цветы и тишина, только солнце золотое да тумана пелена... Мне цветы нужны для счастья, солнышко — для всех людей! Тишина нужна для песен, а туманы — для скорбей...».

Всякое стихотворение должно иметь хоть малюсенький коэффициент полезного действия. А в этих стихах даже прямолинейной задачи, даже лобовой мысли нет.

Сколько бы поэт ни перечислял даже зорко увиденные детали, все равно эти перечисления его не спасут, все равно надо ответить на вопрос: для чего ты пишешь это стихотворение? «Мы пошли по тропе проселочной. День-добряк улыбнулся солнечно, подарил нам луга пахучие, костромские леса певучие, да в придачу за хрусткой викою у подлеска — яблоню дикую».

Потом молодой стихотворец увидел ольшаник, потом крапиву и вдруг: «Зря мрачнеешь в трапе, колодина, — нам в глаза заглянула Родина». При чем здесь бедная, ни с того ни с сего одушевленная колодина?

Приходят на память строки

Да, есть слова,
что жгут,
как пламя,
Что светят вдаль
и вглубь — до дна,
Но их подмена словесами
Измене может быть равна.

Вот о чем никогда не следует забывать!

Мучительное это дело — все пережить дважды — наяву и в слове. Безнадежное для творчества — один раз — в слове, не пережив предварительно наяву.

Радостное — просто наяву, в ослепительных двадцать лет — скрести палубу, красить мачты, стричь овец, ремать сталь, плавить медь, лопатить рожь, распиловывать бревна, спать на свежих стружках в тени пилорамы... Только там человек и узнает себя, только там и находит он свою творческую манеру, ритм, жест.

Иллюстрации художника А. Ихилова к сборнику стихов Баала Хабырыса «Третий Очург». Издательство «Советский писатель». 1973.

Марис ЧАКААЙС

Неожиданная награда

Я шел по лесу прямо, без дороги,
Но вдруг навстречу мне поднялся клен —
Зашелестел, оплел корнями ноги
И веткой в грудь мою уперся он.

И я сказал: — Чего тебе, приятель?
И я сказал: — Пусти, чего пристал!
Я опоздаю! Шутки здесь некстати!..
Ну, именем прогресса! — я сказал.

С размаху клен на лист осенний плюнул,
И припечатал мне ладонь к плечу,
И подтолкнул. Я вышел в мир подлунный,
Забыв о том, что погрустить хочу.

Лист на плече моем лежал погоном,
Он весь сиял, почти как золотой —
Из жарких соков солнца сотворенный,
Из света этой осени литой.

Смешно — за что, зачем мне честь такая?
Кленовый, одинокий эполет.
Но дерево, должно быть, лучше знает —
Кому, за что. А я не знаю, нет.

Не знаю я, но втайне тихо рад,
Что я осенних празднеств причастился,
Что повторился снова листопад
И ритуал древнейший повторился.

Быть может, оттого, что у земли
Нет рук для ласки, каждый желудь дуба
Любовью полон. Ветки, что цвели,
Нежны по-детски, как любимых губы.

Но глупо ждать наград, и я не жду.
Насвистывая, с желтеньким погоном,
Смеясь чему-то, по лесу иду —
Растроганный и чуточку смущенный.

Перевела с латышского П. МАЛЬЦЕВА

Белый отрывок

Слоено черным небесам назло,
небесам, где беспросветный мрак, —
сосны, сосны, сребростволь ный хор,
на веревках струнных — белизна простынь.
Белизна простынь — отрывков белизна,
белый окрик черноте: — Постой!..
Белизна несмытых островов.
Белый взлет коней белейших — лебедей.
Белизна волос. И белизна
всех воспоминаний. Не пойму,
что вам светит в черноте небес?
Кони-лебеди, куда влечетесь вы?
Полотенца белые легли
на песок, где белый свет сквозит.
Белизна костей. Известки белизна.

Но белей пеленки сына моего.
Но белей головка дочери моей.

Осень

Ловушки свои вначале
(о, радости летних страстей!)
она расставляет ночами —
дороги полны сетей.

Кого она в плен желает?
Кого она ловит? Нас?
Песок ли, что уплывает
Сквозь пальцы, чтоб скрыться с глаз?

Смотри, как вода блестяща,
как ярок солнечный лак,
как будто не осень в чаще,
не осень, а просто так.

Незрима она, как мамонт,
но запах ее — вблизи,
за нами пришла, за нами,
в свежайшей листве сквозит.

Ни слова, ни полсловечка,
ни звука, дыханье спрячь,
покуда из белой бездны
не вырвется громкий плач.

Перевела Юнна МОРИЦ

День укропа

День укропа, день в дурмане,
Горе, сладкое, как тмин.
Без очков душа в бурьяне
Огуречных именин.

Как планета — из сарая,
Перебежкой громовой
Бочка жаркая, сырая
Оставляет след кривой.

Прямо в братскую могилу,
Доброволец-лист идет.
Опустился через силу,
Как взошел на эшафот.

Огурец уже на месте,
Добросовестный службист.
Как разборчивой невесте,
Свекле твист милей, чем Лист.

Осознав, что все в порядке,
Циник, жизнелюб, толстяк,
На своей уютной грядке
Ухмыляется желтяк.

Тлеет, веет, полыхает
В лабиринте летних троп,
Пахнет он, благоухает,
Он главенствует, укроп.

Нынче наши ноздри шире,
Ноздри, как у лошадей.
Завтра будет осень в мире.
И для звезд, и для людей.

Справив это новоселье,
Прежде чем листве конец,
Каин-пьяница с похмелья
Съест соленый огурец.

Перевел В. МИКУШЕВИЧ

Илья ФОНЯКОВ

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

САДИСЬ, МАШЕНЬКА, ПЯТЕРКА!

1.

— Машенька, иди к доске!..

У Машеньки — нежный затылок и две светлые твердые косички. Это пока все, что я могу о ней сказать. Она сидит за партой впереди меня — сам я устроился за последней, свободной — и за прошедшие двадцать минут ни разу не обернулась, ни разу не поглядела в сторону: вся — внимание, вся — старание.

А доска большая, светло-коричневая, говорят, что это лучше для зрения, нежели черные, на которых писали в свое время мы. Доска уносится ввысь, как стена дома, и писать на ней все-таки не в пример труднее, чем в уютно разлинованной тетради. Буквы почему-то вдруг обнаруживают непонятное стремление лезть куда-то вверх, все выше и выше, приходится догонять их, становиться на цыпочки, тщательно выравнивать их полет. Трудно учиться во втором классе! Наконец-то я вижу Машенькино лицо — милое, круглое, оно сияет нескрываемым торжеством. «Радостно трудиться для общей пользы», — читаю на доске выведенные ею слова.

— Ну-ка, ребята, вспомним правило!

Учительница вамахивает рукой, и хор скандирует вслед за ней:

— Мягкий знак обозначает на письме мягкость согласного звука!..

Они уже многое знают, грамотеи из второго «Б»: про синонимы и антонимы, про безударные гласные и коварный мягкий знак. И прямо-таки жаждут показать свои знания: не просто тянут руки вверх, а трясут ими от нетерпения. Один, рыженький, чуть ли не подпрыгивает всем телом: меня, меня спросите!

Урок еще во многом похож на игру: загадки, картинки. На одной из картинок — пальто, платок, сапоги.

— Запишите, ребята, названия этих предметов. И запомните, как они пишутся. Навсегда, ребята, запомните. На всю жизнь!..

На всю жизнь! Это звучит, если вдуматься, значительно и торжественно. Что тебя ждет в жизни, Машенька? Но кем бы ты ни стала, сегодняшний урок не останется бесполезным для тебя. Потому, в частности, что русский язык — «великий, могучий, правдивый и свободный» — это не только монологи Чацкого и диалоги в «Чайке», не только «Мой дядя самых честных правил...» и «Я земной шар чуть не весь обошел...». Это — и письмо к другу, и блестяще сформулированная теорема, и тяжеловатый, но точный, не допускающий двусмысленных толкований стиль делового документа...

2.

Однако ощущение праздничности было недолгим. Не умиляться я пришел в школу. Во внутреннем кармане лежал вчетверо сложенный листок бумаги, когда-то случайно попавший мне в руки. Бывает так: исподволь копишь наблюдения, факты, мысли, они как бы растворяются в тебе, в твоем внутреннем мире и живут в нем своей тихой и невидимой жизнью. Но вот еще какой-то один фактик, малозначительная, на первый взгляд, черточка — и начинается процесс, который в химии называется кристаллизацией раствора. Таким «последним миллиграммом» стало для меня это школьное сочинение по истории:

«По этому манифесту (17 октября 1905 года. — И. Ф.) очень линовала буржуазия...»

«Октябристы и надеты были мелкобуржуазные партии, они все время были сделкой с буржуазией...»

«Газета постоянно преследовалась сорок раз...»

Это еще не все перлы.

Может быть, кто-то и скажет мне: подумаешь, основание для тревоги! Курьезные фразы в сочинениях школьников (как раньше — гимназистов) были всегда, некоторые любители их даже коллекционировали. Это действительно так. И все же в этот раз каким-то особенно обидным, противоестественным показалось сочетание серьезности предмета, о котором идет речь, и уровня грамотности, самого почерка — корявые, разнокалиберные буквы, словно бы разваливающиеся на глазах. Почерк человека, для которого процесс письма — тягостная обязанность...

Думалось: как же так? Ведь это работа ученика девятого класса, до девятого класса нужно как-то доучиться, пробиться сквозь десятки, сотни всяческих контрольных, классных, домашних работ. Неужели можно было «не заметить», что парень чудовищно неграмотен? И происходило дело не где-нибудь в отдаленной сельской школе, нет — в миллионном городе, всемирно известном культурном центре, в школе, состоящей отнюдь не на худшем счету! И что меня окончательно «добило» — внизу листка стояла тройка. С минусом, но все-таки тройка, считающаяся, как известно, удовлетворительной оценкой. Значит, по мнению учителя (пусть не словесника, пусть историка), ничего особенного не произошло, бить в набат нет никаких оснований...

Не хочу сказать, что таков уровень грамотности всех — или даже большинства — девятиклассников. Конечно же, нет! Но ведь и далеко не единичен этот печальный факт. В моей «копилке» подобных примеров немало. Вот один штришок: звонок в дверь, на пороге — две девочки-школьницы с толстыми тетрадками в руках. Какая-то локальная «перепись». Вижу, как выведено против фамилии соседа: «сАлист Аркестра фКлОрмонии...»

— Девочки, милые, как же вы пишете! А сами ведь небось уже в четвертом классе...

«Переписчицы» — крупные, рослые создания, но я делаю невольную поправку «на акселерацию». И, как выясняется, напрасно:

— Что вы, мы — в седьмом...

3.

Мы познакомились когда-то в самый первый день нашей студенческой жизни, в знаменитой тридцать первой аудитории филфака Ленинградского университета. Надеюсь, что не будет непедагогичным по отношению к нынешним студентам-филологам, если я признаюсь, что их строгий профессор, доктор наук Владимир Викторович Колесов представился мне тогда попросту Володькой с Дальнего Востока. Нынче он, помня старую дружбу, одним из первых отозвался на маленькую анкету, которую я разослал преподавателям своей бывшей «альма матер» и других вузов. Поводом для этого послужил тревожный слух: вроде бы на первых двух курсах преподаватели филфака вынуждены вести своеобразный ликбез для вновь принятых студентов, ликвидировать пробелы в их грамотности...

«Все именно так или почти так, — пишет профессор Колесов. — Действительно, еще недавно всем первокурсникам давался факультатив, чтобы они в течение семестра выправили свою орфографию, теперь надобность в нем формально как будто отпала: пишут относительно грамотно. Грамотно за счет хитрости: в школе их научили писать только те слова, относительно которых они уверены, что ошибки не будет. Отсюда нищенство мысли, никакого воображения, рубленые сосиски словосочетаний — вот что вам предлагает почти любой абитуриент в своем сочинении. Дай им диктант, даже филологам, особенно короткий словарный диктант, — восемьдесят процентов двоек. Теперь редко их даем: бережем нервы...»

В своей анкете я ставил и такой вопрос: как давно стали вы ощущать неблагополучие в этом отношении? Любопытно, что большинство ответивших называют один и тот же срок: в последние несколько лет. «Особенно интенсивно в последние три-четыре года, — уточняет В. В. Колесов, — Это рубеж, который ощущается довольно четко. Наш факультет в некоторой моде сейчас, конкурс — по двадцать — двадцать пять человек на место, и, несмотря на всю строгость отбора, к нам приходит масса не знакомых с литературной нормой молодых людей. Ничего страшного в этом нет: специалисты, наши филологи, уже к третьему курсу становятся нормальными в этом отношении людьми, мы их выучиваем, да и общая атмосфера у нас все-таки филологическая. А вот в других вузах картина печальнее, влияние примитивного «бэзин-раша» захватывает и первокачально грамотных людей...»

Какюсь, подумалось: а нет ли здесь этакого ленинградского, профессорского снобизма? Не слишком ли требователен мой бывший однокурсник?

И вот сижу который уже час, читаю экзаменационные сочинения абитуриентов Новосибирского пединститута. Это волнующее чтение. Пусть — «на отметку», пусть — неизбежный в этих случаях трепет, пусть — рамки «заданной» темы! Все равно за этими строчками — юность, с ее чистотой, устремленностью в будущее, изначальным благородством.

И все-таки не проходит острое чувство тревоги. Основания для нее дает подавляющее большинство сочинений — заметьте, это сочинения тех, кто счел возможным избрать язык и литературу в качестве дела своей жизни. Скажу более: я смотрел сочинения тех, кто был принят или мог быть принят на историко-филологический факультет, то есть получил за письменную работу положительную оценку. Работы двоечников я просто откладывал в сторону.

Прав профессор Колесов: с орфографией дело обстояло еще так-сяк. Хотя попались мне и «массоны» через два «с» (очевидно, «вольные каменщики», в чье братство вступил Пьер Безухов, каким-то образом ассоциировались у вчерашних школьников — не одного, а нескольких! — с понятием «масса»), и «труженник» через два «н», и даже «поэт-трибунн» (Маяковский). Попалось (у четверочника!) и сакраментальное «будующее», и «езидют», и «нанеможденное», и даже «сапоставление».

Но более всего удручали косноязычие, отсутствие «чувства языка», какая-то поразительная «несвобода» в отношениях с ним:

«Он не может держать переполняющие чувства...»

«Это же можно видеть на его минимой любви к Элен...»

«Смысл жизни он видит в служении народу, быть всегда с ним».

Про Андрея Болконского, который построил у себя в имении больницу и отпустил несколько десятков крестьян: «Теперь он живет ради себя. А эти мероприятия он провел для того, чтобы была спокойна его дворянская совесть».

О том же — в другом сочинении: «Он едет в губернию, для того чтобы облегчить как-то жизнь крестьян, но не имеющий никакой практики и опыта, у него ничего не выходит».

Повторяю, многие авторы процитированных сочинений приняты на историко-филологический факультет и сейчас учатся. Вправе ли мы обвинять приемную комиссию в чрезмерной снисходительности? Ведь выбирать приходилось, по всей вероятности, из того, что есть. Аудитории надо заполнять, учителя нужны, их не хватает, их требуется все больше. Научат ли этих юношей и девушек подлинной грамоте? Ведь в принципе вуз этим заниматься не должен, а если он будет вынужден этим заняться — значит, неизбежно в ущерб своим собственно вузовским задачам. Так или иначе, переступив однажды порог института, ребята вполне благополучно могут добраться до диплома, существенно не улучшив своей грамотности. А еще через два-три года в приемную комиссию начнут приходить уже их ученики, и что-то нет у меня уверенности в том, что они будут подготовлены лучше...

Заколдованный круг?

4.

И уже рождается коварный вопросец: а зачем, собственно, быть грамотным? Нужна ли абсолютная грамотность, особенно если человек не собирается быть ни писателем, ни журналистом, ни — как в нашем случае — учителем русского языка? Это вопрос не риторический и не выдуманный мною. Я слышал его, и было действительно не так просто на него ответить. В самом деле, как заметил один мой собеседник, от того, что «крокодила» напишешь через два «а» («кракадил»), он бегемотом не станет. А другой товарищ, явно поддразнивая меня, предлагал представить ясные и неопровержимые аргументы: почему слово «класть» — грамотное, а слово «ложить», употребляемое «всем народом», — неграмотное? Кто это установил, кто смеет быть «умнее народа»?

Не буду приводить всех возможных аргументов «в защиту грамотности». Напомню лишь одно: за бедностью и неразвитостью языка почти всегда обнаруживается известная обедненность и неразвитость чувств, хаотичность в построении фразы отражает сумбурность мысли, недостаток культуры мышления. В плане теоретическом — это аксиома, в плане практическом это могут подтвердить педагоги и психологи, журналисты, работающие с нештатным активом, и руководители литературных кружков (к последним двум категориям я принадлежу много лет и сам, так что сужу не только с чужих слов).

И еще одна, важная для меня, вещь. Я не хочу, чтобы эта статья воспринималась как разговор только о школьном и вузовском преподавании русского языка, при всем том, что от этого материала «не уйдешь», и он с неизбежностью занимает здесь нема-

СВЕТ МУДРОСТИ ДМИТРИЯ КАНТЕМИРА

К 300-летию со дня рождения

«Философ среди королей и король среди философов... Дмитрий Кантемир посвятил свое прославленное имя научным исследованиям, и своим присоединением к нашему обществу оно приобретает неоценимое сокровище и блеск».

(Из диплома члена Берлинской академии, 11 июля 1714 г.)

ВЫДАЮЩИЙСЯ общественно - политический деятель, видевший гарантию независимости и прогресса своей родины в союзе с Россией, Дмитрий Кантемир снискал в то же время славу великого мыслителя, ученого-энциклопедиста. Философ, историк, литератор, археолог, музыкант — Кантемир олицетворял неиссякаемое стремление к знанию, к постижению вершин мировой культуры, без чего, по его глубокому убеждению, невозможно развитие цивилизации. Как гуманист Кантемир полагал основой сближения разных наций торжество разума и непременное освобождение всех народов от рабства. «Никогда на свете еще не было видно, чтобы кто-нибудь добровольно принял рабство, и никто под солнцем без принуждения не протянул своих рук, чтобы их связали», — писал он.

Пламенный патриот своей родины, знающий, как «сладостна любовь к отчизне» (многие годы он провел вдали от родины, в Константинополе, в качестве заложника), Дмитрий Кантемир утверждал уважение ко всем народам, стремление каждого народа к свободе и просвещению. Он был воином на поле битвы. И он же — ученый, избравший науку оружием в борьбе за духовное раскрепощение народа. Научная деятельность Кантемира тесно и непосредственно связана с прогрессивными реформами Петровской эпохи. «Князь Димитрий был человек ученый, — писал о нем В. Г. Белинский, — с особенным удовлетворением занимался он историею, «был весьма искусен в философии и математике и имел великое знание в архитектуре»; был членом Берлинской академии; говорил по-турецки, по-персидски, по-гречески, по-латине, по-итальянски, по-русски, по-молдавски, порядочно знал французский язык и оставил после себя несколько сочинений на латинском, греческом, молдавском и русском языках».

Высокую оценку творческого и политического наследия Кантемира мы встречаем в ряде авторитетных современных зарубежных изданий. Так, например, «Большой Ларус» пишет: «Получив в Константинополе блестящее образование под руководством превосходных греческих ученых, он овладевает в 1710 году троном Молдавии... Поддерживает Петра Великого в борьбе против турок и следует за ним в Россию после поражения при Станилешти (1711 г.). Осыпанный почестями царя, Кантемир сочиняет на латинском языке «Историю подъема и упадка Оттоманской империи» (1716 г.)... Также по-латински пишет в 1717 году по просьбе Берлинской академии «Описание Молдавии» и «Хронику стародавности романо-молдо-влахов». Положительная оценка политики Кантемира на сближение и установление дружеских русско-молдавских связей содержится и в испанской, и в британской энциклопедиях.

Сегодня прогрессивное человечество отмечает юбилей виднейшего деятеля прошлого Молдавии — 300-летие со дня рождения Дмитрия Кантемира. Это торжество включено в календарь юбилейных дат ЮНЕСКО.

Однако и по сей день находятся среди буржуазных историков такие, кто искажает суть политических действий Кантемира. Они всеми способами стремятся «приспособить» историю для оправдания своих тенденциозных концепций. Так, американский ученый Майкл И. Рура в одной из своих работ, нападая на марксистскую историографию, говорит, что она постоянно нуждается в «вымышлении новых героев». И далее: «Это касается Дмитрия Кантемира, господаря Молдавского княжества XVIII века (1710—1711 гг.), которого коммунисты увековечили за то, что он подписал секретный договор с Петром Великим, обещая сотрудничать в борьбе против турок».

«История России» Гюнтера Штекля (Штутгарт, 1962) в главе «Прутская кампания» представляет это событие только как столкновение между русскими и турецкими армиями. О том же, что против 119-тысячной турецкой армии сражались вместе с 38 000 русских и 17 000 молдаван, автор считает нужным не упоминать вовсе.

Еще дальше в искажении истины идет сборник «Вопросы русско-румынских отношений», выпущенный в 1967 году (Париж). Его авторы, претендуя на роль теоретиков, тщатся развить мысль о том, что Россия преследовала сугубо экспансионистские цели в ущерб балканским народам. Ни больше ни меньше. А Дмитрия Кантемира выдают за посредника в этих действиях.

Что касается «аргументации», тут существует проторенная тропа: ссылки на работы своих единомышленников, подобным же образом истолковывающих историю. Так поступает и Майкл И. Рура. Он не нашел ничего лучшего, как привести цитату из не менее «объективного» труда Х. Ситона-Уотсона: «Дмитрий Кантемир, которого турки специально посадили на молдавский трон, чтобы осуществлять свою волю... очень быстро пошел дальше своих предшественников по пути предательских (?! — В. Б.) отношений...»

Куда яснее и глубже смотрел на вещи Франсуа Вольтер. Более 230 лет тому назад в письме Антиоху Кантемиру он говорил: «Я нахожу в «Оттоманской истории», написанной князем Дмитрием Кантемиром, то, что с болью вижу во всех историях: они являются анналами преступлений человеческого рода. Уверяю вас, что турецкие правители вырисовываются мне страшными и абсурдными. Я приветствую ваш дом за то, что он оставил этих варваров, переходя на сторону Петра Великого, который, по крайней мере, стремился искоренить варварство, я думаю, что те из вашего дома, которые находятся в Московии, содействуют здесь расцвету искусств, столь обожаемых вашим домом» (Л. И. Манков. «Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира». СПБ. 1903, стр. 135).

Разумеется, Вольтер никак не укладывается в теорию историка, который хотел бы представить Д. Кантемира «вымышленным героем». Не в пользу М. Руры и тот факт, что имя Кантемира еще в 1844 году было записано среди имен Аддисона, Фенелона, Лейбница, Ньютона и других выдающихся ученых и писателей на фасаде библиотеки Сент-Женевьев в комплексе французского Пантеона.

ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ буржуазных историков, умеющих обходиться без подлинных, достоверных фактов, очевидна. Она выглядит еще более беспомощной, если сравнить ее с образом Дмитрия Кантемира, глубоким и сложным, каким предстает он в изображении вдохновенного искусства. Дело здесь, на наш взгляд, в том, что художественная убедительность невозможна без достоверности правды, вне истинного понимания законов и движущих сил истории.

Обращение художников слова к эпохе и личности Дмитрия Кантемира имеет принципиальный идейно-философский смысл. Дух героизма и пафос надежды пронизывают романы и повести, пьесы и поэмы, посвященные жизни великого патриота и ученого, «свет мудрости» которого, по выражению поэта Ем. Букова, неиссякаем в живой истории молдавского народа.

К заметным явлениям советской молдавской прозы последнего времени по праву могут быть причислены повесть В. Иовицэ о Дмитрии Кантемире (издательство «Советский писатель», 1972) и роман Г. Мадана «Колос мечты» (Кишинев, издательство «Картя молдовеняскэ», 1973).

Что объединяет эти произведения, разные по жанру, по стилю, по творческой манере? Строгая документальность и добросовестность в изложении реальных событий многострадальной и бурной эпохи в истории Молдавии. Дыхание эпоса, которое явственно ощущается в произведениях, рождено показом участия народа в освободительной борьбе против турок. Здесь народ не безмолвствует. Он — главный участник. Он — главный герой, осознавший себя в истории и историю в себе. На фоне этого поистине грандиозного подъема, чему свидетельство — летописи Иона Никулче, Николае Костина, Николае Мусте, ярко проявляется благородный образ Дмитрия Кантемира. Слово Кантемира обретает тот высокий накал романтической поэзии, когда оно призвано служить оружием в борьбе за свободу.

Страстный порыв, пылкость речи Кантемира в повести Иовицэ перед тем, как он готов объявить о подписании договора с Петром I, — точное отражение этой высокой поэзии воззвания к народу, в котором он призывал «объединиться незамедлительно как товарищи по оружию от всей души и сердца всей силой нашей, идя к Дунаю, противостоять тирании и нападениям турок». На вопрос колеблющегося боярина, достаточно ли продуман этот шаг, следует решительный ответ: «Взвесить?! — срывая голос, закричал Кантемир, никогда ни на кого не кричавший. — Я уже все взвесил! Двадцать два года в Константинополе я думал об этом. С тех пор, как у меня пробудился разум, ни о чем другом не думал я с такой любовью, так горячо, так мучительно! Я лицемерил, я прошел через море унижений, чтобы занять престол этой несчастной страны и отсюда, с этого престола, воззвать к вам и к народу: вставайте! Берите оружие!»

Художественный вымысел, неизбежный и необходимый в историческом повествовании, не нарушает логики обоих произведений, но, напротив, естественно вписывается в реальную картину эпохи, обогащая ее и выявляя в ней ту, скрытую в сердцах героев тайну поэзии, без которой факты жизни не могли бы стать фактом искусства.

Таким образом, советская молдавская литература серьезно участвует в борьбе с теми тенденциями буржуазной историографии, которые хотели бы исказить действительную роль Дмитрия Кантемира — патриота, мыслителя, писателя, ученого, прогрессивного общественно-политического деятеля своей эпохи.

Василе БАДИУ
кишинев

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ, СТУДЕНЧЕСКИХ РАБОТ, А ТАКЖЕ НЕКОТОРЫХ КНИЖЕК, ВЫПУЩЕННЫХ НАШИМИ ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ...

лое место. Волнуют проблемы жизни языка в более широком плане, и здесь нельзя с тревогой не заметить, что «болезни» учебного процесса отражаются в других областях нашей жизни. Снижается культура деловой переписки, уличных вывесок и объявлений. И в самой «святая святых» — в изданиях художественной литературы — происходят иной раз вещи странные и удивительные. Не буду говорить о безвестных и полубезвестных авторах, выпускающих свои книжки в периферийных издательствах. Осмелюсь заговорить о писателях крупных, с добрым именем и мною глубоко уважаемых.

Я ценю дарование Виктора Астафьева, автора таких талантливых произведений, как повести «Кража», «Где-то гремит война», такого блестящего рассказа, как «Ясным ли днем».

Не берусь всесторонне анализировать «современную пастораль» Виктора Астафьева «Пастух и пастушка», уже заслужившую доброжелательные отзывы критиков, но трудно не заметить изъянов в языке писателя. Как отнестись к таким фразам, напечатанным черным по белому:

«...стянул сапоги с такого же, как он молоденького лейтенанта, полегшего со взводом в балке».

Как-то неловко даже объяснять элементарное: глагол «полечь» применим лишь тогда, когда «главным действующим лицом» является некое множество; мог полечь взвод во главе с лейтенантом, но не лейтенант со взводом!

Или:

«Сжатая, растерзанная траншея пехотинцев вела редкий оружейный огонь да бубнял батальонный миномет трубою...»

Как это понять: то ли миномет булькал стволом, то ли — «как труба» (творительный падеж и так может «читаться»), например — водосточная? И что за «оружейный огонь»? Ни в одном военном наставлении такого понятия нет, никогда я обиходе — в том числе и военных лет — слыхать его не приходилось. Есть ружейный («ружейный и пулеметный...») огонь...

«Хлопались железно плащ-палатки под ветром...»

Честное слово, так и написано! Не «хлопали», а именно «хлопались» (словно в обморок падали!), и не «словно железные», а «железно», будто заимствовано это словечко из современного уличного лексикона!

Виктор Астафьев, вслед за другими авторами, очень полюбил почему-то такие вот новообразования-наречия. Сказать о ком-то, что он «пыхтел, как паровоз», вроде бы неудобно, штамп. А напишешь, например: «Борис... слушал, как паровозно пыхтит он (Мохнаков)...» — и, глядишь, покажется, что ново и свежо написал, хотя никакой новизны и свежести тут нет, а есть насилие над языком, есть слово-уродец, вызывающее физическое содрогание.

«Горло его порезанно дергалось, выжимая слезы и клейную слюну...»

«Сколки звезд светились беспокойно и мерзло...»

Что такое сколки звезд: то ли это не сами звезды, а лишь какие-то «сколки» с них (что, впрочем, довольно трудно вообразить), то ли звезды являются «сколками» с чего-то еще (с чего же тогда, хотя бы приблизительно)?

Часто мы просто не видим того, что хотел изобразить писатель. Попробуйте увидеть, например, такое: «...лежала убитая лошадь. В брюхе ее рылась собака, **вжимая хвост в облезлые холки...**» Не знаю, может быть, в какой-нибудь губернии и называли когда-нибудь холками то место, куда собака может вжимать свой хвост, но если даже это так, то в соседстве с убитой лошадью меня явно сбивает с толку лошадиная холка, и писатель должен был почувствовать нежелательность такого соседства раньше меня, читателя.

Недавно вышла хорошая книга хорошего русского писателя Василия Белова «Холмы». Неплохое в принципе предисловие написал к ней Евгений Носов — разве что слишком уж сладкое, а местами — отмеченное какой-то странной удалью: «...вперемежку с чаем баловались черникой с молоком, которую **разлюбезная** Анфиса Ивановна **преподнесла** нам в огромном деревянном лотке».

Читаешь — и уже неловко: ведь слово-то **разлюбезная** вовсе не значит «очень любезная» или «радушная», у него совсем иной смысл, и весь отрывок из-за него приобретает некую трактирную разухабистость, едва ли уместную, когда речь идет о матери любимого писателя!

Но, как ни странно встретить равнодушие к оттенкам слова у литератора, — все это еще мелочи, тонкости. Далее читаем про ту же Анфису Ивановну, что она — «неисчерпаемый **кладезь познаний старины**, северного быта, обычаев, празднеств, давних песен, почти никем уже не поющих, пословиц, поговорок...». Читаем о реке: «Время от времени **стержнем** проходили то баржа, то чумазый трудяга-буксирчик, то **вихрево** проносились моторки, и тогда гладь реки взбухала валами, **смешнвавших** зелень опрокинутых берегов с янтарем заката».

Мне скажут: подумаешь, одна явная опечатка, одна неудачно переделанная идиома про кладезь, одно сомнительное словообразование, одно-другое недоразумение с причастными оборотами, будь они трижды неладны! Стоит ли бить тревогу? По-моему, очень даже стоит: не от того ли многие беды, что забылась добрая традиция как минимум перечитывать написанное? Классики, между прочим, не только перечитывали, но и переписывали по нескольку раз, хотя, надо думать, у них и с первого раза получалось не так уж плохо.

Так или иначе, книга, печатное слово у нас на глазах теряют значение «золотого эталона», к которому можно смело обратиться в спорном случае. В книгах по нашим временам всякое можно встретить: и **дискуссировать**, и **умерщвил, и переконструировал** (в значении: реконструировал). И даже такие вот стихи:

Не уступлю!
Я встану на уступах
Родимой речи.
Я, братом, не врали!
Сегодня ливень?
Значит, в мокроступах
В позорище
Пойдет Владимир Далы!..

Трогательна наивность, с которой автор этих стихов Сергей Макаров путает подвижника русской речи с адмиралом Шишковым: в словаре Даля пресловутые «мокроступы» ни в каком виде не фигурируют. А вот краткое упрощенное представление о процессах, происходящих в языке, о том, что хорошо и что плохо, уже не трогает, а тревожит!

Вот еще одна книга передо мной, на этот раз переводная. Роман японского писателя Кэндзабуро Оэ «Опоздавшая молодежь», выпущенный издательством «Прогресс». Роман сам по себе интересный, он позволяет многое понять в сложной жизни современной Японии, и выход его на русском языке можно только приветствовать, что я имел случай сделать на страницах «Иностранной литературы».

По договоренности с редакцией я не очень распространялся там о качестве перевода, ограничившись фразой о его «издержках» и выговорив себе право вернуться к этому вопросу.

А вернуться необходимо. Ибо вот какими перлами одаривает читателей переводчик В. Гривнин:

«Во тьме кинотеатров их сердец я с упоением демонстрировал фильм о своих успехах...»

«В бассейн мозга в моей черепной коробке нырнул гиппопотам».

«И в этом тихом лесу я должен кормить своим мясом шутовства этих диких зверей?»

Примеры можно умножать до бесконечности.

Понятно, что стиль прозы Оэ отличается сложной метафоричностью, и передача ее на русском языке требует особого искусства. Что ж, русский язык достаточно богат и гибок, чтобы передать его средствами любую, самую сложную метафору, не впадая в косноязычие. Но что можно требовать от переводчика, который вдруг одаривает язык формой, никогда в нем не существовавшей, — причастием будущего времени: «...это может послужить серьезнейшим фактором, **повлияющим** на всю политику Японии»!

Все это напечатано и освящено авторитетом столичного издательства. Чего же тогда нам ждать от абитуриецтов периферийного педагогического института? Каждый из них мог бы парировать замечания преподавателя ссылкой на книгу: вот, только что прочел, чем это лучше?

Хочу воскликнуть: «Где был редактор?» — и осекаюсь.

Ибо если писатели начнут перелагать на редакторов ответственность за то, что принадлежит к их, писательской, компетенции, это будет признанием своей несостоятельности.

К сожалению, выходит очень много книг, где роль редактора по необходимости завышена: редактор превратился в правщика, книга без него не могла бы существовать. При мне один из авторов совершенно искренне «осадил» издательского работника, указавшего ему на изъяны в языке: «А вы зачем же тут сидите, деньги получаете?» Это было в периферийном издательстве. Но мне известен и доподлинный случай, когда маститый столичный литератор, автор широко читаемого романа, получив от читателя письмо с замечаниями по языку, ничтоже сумняшеся переслал его своему редактору!..

5.

Однако вернемся к началу.

В той анкете, которую я рассылал, были два вопроса, тесно связанные между собой: о причинах, порождающих тревожные явления, и о том, что надо было бы предпринять.

Преподаватель Ленинградского пединститута имени Герцена В. Павлов называет несколько существенных, на его взгляд, причин:

«1. В связи с развитием интереса и техническим наукам отношение и языку (и литературе) нередко становилось весьма легкомысленным. Не случайно в технических вузах на оценку по сочинению почти не обращали внимания. 2. Долгое время на русский язык отводилось мало часов, а в старших классах им вообще серьезно не занимались. 3. Отсутствие переводных экзаменов и четвертных проверочных работ отнюдь не способствовало росту ответственности и за обучение, и за усвоение знаний. 4. «Перенаселенность» классов (40—50 человек) тоже, на мой взгляд, затруднила контроль за подготовкой...»

А. Богданова (Новосибирский пединститут) считает, что обучение родному языку в школах излишне теоретизировано, что мало внимания уделяется выработке навыков автоматизма при письме.

Мне кажется, эта сторона вопроса очень важна.

Вспомните: кого бы из грамотных людей ни спросили, как написать то или иное сомнительное слово, он попросит: «Дайте бумагу и карандаш». И напишет правильно.

Как вырабатывается автоматизм правильного письма?

К сожалению, мы слишком мало знаем об этом.

А. Богданова обращает внимание на то, что в школах стало заметно меньше всяческих наглядных пособий — таблиц, диаграмм — по языку.

Еще многое можно было бы добавить к этим соображениям, о многом задуматься. Например, о том, что наши дети вообще, по моим наблюдениям, мало пишут, их почерк к моменту окончания школы зачастую «кричит» об этом. И маловато все же читают: здесь нельзя не задуматься о влиянии «телевизионно-магнитофонной» культуры. Помню записку на одном из литературных вечеров: «Как вы относитесь к стихам Акуджавы? Мы очень их любим...». Ошибка в правописании фамилии поэта, которого, по собственному признанию, любишь, — символ горький и тревожный!

То, что с языком происходит нечто неладное, что мы недостаточно бережны к этому национальному богатству, замечали уже многие. Но подходили к проблеме, пожалуй, «не с того конца». Много энергии ушло впустую на чрезмерно ревностную борьбу с иностранными словами, на сетования по тому поводу, что, дескать, современные девушки и юноши не знают тех или иных самоцветов из областного лексикона. «Самоцветы» порой и впрямь колоритны. Но в русском языке второй половины двадцатого века эта область — как бы некий Суздаль, куда ездят с экскурсией подивиться, умилиться, «проникнуться», живя при этом, однако, в современных городах. А современный язык — это язык грамотный, гибкий, интеллигентный, язык, в котором слово «индустрия» — такое же русское, как слово «промышленность», а слово «коммунизм» — такое же русское, как слово «Родина».

Я побывал на уроках русского языка во многих классах, беседовал с многими учителями.

И все же мысль моя все время возвращается во второй «Б», туда, где начало всего, где улыбается у доски светловолосая Машенька, где русский язык — еще любимый предмет и ребята наперебой тянут руки, услышав вопрос учителя.

Почему их энтузиазм значительно тускнеет уже к пятому классу?

Почему восьмиклассники бормочут правила неохотно, тихими голосами, потупя глаза, словно их заставляют заниматься чем-то, не достойным взрослых людей?..

— Садись, Машенька, пятерка, — говорит учительница.

И снова звучат будничноторжественные слова:

— Запомните, ребята, на всю жизнь...

Иллюстрации художника И. Кырму к книге В. Иовицэ «Дмитрий Кантемир», выходящей в издательстве «Картя молдовеняскэ». Кишинев. 1973

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

А. С. ДЖАМИЛЬ-ЗАДЕ — 60 лет

«От всего сердца поздравляем Вас, известного азербайджанского поэта, со знаменательной датой — шестидесятилетием со дня рождения, — говорится в приветствии секретариата правления Союза писателей СССР и Совета по азербайджанской литературе, направленном писателю Ахмеду Саттаровичу Джамиль-заде. — Придя в литературу более трех десятков лет назад, Вы воспели ратный подвиг советских людей в годы Великой Отечественной войны, их созидательный труд в мирные дни.

Ваша поэзия, проникнутая романтическим пафосом советской действительности, активно утверждающая ее красоту, снискала любовь и признание читателей.

Огромны Ваши заслуги и в деле перевода на русский язык произведений классиков русской и мировой литературы. Накануне своего юбилея Вы завершили еще один фундаментальный труд — перевод бессмертной поэмы Гёте «Фауст».

Желаем Вам долгих лет жизни, новых творческих свершений, счастья».

А. Р. МАЗУРКЕВИЧУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по критике и литературоведению, Совет по украинской литературе направили писателю Александру Романовичу Мазуркевичу приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного критика и литературоведа, академика Академии педагогических наук СССР, с шестидесятилетием со дня рождения.

Ваши книги, статьи и исследования, посвященные классическому наследию и современному литературному процессу, служат благородному делу коммунистического воспитания подрастающих поколений. В Ваших трудах разрабатываются проблемы идейно-художественного богатства родной литературы, братских взаимосвязей русской и украинской литератур, различные аспекты отечественной педагогической науки.

Ваши работы отличаются боевитостью и принципиальностью. Эти качества присущи, в частности, таким книгам, как «Творческое наследие Т. Г. Шевченко — острое оружие в борьбе против украинского буржуазного национализма», «Зарубежные фальсификаторы украинской литературы» и др. Много сил и энергии отдаете Вы общественной работе.

От всей души желаем Вам доброго здоровья, большого счастья, новых успехов».

В. А. РУДНОМУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Комиссия по военно-художественной литературе Союза писателей СССР направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сорок лет творческой деятельности, двадцать лет работы в Комиссии по военно-художественной литературе правления Союза писателей СССР, почти десятилетие службы в Военно-Морском Флоте СССР — таковы вехи Вашей жизни.

От всего сердца поздравляем Вас, принципиального коммуниста, верного героической морской теме писателя-мариниста.

Слесарь, репортер газет «Возможник», «Беднота», «Соцземледелие», очеркист газеты «Вечерняя Москва», журналов «Смена», «Экран», «Наши достижения», «Огонек» — Ваш достойный путь. С первых дней Великой Отечественной войны Вы, Владимир Александрович, добровольцем ушли в Военно-Морской Флот нашей страны.

Отличное знание жизни и боевых действий моряков Вы, писатель и сами военный моряк, ярко и достоверно воплотили в героях созданных Вами широко известных книг «Непобежденный Гангут», «В центре циклона», «Зимпаж наш бессмертен», «Остров спасения», «Гангутцы», «Действующий флот» и других. Защитники Рыбачьего, Ханко, Ленинграда, Севастополя как живые встают со страниц Ваших книг. О Вашей популярности на Военно-Морском Флоте и среди широких читательских масс свидетельствуют сотни и сотни благодарственных писем.

Жизни Вам долгой и боевой! Здоровья крепкого-крепкого, морского! Успехов творческих, новых и новых хороших, нужных книг!»

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Н. А. ГОРБАЧЕВУ — 50 лет

Исполнилось 50 лет Николаю Андреевичу Горбачеву. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, талантливого прозаика, очерциста, с днем 50-летия. Писатель-воин, Вы связали свою творческую судьбу с вооруженными силами страны. Ваши книги «Дайте точку опоры», «Ударная сила», «Звездное тяготение», «Ракеты и подснежники», многочисленные рассказы и очерки, повествующие о мирных буднях современной Советской Армии, пользуются заслуженной любовью у читателей. Свое 50-летие Вы встречаете в расцвете сил. Мы уверены, что Вы еще создадите немало интересных и ярких произведений о советских воинах.

От души желаем Вам крепкого здоровья, большого личного счастья, новых творческих радостей».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

НАЕДИНЕ СО ЗРИТЕЛЕМ

Вот, теперь такой уже далекий, день я не знала, что меня ждет праздник, который будет повторяться много-много раз и станет неотъемлемой частью моей жизни. Просто я с удовольствием думала, что вечером пойду на литературный концерт. Дмитрий Журавлев читал новеллу Мериме «Кармен».

Навсегда запомнился тесный, битком набитый зал Клуба мастеров искусств, мерный гул голосов, разом стихнувший и превратившийся в напряженную тишину, едва на сцене появился среднего роста черноволосый человек, очень тоненький и очень подвижный. Запомнились его глаза и голос, с первых же слов подчинивший себе, заставляя слушать, слушать...

...С того вечера прошло сорок лет. Я не берусь сосчитать, сколько раз выпало мне счастье посещать концерты Д. Журавлева. Знаю одно: во все периоды моей жизни, и в радостные, и в трудные, здесь я всегда находила поддержку и совет, как находишь в любимых книгах, музыке, произведениях живописи.

«Прочесть... произведенье лирическое — вовсе не безделица, — писал Гоголь в своем знаменитом письме «Чтения русских поэтов перед публикою», — для этого нужно долго его изучать. Нужно разделить искренно с поэтом высокое ощущение, наполнявшее его душу; нужно душой и сердцем почувствовать всякое слово его — и тогда уже выступать на публичное его чтение. Чтение это будет... не крикливое, не в жару и горячке. Напротив, оно может быть даже очень спокойное, но в голосе чтеца послышится неведомая сила, свидетель истинно-растроганного внутреннего состояния. Сила эта сообщится всем и произведет чудо: потрясутся и те, которые не потрясались никогда от звуков поэзии».

Эти строки написаны более ста лет назад, но мы с полным правом можем отнести их к работам лучших наших мастеров художественного чтения и, конечно же, к исполнительскому мастерству народного артиста РСФСР Дмитрия Николаевича Журавлева.

«Сила эта сообщится всем и произведет чудо...»

Мне вспоминается осень 1942 года. Затемненная Москва с противотанковыми ежами на площадях и перекрестках. В Большом зале консерватории Дмитрий Журавлев читает главы из романа «Война и мир», композицию «Петя Ростов».

Как передать нынешнему читателю всю огромную нравственную силу этого концерта? Как описать женские лица, мокрые от слез, руки, напряженно сжимающие подлокотники кресел, исполненные решимости глаза тех, кто прямо отсюда, из концертного зала, уйдет отстаивать нашу землю!

Такое не забывается.

Невольно я думала тогда о том, как это досадно, что так в общем-то мало людей может присутствовать на литературных концертах. Я давала волю фантазии, представляя какие-то несуществующие необъятные залы. В те годы телевидение только зарождалось, знали мы о нем больше понаслышке и никак не могли предполагать, что пройдет десять — пятнадцать лет — и оно так прочно войдет в наш быт.

И вот теперь именно телевидение, вернее — телевизионные концерты Д. Журавлева и заставили меня вспомнить и заново пережить все то, о чем я пишу.

Телевизионное объединение «Экран» выпустило пока лишь три фильма-концерта из цикла «Читает Дмитрий Журавлев». Я не случайно говорю «пока», потому что это благородное начинание должно быть продолжено, и хочется думать, что в недалеком будущем телезрители смогут увидеть и услышать другие программы Д. Журавлева — толстовскую, тургеневскую, блоковскую.

Два телефильма — А. Чехова «Дама с собачкой» и «О любви», а также «Медный всадник», «Египетские ночи» и лирические стихи А. Пушкина поставлены режиссером Ю. Сааковым. Над третьим фильмом — «Пиковая дама» — работал режиссер В. Дербенев.

Я смотрела телеконцерты, и это была еще одна, совсем новая встреча с любимым артистом. Идя на концерт, ты заранее настраиваешься на торжественный, сосредоточенный лад.

Совсем иное испытываешь, встречаясь с артистом на телевизионном экране. Артист и зритель словно меняются местами. Не ты пришел на концерт, чтобы слушать, а артист пришел к тебе, чтобы ты слушал его. Причем слушал в привычной, будничной, домашней обстановке, в кругу близких людей, а то и в одиночестве.

Это беседа с глазу на глаз. Надо обладать большим актерским тактом и мастерством, чтобы не нарушить естественности такой беседы, не обмануть доверия слушателя. То, что со сцены звучит естественно, в тесном общении артиста со зрителем может порой прозвучать излишне выспренне, раздражить.

Однако опасения мои оказались напрасны. Едва звучит первая фраза: «Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой», — как зритель уже оказывается перенесенным в неповторимую атмосферу ясной чеховской прозы.

Пожалуй, некоторые претензии можно выразить к художнику фильма В. Лукьянову. Обилие стилизованной мебели поначалу раздражает, отвлекает от чтения, и лишь мастерство Д. Журавлева заставляет нас забыть об этой ненужной бутафории. Впрочем, в неудачном оформлении есть и доля вины режиссера Ю. Саакова, потому что тот же В. Лукьянов, оформляя фильм-концерт «Пиковая дама», проявил тонкий вкус и изобретательность.

Нельзя не признать, что задача режиссеров-постановщиков Ю. Саакова и В. Дербенева была весьма сложной: ведь им предстояло создать не игровые фильмы, где зритель будет прежде всего следить за развитием сюжета и игрой актеров, а фильмы-концерты, где так легко впасть в однообразие и «заскучнить» фильм. И режиссерам, и операторам пришлось немало потрудиться, чтобы найти интересные и разнообразные ракурсы съемок, донести до зрителя естественность актерского жеста и мимики. В этом отношении мне кажется наиболее органичным фильм «Пиковая дама», вероятно, потому, что режиссер В. Дербенев одновременно является и оператором и в фильме нет «разночтения» между замыслом режиссера и операторским исполнением.

Мы много и справедливо говорим о массовости искусства. Телефильмы-концерты — яркое тому подтверждение. То, что раньше было уделом избранных, стало доступно всем в буквальном смысле слова.

Мы не должны забывать всей огромной важности этого жанра еще и как пропаганды великой литературы нашей. Справедливо писал Н. В. Гоголь:

«К образованью чтецов способствует также и язык наш, который как бы создан для искусного чтения, заключая в себе все оттенки звуков и самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи».

Лидия ЛИВЕДИНСКАЯ

МАСТЕР КНИЖНОЙ ГРАФИКИ

ЧИТАЕТ ДМИТРИЙ ЖУРАВЛЕВ

ТРАГИЧЕСКИЙ МЮЗИКЛ

ВСТРЕЧИ С «АРЕНА СТЕЙДЖ»

ВЕРНИСАЖ «ЛГ»

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Я не «удивлюсь», услышу, что космонавт, вернувшийся на Землю, может заплакать. Вот он выбирается из своей летучей железной комнаты, на обгорелой поверхности которой еще шипит и плавится ледяной мрак космоса, делает шаг в степь, видит в траве цветок донника или ромашки, срывает его и вдруг понимает: все позади, он дома. Его чувства напряжены чрезвычайно, и обыкновенный цветок для него — обозначение выполненного долга, счастье встречи с родными, с товарищами по работе, выражение всей земной жизни. Укрупненность чувства, способность видеть в цветке Вселенную, понимание чуда обыкновенной жизни — свойства глубоко современные. Эти свойства присущи художнику Дмитрию Исидоровичу Митрохину, чье девяностолетие со дня рождения и семидесятилетие творческой деятельности отмечается ныне. Его выставка открылась в Москве, на Гоголевском бульваре, 10.

Семьдесят лет работы... Она началась в первые годы нашего века. То был период в истории русской книжной графики примечательный. Книга была ясно осознана тогда как единое художественное целое, где всякая деталь оформления, обусловленная законами логики и красоты, подчинена общему замыслу, направленному на выражение сущности литературного произведения. С первых же выступлений Митрохин показал себя графиком, знающим литературу, любящим книгу, чувствующим ее.

Родился и вырос Митрохин в тихом маленьком Ейске, что на берегу Азовского моря. Не в простоте ли тамошнего пейзажа одна из причин ясности его произведений? Ведь Ейск — это небо, земля и вода. Небо России, ее землю и воды не устает любить художник по сей день. В детстве определилась и любовь Митрохина к графике, печати, книге. С искусством знакомство началось по открыткам, журналам. Затем ученье будущего художника в Москве, в Париже, снова в России, успешный дебют в качестве художника книги, непрекращающаяся учеба в музеях и на натуре, усиливающаяся работа — учеба всю жизнь, работа навсегда.

Трудно представить, чтобы издательство предложило художнику, не обладающему большой культурой, иллюстрировать Лермонтова, Тютчева, Чехова, Лескова, Флобера, Гюго, Фейхтвангера. Для работы над классикой необходимы как минимум эрудиция, вкус, чувство стиля литературного произведения. Д. Митрохину книги этих авторов издательства заказывают охотно. Уже в ранний период творчества проявляется своеобразие митрохинского таланта — его мягкость, чистота, прозрачный лиризм. Композиционный дар, качества рисовальщика, умение связать изобразительные элементы книги с полосой набора, декоративная звучность черно-белого — качества, позволившие Митрохину создать книги, которыми мы любуемся сегодня. Митрохин стремится выполнять книгу целиком, от переплета до концовки. Много работает Митрохин в журналах. В 1916 году М. Горький пригласил художника сотрудничать в руководимом им издательстве «Парус». К революции Д. Митрохин приходит сложившимся мастером.

Обложка книги. Акварель. 1952

После Октября потребность в книге в нашей стране возрастает: появляется новый, многомиллионный читатель. Несмотря на затруднения, вызванные войной и разрухой, книг выходит много, их тиражи растут. Возможностей иллюстрирования почти нет, чаще всего книга того времени снабжена лишь необходимым оформительским минимумом, имеет благородное, строгое лицо. Митрохин работает в ту пору много, настойчиво. Он прекрасно владеет шрифтами. Нарисованная им буква живет на переплете, странице непринужденно. Увлеченно работает Митрохин над произведениями молодой советской литературы. Изобретательна, ярко декоративна «Октябрьская азбука», выполненная к 10-летию революции по заказу Совнаркома. В 30-х годах Митрохин иллюстрирует «Древнегреческую драму», «Эфиопику» Гелиодора, «Книгу комедий» Аристофана — работы, ставшие заметной вехой в творчестве мастера.

Иногда деятельность художника работой с книгой не ограничивалась. В активе Митрохина-станковиста — натюрморт, пейзаж, интерьер, жанр. Со временем удельный вес станковой графики, работы с натуры в его творчестве возрастает. Художнику подвластны литография, акварель, цветные карандаши, офорт, гравюра на дереве. Блестяще доказывает он жизнеспособность забытой резцовой гравюры, в технике которой создает прекрасные пейзажи Ленинграда.

Художник продолжает трудиться. Немало создано за последние годы натюрмортов. Выполненные карандашом с подцветкой акварелью, эти вещи размером и форматом близки к книжной странице — любовь к книге торжествует и здесь.

Произведения заслуженного деятеля искусств РСФСР Д. Митрохина хранятся в частных коллекциях, в отечественных и зарубежных музеях. Известен художник давно. В его биографии — годы педагогической работы, научная работа в качестве хранителя и заведующего отделом гравюр и рисунков Русского музея. И всегда творчество. Всю жизнь творчество — в этом счастье художника.

Анатолий ЗЫКОВ

Заставка к «Книге комедий» Аристофана. 1930

Обложка книги. 1919

Виньетка к «Стихотворениям в прозе» И. С. Тургенева. 1931

В ОДНОЭТАЖНОЙ АМЕРИКЕ

Известнейший американский прозаик Торнтон Уайлдер впервые предстает перед нашим зрителем в качестве драматурга — автора пьесы «Наш городок», показанной в Москве и Ленинграде вашингтонской «Арена стейдж». Эта пьеса, как и все творчество Уайлдера, была вызвана к жизни разочарованием в деловитости, прогрессе, темпе — во всем том, что по обе стороны океана слилось с понятием об «американизме». Американская драма много занимается причинами житейского неуспеха людей, зараженных «американской мечтой». Уайлдер об «успехе» вообще речь не ведет.

Отнеся время действия «Нашего городка» к Америке начала века, он пишет идиллию, пастораль, но при этом с неизбежностью берет ее в кавычки сценической условности. «Американская мечта» дробится для его героев на множество личных забот, частных помыслов, мимолетных свиданий с судьбой. Уайлдер делит сцену пополам, так что слева мелькают фрагменты из жизни одной провинциальной семьи, справа — из жизни другой. Две семьи породнились, увековечив союзом детей свое сходство. Перед нами пока еще цельный мир, цельный человек, единство душевного отклика. «Американская мечта» вновь воссоздается как мечта самого автора о неделимом мире, где всем хватает места. Как хватает места множеству вещей, усевших просторный задник спектакля «Арена стейдж» (режиссер А. Шнайдер). Это реальные атрибуты реальной жизни — дедовские часы, бабушкин граммофон, камин, посудная полка, гравюра — и это небосвод повседневного обихода, земные спутники, знаки, следы, наследные черты людские.

Другие драматурги негодуют или требуют сочувствия к героям, Уайлдер просит к ним снисхождения. В спектакле гостей эта просьба была олицетворена в образе Режиссера. Роберт Проски — пожилой, мешковатый, с мягкой старой шляпой в руке — играет прежде всего искушенного человека, которому известно гораздо больше, чем он может рассказать. Это, собственно, и есть тема пьесы и верного пьесе спектакля: что же в конечном счете удерживается в жизни после всех исторических и социальных треволнений, каков тот простой «остаток», на который всегда может рассчитывать самый обыкновенный человек, подводя итоги своей самой обыкновенной жизни?

Второй гастрольный спектакль — «...Получит в удел ветер» (режиссер З. Фиченднер) — оказался своеобразным и удачным дополнением первого. Это история поразительно недавнего — 1925 год — «обезьяньего процесса» над учителем, сославшимся в классе на имя Дарвина. Снова нам рассказывается об американской провинции, только демонстрируется как бы другая сторона медали. Кавычки искусства и здесь не забыты: из глубины зала идет гитарист в джинсах, звучит, призывая к мудрости, южная баллада, на сцене ее подхватывает флейта маленького негритенка, встречающего рассвет у подножия статуи слепой богини правосудия. Невесомые контуры кирпичных зданий с белыми переплетами высоких окон, с ажурной сетью галерей и балконов (оба спектакля оформлены художником Минг Чо Ли) оставляют почти нетронутым глубокий черный фон, на котором запечатлеет толпа обывателей 1920-х годов, а затем твердо обозначатся силуэты двух главных героев, противников в духовном поединке. Роберт Проски, в «Нашем городке» обогативший человеческими штрихами условную фигуру Режиссера, создает теперь образ-памфлет. Речи его картинного, вальяжного Брейди пародируют представителя большой политики. Дуэль этого прирожденного пастыря воинства христова с адвокатом Драммондом (которого очень хорошо играет Дана Элкар) комментируется неверным поведением толпы. Сперва она исступленной пантоммой вторит своему проповеднику, радостно вверяет себя вдохновенному суесловию Брейди, а после того как Драммонд слегка поколебал основы общей догмы, толпа возвращается к бездумной и привычной рутине. Сюжет пьесы Дж. Лоренса и Р. Ли хорошо знаком по фильму Стенли Крамера. Но театр есть театр. Театр заставляет нас, скажем, ни на минуту не выпускать из поля нашего зрения учителя Кейтса (арт. Макс Райт), а вместе с ним и мыслей о месте рядового интеллигента в жизни рядового городка. И сам образ этого взбаламученного, но не прозревшего поселения в южном штате, образ, поглощающий портреты главных героев, остается у нас в памяти.

Спектакли «Арена стейдж» дали нам представление о реалистических принципах этого театра, о сыгранном актерском ансамбле, о мягкости и чистоте, свойственных исполнительскому стилю и режиссуре, приверженности театра мхатовской традиции, Станиславскому. Встреча наших зрителей с американской драматической труппой прошла успешно.

Д. ШЕСТАКОВ

Е. Алексеева в роли Лизы

БЕДНАЯ ЛИЗА: ПОВЕСТЬ И СЦЕНА

Рассматривая права Карамзина на титул писателя, Белинский решительно отказал ему в будущем. «...Имя Карамзина, — писал он, — бессмертно, но сочинения его, исключая «Историю», уже умерли и никогда не воскреснут!..»

...Прошло почти двести лет, и история бедной Лизы предстала на Малой сцене ленинградского БДТ.

Зачем понадобилось режиссеру и писателю-перелицовщику Марку Розовскому тревожить старинную повесть? Неужели снова народная в модном наряде музыкально-танцевального представления? Намеренно дерзкое подражание карамзинской манере, которое лишит описанную сочинителем жизнь всякого правдоподобия и заставит нас смеяться там, где автору осьмнадцатого столетия хотелось плакать?

Начало представления настраивает на другой лад. Сцена, и так придвинутая к первым рядам, продолжена в театральный зал. Занавеса нет. Старинная гравюра-задник изображает московское предместье, горят свечи в высоких канделябрах, тут же пяльцы, вышивки, кожаный переплет книги с повестью Карамзина. Кажется, что сладкие чары сценической стилизации способны настроить на чувствительный лад. А может быть, вся эта очаровательная старина должна по контрасту оттенить горе бедной Лизы?

Авторы спектакля убеждены, что связь времен заключена не только в неизбежном следовании 1973 года за 1793-м. Актеры держат в руках пяльцы, на которых вышиты эти цифры, и складывают их то в старинную дату, то в обозначение сегодняшнего дня. Перед нами не музейная реставрация и не «правда жизни» далеких лет, а скорее, внутренний театральный синтез сочинения Карамзина.

Как часто теперь бывает в театре, целостный мир спектакля создается на сцене средствами монтажа. Шестнадцать страниц прозы развернуты в свободную театральную композицию, ее создают на равных переживания, фантазия и вкус художницы А. Коженковой, музыка, сочиненная самим постановщиком — М. Розовским, современные стихи Ю. Ряшенцева и живая игра актеров.

Спектакль построен на доверии к зрителю и тонкой насмешке над неприемлемыми, устоявшимися представлениями о сентиментальной прозе. Смеются над раз и навсегда усвоенными правилами, над скоропалительными по отношению к искусству выводами. «Бедная Лиза»? Ах, уж эти сантименты... Старо! О чем там, впрочем? Ах да, о том, что «и крестьянки любить умеют». Словно подслушав этот диалог, театр выводит знаменитый душещипательный афоризм старинной вязью на дощечке-планшете. Зритель ждет идиллии, наивной простоты чувств и взаимоотношений и может полюбоваться Лизиным домом, куда каждый может войти и сказать: «Здравствуй, добрая старушка! Не обяжешь ли, стаканом молока?» Сначала мы с удовольствием чувствуем свою правоту и вместе с актерами снисходительно смеемся над неправдоподобно наивной и далекой от нас жизнью. Но неожиданно — когда это происходит, сказать трудно — замечаем, что жизнь хрестоматийно знакомая оборачивается новой стороной и наконец взрывается воплем души, после которого все традиционные представления о «Бедной Лизе» разрушены. Из зала мы выходим взволнованные силою старого искусства, способного побеждать время.

Главное открытие — характер Эраста, каким его играет Владимир Рецептер. Зрители, знающие прежние работы артиста, углубленные тончайшим психологическим анализом, пристально удивлены «очаровательной легкостью», с которой его Эраст порхает по сцене, наслаждается чарами любви, страдает и следит за каждым вновь нахлынувшим желанием. Однако талант артиста хорош не сам по себе. «Очаровательная легкость» есть та самая неподвижность души Эраста, которая обнаруживает все другие изменчивые черты его личности. Рецептер далеко ушел от привычных обвинений Эраста в изначальном легкомыслии и безнравственности, он обнаружил в характере Эраста подвижность, изменчивость, живость чувств и поступков при абсолютной способности натуры оставаться в раз и навсегда закрепленных пределах. Эраст Рецептера искренен в любви и по-настоящему опечален горькой судьбой Лизы. Но сильнее этих чувств оказывается его готовность идти навстречу «обстоятельствам», которые «с утра переменились», чтобы дать новую пищу своему воображению, своим чувствам.

Чем более развится на сцене этот обаятельный мальчик с бархатным портфельчиком в руках, чем безусловнее его вера в свою неотразимость, тем сильнее контраст Лизиного состояния и Эрастова воодушевления. Артистка Е. Алексеева отходит от конкретных черт Лизы-крестьянки, Лизы-девочки, впервые с ландышами попавшей в Москву, впервые полюбившей... Кажется, стираются или по крайней мере отступают реальные черты юного лица и остается его выражение — трагическое недоумение от жизни, в которой «Сам всплачет — убив, вздохнет — украв, а заводит речь и выходит — прав».

Настроение тревоги ощущалось еще в начальной песне Лизиной матери (артистка Н. Ольхина), но кто же мог предугадать, что ее скорбная фигура в гладком холщовом платье, подпоясанном веревкой, по-своему повторится в облике Лизы перед смертью. Простые линии платья подчеркивают формы юного тела, в глубоком вырезе, кажется, видно, как пульсируют жилки тоненькой шеи... Отныне по-новому слышится нам «сердце горлицы, птицы человеческой». Но сильнее разбуженное чувство ответственности за ближних и дальних. И тут оказывается, что автор «Бедной Лизы» (его играет в спектакле артист А. Пустохин) не так уж устарел, не устарела и привлекавшая Карамзина мысль о праве личности на сопротивление всякому, кто другого человека приневолить хочет, а сентиментальная проза обнаруживает глубокое знание сердца человеческого.

Т. ЛАНИНА

ФЕСТИВАЛЬ БОЛГАРСКИХ ФИЛЬМОВ

Слева направо: заместитель председателя Комитета по искусству и культуре НРБ Павел Писарев, актриса Катя Паскалева, актер Иван Андонов, первый секретарь посольства НРБ в СССР Иван Григоров, посол НРБ в СССР Димитр Жулев. Фото В. КРОХИНА

Фильмы наших друзей — болгарских кинематографистов пользуются у советских зрителей давним и заслуженным успехом. Успех сопутствовал и только что прошедшему фестивалю болгарских художественных фильмов, который проводился в соответствии с планом культурного сотрудничества между СССР и НРБ.

В программу фестиваля, открывшегося премьерой нового болгарского фильма «Самый добрый человек, которого знаю», были также включены художественные картины «Последнее слово», «Перелились зайцев», «Бабье лето», «Пути-дороги», «Иван Кондарев» (по одноименному роману Э. Станева). Москвичи тепло приветствовали членов делегации болгарских кинематографистов.

ПОЧТА 8-й СТРАНИЦЫ

ВСЕ ЖАНРЫ ХОРОШИ...

Инициативу создания и передачи многосерийных телевизионных фильмов нельзя не приветствовать. Фильмы с продолжениями на малом экране можно сравнить с повелением «романов с продолжением» на страницах периодических изданий. Многосерийный фильм притягивает к голубому экрану, сближает зрителей и героев фильма. Достаточно сказать, что за время передачи «Семнадцати мгновений весны» мы настолько сжились с действующими лицами, что расставаться с ними было просто досадно.

Хороши все направления многосерийного телефильма. С большим интересом смотрелись 50 серий документально-хроникальной летописи нашего государства «Летопись полувека». Это страницы нашей биографии, и нам, людям старшего поколения, радостно оглянуться назад, на сделанное.

Игорь МЮЛЛЕР,
учитель

Поселок ЯЙВА
Пермской обл.

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Я принадлежу к числу болельщиков голубого экрана и с большим интересом читаю все выступления «Литературной газеты», посвященные вопросам телевидения. Хорошо, что в последнее время газета шире, подробнее стала освещать работу ТВ. Вот и в номере газеты от 17 октября я с интересом прочитал две мнения о жанре телевизионного спектакля. Однако, по совести говоря, меня удивил тон статьи С. Кары. Телевидение непрестанно ищет новые интересные способы подачи материала. Со всем уважением следует отнестись к его поискам. А иронически-снисходительные фразы критика, вроде «лукавые телезрители», «телепритязания» и т. п., об этом отнюдь не свидетельствуют. Это тем досаднее, что многие замечания С. Кары несомненно заслуживают внимания.

Василий ПАВЛОВ
1 Гостиничный проезд, 1
МОСКВА

Плакат, опубликованный американским еженедельником «Уорлд» мэгэзин»

ДОСЬЕ «ЛГ»

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

В канун открытия Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве уместно оглянуться назад и вспомнить, как рождалось, крепло и набирало силы всемирное движение сторонников мира...

Август 1948 года. В польском городе Вроцлаве по инициативе представителей польской, французской и советской интеллигенции состоялся Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира. Участвовали 500 человек из 45 стран. Конгресс учредил Международный комитет связи деятелей культуры в защиту мира. В него вошли Ф. Жолио-Кюри, А. Фадеев, П. Робсон, П. Неруда и др.

Апрель 1949 года. Первый Всемирный конгресс сторонников мира в Париже. Поскольку тогдашние французские власти отказали в визах на въезд делегатам Китайской Народной Республики, Польши, Болгарии, ограничили количество виз для советской делегации, было принято решение провести конгресс одновременно и в Праге. В работе первого конгресса приняли участие 2065 делегатов от 561 национальной и 12 международных организаций, представлявших различные круги общественности 72 стран.

Среди его участников — советские писатели А. Фадеев, А. Корнейчук, И. Эренбург.

Для руководства движением сторонников мира в периоды между конгрессами учрежден Постоянный комитет и его бюро. Президентом был избран Ф. Жолио-Кюри.

Март 1950 года. Сессия Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира в Стокгольме. Участники ее, представлявшие 72 страны, приняли историческое Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия. Оно было услышано во всем мире.

Ноябрь 1950 года. Второй Всемирный конгресс в Варшаве. 1736 делегатов от 81 страны.

Второй Всемирный конгресс избрал Всемирный Совет Мира (ВСМ), заменивший Постоянный комитет. Президентом ВСМ был избран Ф. Жолио-Кюри, который до конца своей жизни оставался на этом ответственном посту.

Февраль 1951 года. Первая сессия Всемирного Совета Мира в Берлине. Принято решение ВСМ по сбору подписей под обращением о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

Декабрь 1952 года. Всемирный конгресс народов в защиту мира в Вене. 1857 человек представляли 85 стран. Итоги конгресса сформулированы в его воззвании, призывавшем народы мира вести совместную борьбу против угрозы новой войны, за обеспечение мира.

Июнь 1954 года. Стокгольм. Международная конференция по ослаблению напряженности в международных отношениях. Представители 30 стран Востока и Запада встретились, чтобы обсудить меры, способствующие ослаблению международной напряженности.

Январь 1955 года. Расширенная сессия Бюро ВСМ в Вене положила начало новой всемирной кампании в защиту мира — сбору подписей под обращением, направленным против подготовки атомной войны. Под Венским воззванием поставили свои подписи 655 963 811 человек.

Июнь 1955 года. В Хельсинки состоялась Всемирная ассамблея мира. Она приняла обращение к народам, призвав все миролюбивые силы к единству и сплочению.

Июль 1958 года. Всемирный конгресс за разоружение и международное сотрудничество в Стокгольме. 1264 представителя от 78 стран. С трибуны конгресса прозвучал призыв покончить с войной в Алжире, восстановить законные права КНР в ООН, претворить в жизнь международные решения о Вьетнаме и Корее, осудить англо-американскую агрессию на Ближнем и Среднем Востоке.

Июль 1962 года. Москва. Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. 2500 человек из 121 страны. В единодушно принятом послании к народам мира была сформулирована широкая программа совместных действий различных движений и организаций, направленных на устранение угрозы мировой термоядерной войны.

Ноябрь 1964 года. Всемирная конференция за мир и международное сотрудничество в Дели. В ее документах особое внимание обращалось на неразрывное единство движений за мир и за ликвидацию колониализма и расизма.

Июль 1965 года. Всемирный конгресс за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение. Хельсинки. Представлены 18 международных организаций, движений и направлений борьбы за мир. Конгресс решительно осудил американскую агрессию во Вьетнаме.

Июнь 1966 года. Женева. Сессия ВСМ приняла «Обращение ко всем, кому дорого будущее человечества» и «Меморандум о европейской безопасности».

Октябрь 1967 года. Ленинград. Расширенное заседание президиума Всемирного Совета Мира в честь 50-летия Октябрьской социалистической революции. Принят ряд документов — «Призыв к народам», «Резолюция по Вьетнаму», «Заявление по Ближнему Востоку» и «Резолюция по проблемам европейской безопасности и европейского сотрудничества».

Июнь 1969 года. Всемирная ассамблея мира в Берлине. 56 международных и 320 национальных организаций из 101 страны. Приняты «Воззвание Всемирной ассамблеи мира» и «Резолюция по Вьетнаму».

Июнь 1972 года. Брюссель. Ассамблея общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе. Присутствуют около тысячи представителей из всех стран континента. Торжественная декларация, принятая ассамблеей, «призывает всех людей, все политические и социальные силы Европы объединить усилия во имя превращения континента в землю мира и плодотворного сотрудничества».

Октябрь 1972 года. Сессия президиума ВСМ в Сантьяго. В обращении ко всем движениям и организациям, борющимся за мир, Всемирный Совет Мира призвал их принять участие в подготовке и работе Всемирного конгресса миролюбивых сил, который должен состояться осенью 1973 года в Москве...

Досье подготовил М. МАКСИМОВ

СЕМЬ ДНЕЙ В ОКТЯБРЕ...

Ганс-Юрген ВИШНЕВСКИ: ХОТЕТЬ МИРА — ЗНАЧИТ БОРОТЬСЯ!

Наш собеседник Ганс-Юрген Вишневски — шестнадцать лет депутат западногерманского бундестага. Он был руководителем организации «Молодые социалисты» ФРГ, потом — министром. Сейчас он член правления СДПГ, ответственный за международные связи. В бундестаге он возглавляет «Комитет по вопросам разоружения».

Давая оценку общеевропейскому Совещанию по вопросам безопасности и сотрудничества, Ганс-Юрген Вишневски отмечает:

— В Хельсинки были созданы хорошие предпосылки для конкретных переговоров в Женеве. И хотя мы понимаем, что важно не торопить события, мы не заинтересованы в их задержке. Мы надеемся, что конкретные результаты второго этапа позволят обеспечить успех совещания на третьей, заключительной фазе.

— В настоящее время, — продолжает г-н Вишневски, — произошло усложнение международной обстановки из-за войны на Ближнем Востоке. И именно поэтому мы не должны прекращать наших усилий по нормализации взаимоотношений.

Я был в Хельсинки и видел доказательства доброй воли участников первой фазы совещания. После десятилетий разобщенности не просто прийти к согласию, но тем не менее я не вижу непреодолимых препятствий на пути решения всех вопросов, обсуждаемых на данном этапе совещания...

Ганс-Юрген Вишневски возглавит группу представителей СДПГ, которые прибудут на конгресс в Москву. Отвечая на мой вопрос о конструктивном вкладе конгресса в решение проблем укрепления мира и взаимопонимания, Ганс-Юрген Вишневски выделяет следующую мысль:

— Конгресс, бесспорно, является событием, исполненным большого значения. Поэтому мы едем в Москву и рады этой возможности. Я надеюсь, что конгресс будет способствовать созданию более благоприятной атмосферы в мире. А это сейчас особенно необходимо. Вместе с моими коллегами мы изучим все подготовительные документы, с тем чтобы получить от конгресса возможно больше пользы. Тем более что Всемирный конгресс миролюбивых сил благодаря широкому составу участников предоставит для всех возможность широких контактов с интересными партнерами...

Беседа, которую мы вели с г-ном Вишневски в бундестаге, переходит на тему двустороннего сотрудничества.

— Сейчас главное — наполнить восточные договоры жизнью, — говорит г-н Вишневски. — Я не сторонник формулы «подписано и с плеч долой». Я за то, чтобы использовать любую возможность для расширения сотрудничества между СССР и ФРГ. При этом я выступаю за реалистический подход с обеих сторон. Никто не говорит, что у нас здесь неограниченные возможности. Но для меня ясно: экономическое сотрудничество с Советским Союзом не может строиться на краткосрочной основе: сотрудничество между СССР и ФРГ может быть успешным только на базе долгосрочных соглашений, и перспективы такого сотрудничества весьма благоприятны.

Ганс-Юрген Вишневски отмечает большое благотворное влияние нормализации отношений между СССР и ФРГ на развитие обстановки в Европе и во всем мире:

— Заключение Московского договора, встреча Л. И. Брежнева и В. Брандта в Крыму в сентябре 1971 года и, наконец, визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Бонн в мае нынешнего года оказали решающее влияние на изменение климата не только на Рейне, но и на всем континенте. И это не просто моя точка зрения, в этом и моя позиция как политического деятеля.

— Не стоять в стороне, а быть заинтересованным участником событий, активно выступать за политику мира и сотрудничества — вот в чем я вижу свой долг, — говорит в заключение г-н Вишневски.

Владимир ЛОМЕЙКО,
специальный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

БОНН. (По телефону)

БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ — ПОЛИТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ!

С быстротой молнии распространилась по планете весть о том, что Совет Безопасности ООН четырнадцатью голосами принял резолюцию по Ближнему Востоку, предложенную Советским Союзом и Соединенными Штатами. Совет Безопасности призывает все стороны, участвующие в нынешних боевых действиях, прекратить всякий огонь, а также прекратить все военные действия немедленно, не позже чем в течение 12 часов с момента принятия настоящего решения, с оставлением войск на занимаемых ими сейчас позициях; призывает заинтересованные стороны начать немедленно после прекращения огня практическое выполнение резолюции Совета Безопасности 242 во всех ее частях; постановляет начать немедленно и одновременно с прекращением огня переговоры между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой, направленные на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

В ходе обсуждения проекта резолюции представитель Советского Союза Я. А. Малик отметил, что в результате встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с государственным секретарем США Г. Киссинджером Советский Союз и Соединенные Штаты совместно внесли в Совет Безопасности проект резолюции, направленный на прекращение военных действий и немедленное практическое выполнение резолюции Совета Безопасности о политическом урегулировании на Ближнем Востоке. Совет Безопасности, заявил советский представитель, должен принять самые срочные и неотложные меры, чтобы добиться прекращения кровопролития и претворения в жизнь резолюции Совета Безопасности 242, которая в качестве основы политического урегулирования предусматривает вывод израильских войск со всех оккупированных ими арабских земель.

Зарубежная пресса придает огромное значение беседам Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с государственным секретарем США, помощником президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером. Газеты подчеркивают, что в ходе бесед была всесторонне рассмотрена нынешняя обстановка на Ближнем Востоке и обсуждены возможные пути к установлению мира в этом районе.

Комментируя заседание Совета Безопасности ООН и весь комплекс событий, связанных с ближневосточным конфликтом, многие обозреватели иностранной прессы указывают на первостепенное значение миролюбивой политики Советского Союза для дела политического урегулирования на Ближнем Востоке с учетом интересов безопасности всех государств и народов этого района. «Советский Союз,—пишет венгерская газета «Мадьяр хирлап»,—проводит последовательную политику, направленную на достижение справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке». О больших усилиях Советского Союза, направленных на мирное решение ближневосточного конфликта, пишут японская газета «Иомиури», индийская «Пэтриот» и другие. Обозреватели подчеркивают, что принятие Советом Безопасности ООН предложенной Советским Союзом и Соединенными Штатами резолюции является важным вкладом в разрядку международной напряженности и укрепление мира во всем мире.

С МЕСТА СОБЫТИЙ

РАДИ ОСНОВНОЙ ЦЕЛИ

Когда египетские солдаты водрузили знамя Арабской Республики Египет на гребне южного участка «линии Бар-лева», очищенной от израильтян, их ликование вылилось в скандирование призывов: «Да здравствует родина!», «Да здравствует победа!». Прозвучал и еще один призыв: «Да здравствует мир!». Признаться, нас, журналистов из разных стран, присутствовавших на освобожденном участке восточного берега, этот призыв даже несколько удивил: солдаты, еще опьяненные ожесточенным боем, наполненные радостью победы, призывали к миру!..

А между тем это было совершенно естественным: египетские солдаты — это рабочие, крестьяне, служащие, студенты, одетые в песочного цвета защитную форму. И Египет взял в руки оружие не из экспансионистских амбиций, но потому, что вынужден был защищать свою страну, свою землю. Поэтому целью борьбы египтян и других арабских народов является мир в условиях справедливости.

Эта цель была сформулирована и в речи президента Садата, с которой он выступил перед Народным собранием.

«Мы сражаемся за мир,— сказал президент. — Мы действуем в соответствии с духом и буквой Устава ООН, уважая резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности...»

Эти настроения определяют сегодня настроения египтянина, его надежды и планы на будущее. В дни ожесточенных боев на Синае начались работы по восстановлению городов, находящихся на побережье Суэцкого канала. Такую задачу поставило правительство Арабской Республики Египет. Был создан специальный комитет, который занимается этими вопросами. Эксперты подсчитывают средства, необходимые для восстановления. Проводится запись в специальные отряды добровольцев, которые будут участвовать в строительстве. Уже сейчас можно наблюдать, как в Суэце, Исмаилии и Кантаре начинаются работы по расчистке улиц и площадей от руин разбомбленных кварталов.

Не менее важным является и решение египетского правительства о начале работ по расчистке Суэцкого канала для судоходства. Это решение вызвало оживленные отклики в других странах.

Протяженность канала — почти 170 км. К моменту агрессии 1967 года через канал проходило 16 процентов всех грузов, следующих на нашей планете морским путем. Суэцкий канал был основной нефтяной дорогой мира. Закрытие канала привело к вздорожанию целого ряда товаров. Резко возросла стоимость фрахта. Это прежде всего ударило по странам Азии и Восточной Африки, не имеющим значительного торгового флота и вынужденным фрахтовать его у морских монополий, которые не преминули воспользоваться этим для взвинчивания цен.

Вот почему заявление египетского правительства о намерении принять меры к тому, чтобы открыть судоходство по Суэцкому каналу, вызвало большой интерес. Соответствующие организации АРЕ приступили к разработке проектов по проведению необходимых работ для открытия канала. По оценкам египетских инженеров, стоимость работ по расчистке канала составит 136 миллионов египетских фунтов. Работы могут быть завершены в шесть месяцев, заявил председатель компании Суэцкого канала.

Сегодня египетскому народу приходится решать многие сложные задачи во имя достижения основной цели — мира на основе справедливости.

В. КУДРЯВЦЕВ,
собственный корреспондент Советского телевидения и радио — специально для «Литературной газеты»

КАИР. (По телефону)

ЧИЛИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

«СЕРДЦЕ — НАРОДУ!»

«По счастью, я принадлежу к поколению, подхваченному революционными ветрами истории...

Я счастлив, что живу в это время... Счастлив, потому что, когда отдаешь свое сердце, разум и волю народу, чувствуешь ту радость, которую испытывает человек, рождающийся заново».

Эти строки взяты из интервью чилийского поэта-коммуниста Виктора Хара, опубликованного в воскресном приложении к газете «Сигло» от 26 августа 1973 года — за несколько дней до его гибели. Виктора Хара в Чили знали все...

Многообразное дарование Виктора Хара — поэта, режиссера, композитора и певца — со всей полнотой раскрылось, когда к власти пришло правительство Народного единства. Он пел на собраниях и конференциях, окруженный народной любовью.

После переворота Виктора Хара арестовали одним из первых. Его привезли на стадион «Насьональ», превращенный в концлагерь, вместе с его неразлучной гитарой. И здесь он начал петь революционные песни. Палачи раздробили ему пальцы, чтобы он не мог перебирать струны гитары. Они перебили ему руки, чтобы он не мог держать гитару. Они прикладом выбили ему зубы, чтобы он не мог петь. Истерзанное тело народного певца повесили рядом с его гитарой. Так не стало Виктора Хара.

Но палачи не могут убить его песни. Они и сегодня поднимают чилийцев на борьбу против фашизма.

Владимир КОРОТКОВ

Виктор ХАРА
(ЧИЛИ)

Аманда и Мануэль

Я вижу тебя, Аманда:
в глазах твоих юный хмель,
ты бежишь под дождем
к заводу,
где работает Мануэль.

В твоих волосах дождинки,
улыбка — само торжество,
ты никого не видишь,
сейчас ты увидишь его,
его,
его,
его...

Пять минут перерыва,
как быстро они бегут,
но жизнь похожа
на вечность
и в пять недолгих минут,

Снова поет сирена,
окончился перерыв.
Ты идешь,
улыбкою нежной
улицы озарив.

В пять минут расцветало
все твое существо.
Ты шла по улицам мокрым,
чтобы увидеть его,
его,
его,
его...

Потом он ушел на сьерру,
смирный твой Мануэль,
и пять минут кровожадных
пять раз поразили цель.

Снова гудит сирена,
и голос ее — как стон.
Многие не возвратились,
не возвратился и он.

А я вспоминаю, Аманда...
В глазах твоих юный хмель,
ты бежишь под дождем
к заводу,
где работает Мануэль.

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО

ГРИМАСЫ «СВОБОДНОГО МИРА»

ЕЩЕ ОДНО «СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОВЕДЕНИЕ»

В американской газете «Дейли уорлд» напечатана следующая статья Дж. Карвера.

Заголовок в «Джорнэл оф Американ медикл ассошиэйшн» гласит: «Политический подтекст может отодвинуть на второй план клинические проблемы операций на головном мозге у душевнобольных».

Мы считаем, что опасаться нужно как раз обратного: разговоры о клинической стороне дела могут затуманить политический подтекст подобных операций, проблема которых, во всяком случае в Соединенных Штатах в 1973 году, имеет недвусмысленное политическое содержание. Ибо речь идет об орудии классового и расового угнетения.

Авторы статьи в «Джорнэл» стремятся создать впечатление «объективности», приводя высказывания врачей и других специалистов из противоположных в этом споре лагерей. Но, несмотря на всю «объективность», у читателя все же складывается впечатление, что политические соображения мешают важной работе ученых в их стремлении помочь человеку.

Авторы статьи лишь намекают на существование, пожалуй, самого важного аспекта хирургических операций на головном мозге — попыток использовать их против черных и белых активистов из рабочего класса, находящихся в заключении. Использовать для удаления у них тех или иных мозговых центров, поскольку правящий класс не в состоянии никаким другим способом удержать их от борьбы за свои права.

Хотя авторы статьи в «Джорнэл оф Американ медикл ассошиэйшн» не пишут обо всех последствиях использования операций на головном мозге у душевнобольных, они, несомненно, констатируют ряд основополагающих истин. Так, например, в статье приводятся слова д-ра Питера Бреггина, вашингтонского психиатра и одного из наиболее авторитетных критиков применения подобных хирургических методов, утверждающего, что многие хирурги, делающие операции на головном мозге у душевнобольных, пренебрегают соображениями этики. Он, в частности, утверждает, что эти хирурги не заручаются согласием предварительно достаточно проинформированных на этот счет пациентов. Он говорит: «Если Америка когда-нибудь окажется под гнетом тоталитаризма, диктатором будет ученый-бихевиорист, а тайная полиция вооружится методами лоботомии и психохирургии... Лоботомия и операции на головном мозге в целях воздействия на поведение человека — этическое, политическое и духовное преступление. Они должны быть поставлены вне закона».

ЕЩЕ ОДНО «СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОВЕДЕНИЕ»

Так, в письме комитета в защиту Эдуардо Круса (молодого пуэрториканца, который был осужден по ложному обвинению за свои политические убеждения и ослеп на один глаз, потому что его в тюрьме не лечили) говорится, что его собираются подвергнуть курсу «воздействия на поведение», в данном случае с помощью наркотических препаратов. В письме говорится, что методы «воздействия на поведение» используются против заключенных, которые настойчиво пытаются бороться за права своих товарищей.

Сенатор Гленн Билл-младший, главный автор внесенной в сенат резолюции относительно хирургических операции на головном мозге у душевнобольных, говорит, что, «судя по некоторым сведениям, операции на головном мозге производились в федеральных лечебных учреждениях». В статье из «Джорнэл оф Американ медикл ассошиэйшн» говорится, что подобные операции определенно имели место в больницах управления по делам ветеранов войны.

В апреле управление по делам ветеранов опровергло сообщения о том, что подобные операции делались в его больницах, но в начале июня оно взяло это заявление назад. Сейчас управление по делам ветеранов войны признает, что с 1961 года в его больницах было сделано по меньшей мере 16 операций для «воздействия на поведение» пациентов.

Другая группа врачей сделала 295 операций на 207 пациентах в период с 1 января 1962 года по 1 января 1973 года. Эта группа, по-видимому, состоит из высококвалифицированных и серьезных специалистов и утверждает, что во многих случаях добилась «большого успеха».

Д-р Томас Боллентайн, профессор хирургии медицинского факультета Гарвардского университета, рассказывает, что на Третьем международном конгрессе по проблемам хирургических методов лечения душевнобольных «было недвусмысленно, единодушно и в международных масштабах осуждено любое использование операций на головном мозге в политических или социальных целях». Но желаемое далеко не всегда соответствует действительному. Люди просто не могут оставаться такими доверчивыми, как когда-то были, и уж наверняка не будут доверять тюремным чиновникам с их оголтелыми расистскими, антирабочими настроениями.

2. СЧЕТ КОНСТРУКТОРУ...

А. БУЗНИЦКИЙ,
Герой Социалистического Труда, председатель ордена Ленина колхоза имени А. А. Жданова Киевской области

«ДОВОДИМ ДО УМА...»

Техническое вооружение села в нашей стране с каждым годом улучшается. Без современной новейшей техники были бы немыслимы ни нынешний украинский миллиард пудов хлеба, ни другие успехи сельского хозяйства; и, право же, трудно исчислить, в какой степени техника увеличивает власть человека, хозяйствующего на земле. Но мог бы он хозяйствовать и еще лучше, если бы сельскохозяйственные машины всегда были на высоте. Между тем некоторые виды уборочных, например, комбайнов оставляют желать много лучшего. Судите сами.

Зерновые комбайны сконструированы много лет назад, еще тогда, когда деревня была «бедной». Сейчас они не только морально устарели, они просто не годны для уборки хлеба. СК-4, например, рассчитан на уборку урожая максимум 25 центнеров с гектара. Ну, а мы ныне снимаем пшеницы более чем по 50 центнеров. Машина не способна осилить такой урожай, она захлебывается, выходит из строя. Теряется и удорожается зерно, качество его падает. В результате парадокс: мы сейчас меньше тревожимся о том, чтобы вырастить хлеб, чем о том, чтобы его убрать.

Мало того. У комбайнов заранее запланировано 7,5 процента потерь зерна. Они словно нарочно сплошь в щелях, зерно оттуда так и течет на землю. Значит, каждый тринадцатый центнер мы должны терять, так сказать, в плановом порядке. Легко прикинуть: если страна соберет, положим, двести миллионов тонн зерна, то пятнадцать миллионов тонн — урожай среднего европейского государства! — она должна пустить сквозь щели комбайна, в прямом смысле слова на ветер? А наши прибавки к урожаю должны расходоваться на затыкание комбайновых дыр? И все потому, что конструкторы не сочли нужным, а производственники не пожелали простейшим фабричным способом заделать щели.

В самое последнее время появились первые усовершенствованные комбайны «Колос». Они пригодней для наших полей, но еще далеки от «кондиции». На них запланировано терять 2,5 процента зерна, фактически же пропадает гораздо больше: щелей по-прежнему много, и вручную заделать их трудней, чем на комбайнах старых конструкций.

Может быть, ученые, инженеры не знали о несовершенствах хлебоуборочных машин? Знали: много лет в выступлениях в печати и с высоких трибун руководители колхозов и совхозов просили исправить положение. Страстные речи произносились, обширные докладные записки составлялись, но так и не создан комбайн — собирающий и не теряющий зерна.

Кстати, почему только зерно? В колосе ведь содержится и мякина — примерно пятнадцать процентов от веса зерна. Мякина — высококалорийный корм для скота. Я еще помню, как бережно собирал и хранил мякину крестьянин-единоличник, видел, как тщательно собирают ее за рубежом. Во время оно ценили мякину и у нас, и комбайны выпускали с особым бункером для нее. Послевоенные маломощные хозяйства, не имея транспорта, еле успевали вывозить зерно, на мякину же зачастую не оставалось ни сил, ни времени. И тогда инженеры обиделись: не берете мякину — снимем бункер! И сняли. Нынешние комбайны мякину не собирают.

И получается вот что. Если председатель колхоза увидит в поле просыпанное зерно — ну, там, два-три килограмма, — он обязательно устроит головомойку комбайнерам. Но он промолчит, глядя на пуды, рассыпанной мякины: тут он бессилен. Даровые корма летят опять же на ветер, летят десятки лет подряд — и ничего! Прикиньте: если в прошлом году в стране собрано 168 миллионов тонн зерна, то мякины, следовательно, набралось бы около 25 миллионов тонн. Килограмм зерна признан за эталон одной кормовой единицы. Килограмм же половы — около половины кормовой единицы. Каждый запросто подсчитает, во что обходятся государству потери половы. А ведь бункер для нее поставить на комбайн так же легко и дешево, как заделать щели, — капиталовложений больших не требуется. Правда, мне могут возразить, что существуют комбайны с измельчителями. Да, существуют, но их очень мало. У нас в хозяйстве из 13 комбайнов только на трех есть измельчители.

Пусть не покажутся эти претензии к технике чересчур ворчливыми: современный крестьянин, можно сказать, сроднился с машинами, понимает огромные их возможности в век научно-технической революции, а потому возрастает и мера его требовательности к «железным слугам». Как говорится, кого больше любим, от кого больше ждем, с того больше и взыскиваем...

ПОЧЕМУ МЯСО ДОРОГОЕ, А МОЛОКО ДЕШЕВОЕ

У мяса высокая себестоимость, потому оно и дорогое. Снижается же себестоимость медленно. Причин тому много. Сейчас вспомню лишь об одной, может быть, самой важной о несовершенстве технической вооруженности животноводов.

Мясо, как и молоко, тоже «произрастает» в поле, потому что нет мяса без кормов для скота. Пропорция тут прямая: больше кормов — больше мяса, дешевле корма — дешевле мясо. Под кормовые культуры в колхозе отведено около трети пашни. Мясомолочное животноводство — основная отрасль нашего хозяйства; она должна расширяться, значит, количество и качество кормов должны возрастать. Следовательно, должно возрастать и плодородие земли, отводимой под кормовые культуры. Но если под свеклу как под культуру техническую минеральные удобрения выделяются в полном объеме, то уже под зерновые — в урезанном, а уж под кормовые — и вовсе в последнюю очередь.

И все же у каждого хозяйства есть внутренние резервы: органические удобрения, навоз. Ценность навоза как удобрения подтверждена тысячелетним опытом. Тут одно из проявлений комплексности, присущей сельскому хозяйству: земля кормит скот, скот «кормит» землю — своеобразная обратная связь, как принято, на манер кибернетиков, сейчас говорить.

В колхозе имени Жданова сбором и вывозом навоза на поля занимается специализированное звено во главе с агрономом Иваном Банко. За звеном закреплена нужная техника.

Вывоз навоза — тяжелая и сложная работа. Когда мы всерьез взялись за это дело, обнаружились многие серьезные прорехи в комплексной механизации. А масштабы ныне таковы, что опыт предков уже неприменим. Раньше крестьянин всю механизацию сводил к вилам: вилами навоз выкидает из хлева, вилами набросает в телегу, вилами разнесет по пашне. Какие могут быть вилы, если мы на каждый из 2400 гектаров пашни вывозим ежегодно по четырнадцать тонн навоза! Но вот, предположим, навоз вывезен на поля, уложен в кучи, остается его, перед тем как запахать, равномерно распределить, разбросать по полю. И вот тут мы споткнулись и спотыкаемся до сих пор. Больно спотыкаемся.

Навозоразбрасыватели РПТУ для настоящей работы непригодны. Маломощны, часто ломаются: попадет камешек в механизм — и крах! РПТУ, на худой конец, пригодились бы для индивидуального огорода, но уж никак не на современном колхозном поле. В последнее время, правда, появились первые удовлетворительные конструкции навозоразбрасывателя, но их крайне мало, и промышленность словно в насмешку продолжает штамповать никому не нужные РПТУ. Дошло до того, что в хозяйствах, получив вновь такой механизм, снимают с него дефицитные скаты или используют как автоприцеп.

Как же выкручиваются колхозники? А уж как придется. Добывают редкие модели РУН-15а, тоже несовершенные, но все-таки получше, чем РПТУ. В крайности же приходится и за вилы браться.

Вот вам первая крупная накладка на себестоимость мяса.

Кончили с пахотой, с удобрением. Посеяли кормовые на силос. Мы сеем их уплотненными, по собственной методике, созданной в колхозе. Вначале кукурузу и бобовые (сою, фасоль), через месяц подсеваем к ним подсолнечник. На хорошо удобренной почве встает такой густой посев, что его и сравнить-то не с чем. Из каждой дольки земли тянутся крепкие, упитанные стебли. Это даже не лес, это прямо-таки стена сочной питательной зелени. Смотришь — глаз радуется. Урожай получаем по 500 центнеров и более зеленой массы с гектара, или в среднем на 35—40 процентов больше, чем с чистого посева кукурузы на силос.

Это дает нам возможность заготавливать ежегодно по 24—33 тонны силоса на корову. И качество массы выше: фосфора, кальция, каротина и протеина в ней на 80—250 процентов больше по сравнению с зеленой массой чистой кукурузы. Прирост дохода с каждого гектара — до двухсот рублей. Но, к сожалению, делается так не везде.

А теперь возьмем зерновую кукурузу. Приятно глядеть на нее: высота красавицы более двух метров, урожай рассчитываем получить в пределах ста центнеров. Однако холодок заползает в сердце. А как мы ее убирать будем? За сколько времени?.. Если силосоуборочные комбайны СК-2 и СК-6 — удачной конструкции и нас полностью пока удовлетворяют, то нынешние кукурузоуборочные комбайны «Херсонец-7» просто не способны убрать такой урожай.

Поэтому иной раз смотришь на чудесный рост зерновой кукурузы и ловишь себя на противоестественной мысли: «Куда прешь, расчудесная ты моя красавица, остановись, а то чем убирать будем?»

Чтобы не утомлять читателя, я буду далее краток. Следующий этап «мясного конвейера» — ферма. К сожалению, комплексная механизация ферм, о которой столько писалось и говорилось, пока еще чистая теория — по той же самой причине: механизмы ненадежны, малопроизводительны. Единая цепь машин и механических приспособлений для ферм существует разве что на бумаге проектантов, на самом деле она многократно прерывается, застопоривается, пробуксовывает. На партийно-хозяйственном активе республики с участием товарища Л. И. Брежнева 26 июля 1973 года я счел необходимым еще раз сказать в своем выступлении что «себестоимость продуктов животноводства остается еще довольно высокой, потому что не решены до конца вопросы обеспечения ферм надежным оборудованием для комплексной механизации».

«Злоключения мяса» на этом не кончаются. Организационные несуразицы еще накинут на него цену по пути к потребителю. Но о них ниже.

Эти же злоключения прямо относятся и к молоку. Его себестоимость тоже гораздо выше, чем могла бы быть. Но если за низкий технический уровень производства мяса, за вину ученых, инженеров, руководителей промышленности платит из своего кармана потребитель, то за те же огрехи по молоку платит сам производитель. Потому что закупочные цены на молоко часто не покрывают расходов хозяйств на его производство, и для многих колхозов и совхозов молоко убыточно. Даже в нашем колхозе (а он, напоминаю, имеет мясо-молочную основную специализацию) молоко в прошлом году дало лишь 105 тысяч рублей прибыли — менее пяти процентов нашего дохода!

То, что молоко у нас в продаже дешевое, — это хорошо. Плохо то, что производство его дорогое. Создав комплексную механизацию ферм, ученые и инженеры могли бы внести главный вклад в снижение себестоимости как молока, так и мяса.

ДВЕ СТОРОНЫ «ДОДЕЛОК»

Я рассказал далеко не обо всех убытках, что несет колхоз имени Жданова — как, разумеется, и другие колхозы и совхозы — из-за слабой научно-технической базы сельскохозяйственного производства. Но и этого, думаю, достаточно.

Скажу откровенно: порой горько становится, когда узнаешь об очередных победах науки и техники на других фронтах социалистического строительства и сравниваешь их, эти победы, с положением в деревне. Ведь создаются устройства куда более сложные, дорогостоящие, чем механизмы и приспособления, нужные колхозам и совхозам.

В этой ситуации есть, правда, и хорошая сторона. Суть ее определяется поговоркой: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». От нужды колхозные специалисты и механизаторы, думая за ученых, конструируя за инженеров, приобрели очень высокую профессиональную квалификацию. На их счету такие находки, такие конструкции и «доделки» неудачных заводских конструкций, которые стоят где-то рядом с настоящими изобретениями. И тут выдвигается новая проблема.

В 1961 году наши рационализаторы под руководством инженера Ю. И. Дунаевского, тогдашнего секретаря партийной организации колхоза, «на корню» переделали свеклоуборочный комбайн для «поточно-перевальной уборки свеклы с одновременной механизированной погрузкой ботвы». Фактически они создали новый комбайн, удобный и высокопроизводительный. Он экономил на уборке 37 рублей с каждого гектара. Конструкция была такая удачная, что промышленность после некоторой заминки стала эти комбайны выпускать, ничего не поменяв.

Если бы такую работу над комбайном — вплоть до промышленного внедрения — проделал НИИ, его специалисты получили бы признание, авторские свидетельства и приличный гонорар. Колхозные же авторы не получили почти ничего, кроме «спасибо».

Тогда мы сочли, что это в порядке вещей. Но год за годом колхозные умельцы вносят свою лепту в научно-технический прогресс за то же «спасибо», и мы поняли, что так нельзя, несправедливо. «Колхозная рационализация» ширится, она становится массовой, как на заводах! Это естественно вытекает из сближения сельскохозяйственного и индустриального труда. Мы по праву гордимся таким сближением, но, следуя логике, мы должны и поощрять техническое творчество крестьян, сельских специалистов по тем же приблизительно канонам, как и творчество рабочих, инженеров. Думается, этот вопрос скоро потребуется решать во всесоюзном масштабе.

И все-таки наша основная забота — земля, урожай, ферма. Мы не должны и не можем брать на себя функции специализированных институтов и конструкторских бюро. Наука и техника обязаны глубже изучать нужды села, энергичней подпирать его своей интеллектуальной мощью.

Иной читатель может мне возразить, что проблемы проблемами, а результаты хозяйственной деятельности в целом выглядят весьма неплохо, так что не стоит-де уделять столько внимания трудностям и неполадкам. В ответ я согласился бы не стоит, если нас могут удовлетворить достигнутые результаты, если мы не стремимся поднять производство хлеба или мяса на новую ступень и готовы удовольствоваться достигнутым. Однако ведь стоять на месте, почивать на лаврах никто, кажется, не собирается, а раз так, следует деловито обсудить сложности и неполадки. Это первое условие дальнейшего роста, которого мы хотим добиться и, конечно, добьемся.

(Окончание следует)

Продолжение. Начало см. «ЛГ», № 42 с. г.

Рисунок В. КРАСНОВСКОГО

ПЯТИЛЕТКА: проблемы, суждения

УРОЖАЙ, НАУКА, ТЕХНИКА. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА

КОНКУРС «АГ» НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК

Борис ГУСЕВ

В ЧАС

САША КОВАЛЬЧУК любил высшую математику бескорыстно, ибо ничего, кроме лишних хлопот, она не доставляла. Саша решал, или, как выражаются истинные математики, брал интегралы всем жаждущим дипломов друзьям и знакомым. Случалось обычно так: предусмотрительно, часу во втором ночи (чтобы уж наверняка застать хозяина дома) к Саше стучали — звонок он отключал. И в ответ на его законный вопрос «Кто там?» раздавались тяжкие вздохи и голос: «Саш! Только один примерчик. Ну, ей-богу, завтра зачет, никак не получается».

Саша чертыхался, но открывал. Садились на кухне.

— Ну, что там? — спрашивал он — Гм, любопытно.

Саша брал шариковую ручку и начинал быстро писать на обрывке оберточной бумаги или газете. Потом принимался втолковывать. «Ладно, объяснишь в следующий раз». — сжалливался чуткий приятель-заочник и уходил. А Саша отправлялся спать. До следующего осторожного стука в дверь. Таково было постоянное общение Саши с высшей математикой. И хотя он иногда стонал, что ему не дают спать по ночам, но в глубине души был рад этому. В работе ему не приходилось иметь дело со своими любимыми интегралами: он был администратор, начальник.

Представьте себе, читатель, высокого, гордого своей первой должностью молодого человека в железнодорожном мундире и фуражке с кокардой, с дипломом ЛИИЖТа в кармане. Но пусть, однако, вас не пугают его независимый вид и величественное выражение лица, полное собственного достоинства. Это хороший и добрый малый. Друзья любят его за верность и отзывчивость. Посмеиваются, правда, что он не всегда понимает юмор. Еще черта: из-за мелочи может «завестись», психануть даже. Но в решении жизненно важных вопросов тверд и спокоен. Родом из Белоруссии, говорит с небольшим акцентом, твердым «н» и мягким «с». Букву «з» вовсе не произносит. Когда его рассердят немножко, он вздохнет и скажет: «Параси-ты». Это самое бранное его слово. Когда его сильно рассердят или обидят, он просто опустит голову и будет молчать. И никому не пожалуется. И вы поймете, что он очень беззащитен, несмотря на свой независимый вид, дипломом с отличием и любовь к интегралам. Я люблю таких людей, у которых хитрости хватает ровно настолько, чтобы обхитрить самого себя, а не ближних своих; которые хороши уже тем, что их не ругает начальство; которые избегают больших приемных и не канючат себе благодарностей и наград. — это истинные труженики, надежные люди, «рабочие лошадки», которые везут, и везут, и везут, взваливая на себя все больше и больше. И вот уж седина на висках, и трое ребятишек, к солидный кабинет с разными телефонами, а он все тот же.

МЫ, ОДНАКО, вернемся к не столь уж далекой Сашиной юности и расскажем об одном памятном ему эпизоде, когда однажды, в час пополуночи, ему пришлось взвалить на себя страшную ответственность за безопасность движения. А вполне мог бы он и уйти от ответственности. Да-с, мог, и зацепка была. И даже совсем не формальная зацепка. И никакое бы начальство не упрекнуло его в перестраховке. Только он, Саша Ковальчук, не с этой позиции на дело смотрел: бросят упрек или нет. А с позиции дела. Он знал, что тысячи людей опоздают к своим делам, и сотни тысяч тонн срочных грузов не прибудут вовремя к месту назначения. И он принял решение и продиктовал его.

Итак, назад, к концу 50-х годов. Новенький мундир, независимый вид и диплом ЛИИЖТа в кармане. По окончании института Саша Ковальчук был направлен работать на маленький железнодорожный переезд Селижарово бывшей Калининской железной дороги. Он мечтал о назначении в родную Белоруссию, но, как мы уже знаем, Саша не умел выпрашивать себе преимуществ и соблюдать свою выгоду. Сказали в Селижарово — поехал в Селижарово, утешая себя тем, что станция эта находится неподалеку от деревни Молвотицы. А там берет начало сама Волга. И озеро Селигер тоже недалеко.

Приехал и принял должность начальника станции. Когда он пришел представляться в районные организации, первый вопрос, который ему задали, был: «Каковы надои в подшефном колхозе?» — «Какие надои? Я начальник станции». — «Вы комсомолец, должны всем интересоваться». Саша привык делать все добросовестно. И мы представляем, как он в новеньком мундире обходит молочные фермы и со слов доярок записывает показатели надоев. Взгляд лукав, с хитринкой, и даже что-то торжествующее светится в нем. Районное руководство сразу поняло, что парень этот — сущий клад для района, и решило тут же прибрать к рукам: рекомендовать первым секретарем райкома комсомола. Уже сам секретарь райкома партии приглашал Сашу Ковальчука к себе на беседу и этак окольно заводил речь, что-де надо молодому специалисту пройти школу комсомольской работы в масштабе целого района. А там-де видно будет. Саша по своей наивности долго не понимал, о чем речь. Общественная работа? Не отказываюсь и даже членом бюро являюсь... И, конечно, его бы сосватали. Но тут судьба его изменилась. На Сашу написали анонимку, причем не рядовую абракадабру, а нечто сверхоригинальное. В Управлении Октябрьской дороги Саше дали прочитать этот трогательный документ: «Александр Алексеевич Ковальчук — весьма высококвалифицированный товарищ, — писал неизвестный автор. — Вечерами сидит и букву на букву помножает в плане современных космических задач. Закономерен вопрос: верно ли используют молодого специалиста, что держат на второстепенной станции?» и т. п.

Как потом выяснилось, анонимку писал местный претендент на должность начальника станции. С намеком писал. Вняли ли этому намеку, не знаю. Но анонимка своеобразно сработала. В Управлении дороги Ковальчуку сказали:

— А что? Логика здесь есть. Вы уже год поработали на маленькой станции. Опыт накопили... Теперь мы вас (Маленький пример: единственную из тринадцати фабрик объединения «Скороход» — № 2 «Пролетарская коммуна» — оборудовали новейшими поточными линиями, и она выпускает обувь, которая идет в Ленинграде нарасхват.) Однако технику не дают... Вся идет на новостройки.

Крупную обувную фабрику в Фергане построили четыре года назад, оборудование поставили самое лучшее, в том числе импортное. А продукцию она выпускает, как говорится, хуже некуда. В прошлом году вернули больше 90 процентов. Удачнее, правда, сложился нынешний год — возвращено «всего» 60 процентов ботинок.

Немногим лучше идут дела на новых обувных предприятиях Казахстана, Киргизии, некоторых других республик. И там техника отменная, и изделия неважные. Нет квалифицированных кадров.

Казалось бы, намечая стратегию отрасли, распределяя капиталовложения, решая, где что строить, следовало бы в первую очередь подумать о заблаговременном обучении людей, о подготовке кадров, условиях для формирования контингента местных специалистов и мастеров своего дела. Конечно, пройдут годы, — и в Фергане, и на фабриках Казахстана, Киргизии наверняка появятся свои мастера. Профессиональный навык — дело наживное. Но потребитель не ждет.

КОГДА БУДУТ «ПЛАТФОРМЫ»!

Вам нравятся «платформы»? Сапоги, туфли, босоножки, даже, кажется, домашние шлепанцы — все на толстенных древнеримских котурнах... Лично мне не нравятся. Однако против моды не попрешь. А достать почти

Еф. КЛЕНОВ

ПО СЛЕДУ «НЕХОДОВОГО БОТИНКА»

Статья Н. Новикова «Неходовой ботинок» («ЛГ» от 25 июля с. г.) вызвала многочисленные отклики читателей. Авторы писем в редакцию, поддерживая выступление газеты и сообщая дополнительные факты «обувного дефицита», считают необходимым продолжить разговор об этой проблеме, чтобы добраться до самых ее корней.

В ГЛАВНОМ управлении обувной, кожевенной и кожгалантерейной промышленности Минлегпрома СССР меня поначалу приняли довольно холодно: разве у «Литературной газеты» мало других интересных тем, кроме обуви? Потом мне сообщили, что критикой обувщики сыты по горло. И, наконец, решительно заявили: работу обувной промышленности надо рассматривать с учетом фактора времени, то бишь исторически, что было, что стало. А недостатки... Так у кого их нет? Я высказался в том смысле, что даже кандидаты исторических наук в подобные моменты жизни думают не столько об «исторических корнях», сколько об эластичности подошвы и крепости каблуков. Со мной согласились и в конце концов признались, что как раз по части подошвы и каблуков дело обстоит не совсем благополучно.

Не совсем благополучно... Сказано довольно мягко!

По данным Минторга СССР, в первом полугодии нынешнего года на двадцати трех обувных предприятиях Российской Федерации тридцать раз приостанавливали приемку товара, а на девяти — шестнадцать раз вводили особый режим приемки; продукцию оплачивали только после ее реализации в магазинах. В это же время 12,2 процента проверенной обуви понижено в сортности и возвращено предприятиям. Заметим, что в тот же период прошлого года этот показатель составлял 11,3 процента, а года позапрошлого — 10,2 процента. Как видим, устойчивые темпы...

К июлю сверхнормативные запасы обуви на складах оптовых баз и магазинов достигли пятнадцати с половиной миллионов пар. А ведь незадолго до этого путем неимоверных усилий пришлось «рассасывать» солидный запас неходовой обуви, скопившейся за предыдущие годы.

Мы выпускаем теперь почти 700 миллионов пар обуви в год! Второе место в мире! Почему же обувная проблема не только не снята с повестки дня, но становится все более острой?

ВЕЛИКИЙ БАСНОПИСЕЦ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРАВ

Готовя эту корреспонденцию, я побывал на нескольких обувных предприятиях. И повсюду, раньше или позже, разговор неизменно сказывался к жалобам на смежников. Кожа обработана плохо, краски блеклые, непрочные, каблуки из сырой древесины, фурнитура груба... Жалобы эти уже набили оскомину, однако не утеряли ни капли обоснованности. И дело здесь не столько в причинах «исторических», на которые так любят ссылаться обувщики: нас, дескать, долго обходили, все отдавали тяжелой индустрии, — сколько в непродуманном, нерасчетливом планировании.

Да, сорок с лишним новых фабрик — это рывок в развитии отрасли. Но сколько предприятий за те же восемь лет появилось в тылах обувщиков? Скажем, в кожевенной промышленности? Оказывается, всего три... А ведь обработка кож, по словам начальника «обувного» главка Минлегпрома СССР Евгения Дмитриевича Балакина, «самое больное место».

Средства и оборудование щедро и последовательно выделялись районам, где обувное дело начинают, по существу, с нуля. Но едва речь заходила об ассигнованиях давним и признанным центрам обувного производства, как плановики и руководители отрасли становились прямо-таки гобсеками. Богатейший опыт, традиции, выработанное десятилетиями мастерство в расчет не принимались. И если в министерстве о направлении капиталовложений последних лет говорят с удовлетворением, то на знаменитом ленинградском «Скороходе», например, или на столь же известной московской «Парижской коммуне» — с горечью.

На ленинградском «Скороходе» больше половины станков и машин двадцати-тридцатилетней давности, немало и «пенсионеров», коим перевалило за полсотни. А ведь здесь трудятся потомственные мастера, перенявшие умение и вкус к ремеслу от отцов и дедов. Им бы в руки современную технику, они бы показали, на что способны!

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

пошлем на более трудный участок. Узел дадим... Высшей категории сложности.

И плакали в Селижарове по кандидату в секретари... А Саша, забрав единственный чемодан, поехал к новому назначению — начальником станции Чудово Октябрьской железной дороги.

ТАК ВОТ — Чудово. Узел. Четыре направления: на Москву, Ленинград, Волховстрой и Новгород. Самое напряженное направление, конечно, Москва — Ленинград. В отдельные периоды суток станция пропускает несколько составов в минуту. Полигон! Стрелки. Автоматика. Сигнализация. Связь. И за все в ответе он, Саша Ковальчук. Ко времени прибытия нового начальника станция была в состоянии далеко не блестящем. Один предшественник снят не без последствий. Другой сбежал, опасаясь той же участи. Но! — и в этом тоже особенность людей, подобных Ковальчуку: ему не везет на награды, благодарности, премии, — но на хороших людей ему определенно везет. И когда однажды, одолеваемый тяжкими думами, наш герой озабоченно прохаживался по вечерней платформе в ожидании экспрессов из Ленинграда, он вдруг увидел перед собой высокого, как и он, человека, но постарше себя. Этот человек сам подошел к Саше, протянул ему руку и сказал:

— Здравствуйте, Александр Алексеевич. Будем знакомы... Работать нам, наверное, вместе. Я некоторым образом тоже отвечаю за безопасность движения.

— Вы, простите, разве вы в штате станции? — удивленно спросил Саша: он обладал прекрасной зрительной памятью и всех штатных работников уже знал в лицо.

— Нет, я не у вас в штате. Фамилия моя Мистров. Зовут Николай Васильевич.

— О!.. Понятно. Здравствуйте. Я уже заходил к вам в пристанционное помещение, не застал. Сказали, в командировке. Вы Мистров, тот самый?..

О Мистрове Саша знал уже по рассказам, ходившим в Чудове главным образом среди школьников. А это такой народ — до всего дознается. Мы, однако, скажем лишь о том, что доподлинно известно и к тому же близко к описываемым нами железнодорожным делам. Мистров обнаружил два минных колодца у самой насыпи на 127-м километре — еще с войны остались. Саперы с миноискателями прочесывали и как-то пропустили. Так и лежали четверть века смертоносные склады, сотрясаясь от проносящихся поездов. А Мистров без миноискателя шел по линии и... угадал. Или подсказал кто. У Николая Васильевича ведь никогда ничего не добьешься. «Э, пустяки все это», — скажет. И не то чтобы бравада какая, нет. Мистров и в самом деле убежден, что никакой особой заслуги его нет: обыкновенная чекистская работа. Служба такая — государственная безопасность. Кому же еще мины находить? Да ведь и про мины-то эти мне не Мистров поведал, а его начальник в Новгороде. А Мистрова даже упрекнул: мол, Николай Васильевич, что же ты молчишь, ведь тебе за это и благодарность в приказе была. Все законно... И мне стало даже неловко, что из-за меня Мистрову даже упрек бросили. Эх, побольше бы таких упреков от начальства подчиненным! Да побольше бы таких людей... Но это так, к слову.

Вот, стало быть, с таким человеком познакомился Саша Ковальчук. Мистров обещал Саше всемерную помощь, но только об одном спросил: собирается ли Александр Алексеевич жить и работать в Чудове.

— Да! Непременно.

— Не день и не два? Или все-таки через полгода сбежите в аспирантуру, как ваш предшественник? — улыбнулся Мистров.

— В ближайшие 10—12 лет — нет. Планы другие. Здесь.

Отвечал, как в воду глядел. Именно 12 лет проработал Саша Ковальчук начальником станции Чудово. Эпоха!

— ...Раз так, с вами легче разговаривать, — сказал Мистров. — Чудово, — скажу вам, неплохой город: три завода, четвертый — железобетонных шпал — строится. Вот, кстати, директора вас будут вечно с вагонами теребить — для отгрузки своей продукции.

— Уже, — кивнул Саша.

— Их можно понять: у каждого план, но вы...

— Я понимаю: есть график.

— Это хорошо, когда человек понимает с полуслова.

Они вдвоем часа два гуляли по платформе, а мимо без остановок проносились экспрессы Москва — Ленинград, маневровый двигал товарный порожняк по запасным путям, дежурный по станции выходил встречать поезда. По платформе гуляли чудовцы. Улицы городка были разрыты, прокладывали газ, и центр вечерней жизни переместился к вокзалу: здесь асфальт, огни и единственный в городе ресторан.

— Ресторан этот вам тоже немало хлопот доставит, — заметил Мистров.

— А что мне не доставит здесь хлопот? — улыбаясь, спросил Саша.

По платформе, откинув полы плаща, в сверкающей белой рубашке, при галстуке, стремительно шел молодой человек в роговых очках.

— Вот, кстати, и прокурор идет — Николай Иванович Васильев. Законник. Сейчас прочтет лекцию нам, вспомнит все случаи нарушений на железной дороге, — сказал Мистров.

— ...Значит, вы не рыболов и не охотник, жаль, — сказал Васильев — А вообще собирайте марки, старинные монеты, увлекайтесь чем угодно и кем угодно, но...

— Соблюдайте законы, — вставил Мистров.

— Абсолютно точно! — пылко воскликнул прокурор.— Александр Алексеевич, это очень важно для молодого руководителя. Только закон! Если спорный случай, звоните, советуйтесь... У меня было столько хлопот с нашими предшественниками... А бывает так — от вас требуют нарушения. Да, да! Не каждый начальник знает законы. И требуют... Но вы не слушайте. Если закон на вашей стороне, все...

— А если случай не предвиден законом? — спросил Саша.

— Ну, теоретически все случаи предусмотрены законом. А практически и так может случиться. Но ведь для этого человеку дан ум.

И ТАКОЙ не предвиденный никакими законами и даже железнодорожными инструкциями случай произошел. Правда, позднее. Уже Саша Ковальчук обрел в Чудове верных, хороших друзей; уже успел съездить в Селижарово и привезти оттуда невесту Тоню; с помощью опять-таки друзей экспромтом организовал свадьбу в полупустой, только полученной квартире; уже Сашина популярность в Чудове благодаря повсеместному распространению заочного образования вышла далеко за пределы станции; уже все железнодорожные служащие убедились, что начальник их — не злопамятен и сердится лишь в двух случаях: когда кто-то нарушает законы или инструкции или когда к нему приходят с наговором на ближнего своего. Тут уж он может и закричать: «Нет, нет, не желаю сплетен!»; уже в Чудове вновь организовался район и председателем райисполкома стала Екатерина Алексеевна Волкова, и Саша тотчас почувствовал, что появилась новая твердая власть над ним, уже в Чудове начали вставать первые пятиэтажные корпуса: уже... Но по-прежнему неизменно спокоен и выдержан оставался Мистров, по-прежнему пылок в борьбе за законность был прокурор, по-прежнему мчались по полигону с железобетонными шпалами московские и ленинградские сияющие экспрессы.

Уже через год после приезда Ковальчука в Чудово показатели станции как-то сами собой поползли вверх. Именно сами собой, ибо начальник не выступал с громкими призывными речами, не издавал разносных приказов, а этак циркулировал в границах станции. Впрочем, бывал и в полосе отчуждения. Его видели то в диспетчерской, то на платформе, то в зале ожидания беседующим с пассажирами.

А тем временем сократился простой вагонов, улучшилось состояние рабочего парка, а план отправления поездов, спускаемый отделением дороги ежедневно, соблюдался с неукоснительной точностью. Ковальчук стал инициатором соревнования между сменами, и станция постепенно стала завоевывать первые места по всему отделению дороги. И директора предприятий, отправляющие по железной дороге свою продукцию, говорили о Саше: «Мягкий-мягкий, а нажать может... Ему не вкрутишь, информирован».

Он действительно был информирован. Хорошо помня селижаровские времена, начальник станции первым делом выяснил, что и в каких количествах производят чудовские предприятия, какой им спущен план и когда и в какие сроки должны они вывозить свою продукцию. Поэтому «вкрутить» ему и выклянчить внеочередные вагоны оказывалось делом неосуществимым.

Да, он был информирован. В аспирантуру Ковальчук не пошел, но все время поддерживал связь со своим бывшим институтом. Вместе с ЛИИЖТом он разработал перекладку стрелочных переводов — новейшее достижение в автоматизации стрелочного хозяйства. При нем чудовский участок пути стал опытным: Министерство путей сообщения разрешило поездам развивать здесь скорость 160—200 километров в час. Максимальную скорость.

И тут случилось. И начался тот день по-нехорошему: один дежурный не вышел, заболел: подсменка задержалась, ритм сбился... А Саша Ковальчук всем своим существом ощущал этот ритм. Все будто бы так, по графику, но что-то надвигается. Что? На одном из путей сошел с рельсов вагон. Свалился, как говорят. Какой-то «парасит» забыл убрать опору из-под колеса, маневровый толкнул назад — и поехало. Неприятность, но пока местного масштаба. В течение дня случились еще две-три неприятности. Но день — относительно спокойное время суток. Самое напряженное — ближе к полуночи и после часа. Идут все экспрессы. В промежутках — товарные поезда, электрички и прочий транспорт. Словом, большой ход. Все было отлажено, отработано до секунды, но ощущение беспокойства не оставляло Ковальчука. А интуиция специалиста — это все.

Опасения оправдались. Первым позвонил Мистров:

— Александр Алексеевич! Вы в курсе насчет повреждения?

— Нет... Что еще не слава богу? Один момент, идет дежурный... Это по поводу повреждения. Выслушаю — перезвоню.

Произошло следующее: маневровый тепловоз, перевозя мостовую ферму, задел ею контактную опору электросети, ту самую, которая поддерживает электрический провод с напряжением 3600 вольт. Опора слегка наклонилась, и провод на небольшом участке провис. Создалась двойная угроза: первая — обрыв провода под напором дуги электровоза и вторая, самая страшная, — опора могла рухнуть прямо на рельсы, под колеса мчавшегося экспресса. Ковальчук взглянул на часы: было 0. 15. Экспрессы уже вышли из Ленинграда и стремительно приближались к месту повреждения. «Красная стрела» по графику вовсе не останавливалась в Чудове. Ее мог остановить лишь семафор. И Ковальчук тотчас отдал приказ закрыть путь и связался с дежурным по Управлению дороги. Магистраль-то важнейшая. Он коротко доложил о случившемся.

— Какое принимаете решение? — последовал вопрос.

— Закрыть движение... пока.

Наступила пауза с весьма понятным значением. Закрыть движение в это время суток — значило катастрофически сорвать все графики, задержать тысячи пассажиров и десятки тысяч тонн грузов на много часов. И вообще это ЧП. За ним будет следить министр.

— Вам известно, что из Ленинграда вышел дополнительный поезд со срочным грузом? — спросил дежурный.

— Все известно. — отвечал Саша.

— Действуйте по обстановке.

Другого совета и быть не могло. Ответственность за то или иное решение мог и обязан был взять на себя лишь начальник станции, на участке которой произошло повреждение. Ковальчук устремился к месту происшествия. Мистров был уже там.

Железобетонный столб-опора слегка наклонился в сторону рельсов. Однако не настолько, чтобы мешать проходу вагонов. Провод в этом месте провис над рельсами сильнее, чем обычно. У освещенной прожектором опоры суетились рабочие дежурной ремонтной бригады.

— Начинайте укреплять растяжками! — приказал Ковальчук.

Он прикинул, что работа эта займет часа два, а то и три. Что делать с движением? Практически угроза пробки растет с каждой минутой.

Ковальчук, задрав голову, бегал вокруг опоры. Что-то кричал рабочим. На мгновение — всего лишь на мгновение! — он было засуетился, записковал, как потом сам признавался. Крикнул «парасит» в адрес отсутствующего обер-кондуктора, виновника повреждения опоры. Потом подошел к Мистрову:

— Николай Васильевич!

— Да...

— Я так полагаю, катастрофа исключается.

— Да...

— Но обрыв и как следствие его — замыкание возможны.

— Да... Только вот, Александр Алексеевич, — спокойно сказал Мистров, — чего ж гадать... Вы...

Саша уже все понял. Он хлопнул себя ладонью по лбу, словно прозрев. Достал блокнот, ручку и вошел в полосу света. Дальше он уже действовал спокойно, решительно. Определил угол наклона контактной опоры — и на бумаге зачеркрестили буквы, цифры, интегралы, потом он отошел в сторону, прикинул на глаз глубину провисания провода и вновь стал считать.

Через 15 минут они с Мистровым вернулись на станцию. Экспресс только что подошел к перрону и остановился — путь ему был прегражден красным светом. Соответственно Любань уже держала «Стрелу». А со стороны Москвы Малая Вишера остановила первый товарный состав. Приказ Ковальчука действовал — движение остановилось по всей магистрали. Бригада машинистов электровоза с тревожным недоумением ожидала ответа начальника станции: задержка экспресса в Чудове могла быть вызвана лишь серьезными причинами.

Саша прошел к себе в кабинет и снял трубку прямой связи:

— Дежурный? Это Чудово, говорит Ковальчук. Я открываю движение по всему участку... Да, под свою ответственность. Расчеты показали следующее...

В трубке потрескивало. На магнитофонную ленту ложилась запись его доклада.

И вот зажегся зеленый свет и задержанный экспресс отошел от станции Чудово по направлению к Москве, навстречу накренившейся опоре и провисшему проводу. Несмотря на тщательную проверку расчетов, Саша минут сорок, пока Малая Вишера не приняла экспресс, сидел у пульта, зажмурив глаза, как бы ожидая удара судьбы. Он знал, что расчет точен, но все же... А рядом, опустив голову, сидел Мистров. В интегралах он был не силен, но в людях разбирался. И знал, что раз уж Саша сосчитал — ошибки быть не может.

К двум часам ночи рабочие установили растяжки. Мистров положил руку на плечо Ковальчука и сказал:

— Ну, пойдем.

— Куда? — удивился Саша.

— Ко мне. Бери свою Антонину, посидим. Надо снять нервное напряжение. Ведь все равно не заснем.

— А не поздно?

— Что делать, другого времени нет...

И они пошли по темным улицам Чудова.

Я ОЧЕНЬ люблю бывать в Новгороде. В самом даже воздухе его чудится что-то торжественное, древнее. Волхов. Ильмень. Юрьев монастырь. Прекрасно, прекрасно... И новый Новгород хорош. Окраину города совсем не отличишь от ленинградских окраин, да, пожалуй, и от московских. А новгородцы — люди приветливые. Спросите что-то, и тотчас расскажут и покажут, как проехать или пройти.

А вот если вы войдете в железнодорожный вокзал, да подниметесь на второй этаж, да отворите дверь с соседней надписью, то и увидите Александра Алексеевича Ковальчука собственной персоной. Ему уже 38 или еще 38... В Новгороде он главный железнодорожный начальник. 300 человек штата. Заместители. Секретарша. И даже персональная машина в наличии — старенькая «Волга». Движение здесь сравнительно небольшое, не то что чудовский полигон. Когда его назначали сюда, так и сказали: «Ну, 12 лет вы отмучились на тяжелом участке. Теперь дадим работу поспокойнее». Должность, и верно, спокойная и почетная, но Саша Ковальчук остался самим собой. Принял дела и на себя взял самый тяжкий участок — распределение вагонов промышленным предприятиям города. И сразу затрещали все пять телефонов. «Вагонов!» — взывали начальники снабжения и сбыта: «Вагонов!» — настаивали директора: «Вагонов!» — требовали вышестоящие инстанции. А как узнали, что новый начальник станции слов на ветер не бросает, если сказал — сделает, напор еще больше усилился. И теперь уже беспокойное Чудово кажется ему сущим раем...

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ТОВАРЫ: НУЖЕН НОВЫЙ ПОДХОД!

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ПЯТИЛЕТКА: проблемы, суждения

невозможно. И, осмелюсь сказать, промышленность не очень-то в том виновата.

Самые шустрые производственники, прослышав о новинке, принялись мастерить образец еще ранней весной. Возились с месяц. Образец и цену на него надобно утвердить: в главке республиканского министерства, в самом министерстве, в республиканском и Общесоюзном домах моделей, в главке Минлегпрома СССР и, наконец, в Государственном комитете цен. Меньше, чем месяца за три, не управишься... Месяц-другой потребовался на организацию производства и «выбивание» материалов. Итого полгода!

А кто даст гарантию, что в новом сезоне на смену «платформе» не явится какие-нибудь «перроны», «самосвалы», «экскаваторы» или еще что-либо столь же завлекательное? Кажется, совсем недавно дамы наши щеголяли на эфемерных каблуках «шпилька». Сегодня арьергардные партии «шпилек» идут в магазинах по три рубля за пару...

Однако будем оптимистами, предположим, что мода на «платформы» продержится хотя бы года три-четыре. В этом случае в выигрыше будут те, кто... не спешил, кто стал готовить образец только теперь. А вот шустрым придется туго. «Платформы» требуют материала чуть больше, чем обычные модели, трудоемкость их тоже повыше. Значит, из выделенного сырья будет сделано меньше пар, чем планировалось. Покупатель получит нужную ему обувь, в бюджет поступит значительная сумма, инициативным же директорам придется искать оправдания, почему не выполнен план, который составлялся, когда о злополучных «платформах» никто не помышлял.

Недавно Министерство легкой промышленности СССР выступило с предложением не планировать фабрикам ни групповой ассортимент, ни общее количество обуви, — пусть основными показателями станут объем реализации в оптовых и розничных ценах и сумма прибыли, а все остальное — чего и сколько выпускать — решат сами предприятия вместе с представителями торговли.

У нового предложения сразу же нашлись противники. Доводы их примерно таковы. Во-первых, трудно будет наладить учет, сколько и какой обуви выпущено. Во-вторых, и это главное, предприятия начнут гнать в основном дорогостоящую продукцию, дешевая же исчезнет. Поневоле призадумаешься. Без скрупулезного подсчета выпущенных пар тапочек мы, пожалуй, как-нибудь обойдемся, но вот если самих тапочек не станет... Впрочем, их ведь и сейчас негусто...

Сторонники же минлегпромовского предложения утверждают, что отмена количественных показателей снимет с предприятий излишнюю опеку, развяжет инициативу, повысит ответственность производственников. Тогда не придется шить сапоги из него попало и цепляться за привычный ассортимент, пополняя и без того немалые запасы неходовых товаров. Обувщики будут делать вовсе не то, что им вздумается, а что закажет торговля.

Выходит, решение проблемы во многом будет зависеть от того, как сложатся отношения между промышленностью и торговлей...

ЯРМАРКИ ТЩЕСЛАВИЯ!

В прошлом году Донецкое объединение выпустило партию женских сапожек. Вся она по каким-то причинам не разошлась, осталась примерно тысяча пар. На счастье, появляются представители торговли из Краснодара. Умоляют: отдайте нам сапожки, деньги хоть сейчас переведем. А как отдать, ведь попадет! Краснодарцы «прикреплены» к другому поставщику, фондов на такую обувь у них нет. И потом за пределы республики товар продавать не дозволено — продашь, а на следующий год Украине на ту же сумму «подрежут» фонды... Только вмешательство высоких инстанций позволило совершить эту безобидную — и добавим: целесообразную! — торговую сделку.

Интересная это штука, фонды. И очень удобная: один раз распределил, дальше думать не надо.

Удобны фонды и для нерадивых производственников. Наша обувь неходовая? Возможно. Но вы ее все-таки возьмете, уважаемые работники оптовой базы, фонды вам спущены, извольте выбирать в соответствии.

— Позвольте, — возразят мне знающие люди, — фонды фондами, но ведь у нас и ярмарки устраиваются!

А как же, у всех нынче ярмарки, и у обувщиков тоже...

Н. Новиков в корреспонденции «Неходовой ботинок» уже рассказывал, как просто подчас нарушаются соглашения, достигнутые на ярмарках. Но и сейчас о другом.

Судя по толковому словарю, ярмарка — это торг, на который собираются для закупки и продажи товаров. Судя же по некоторым официальным документам, под этим словом подразумевается нечто совсем иное. Недавно два союзных министра — торговли и легкой промышленности — направили в республики и области письмо с уведомлением, что тогда-то и там-то проводится очередная оптовая ярмарка обуви. Цель — уточнить план товарооборота и межреспубликанских поставок. За три месяца до означенного события обувщикам предлагалось представить планы в укрупненном ассортименте.

Выходит, что же? На ярмарке ничего покупать, продавать и заказывать не будут? Производственные планы утверждены, ассортимент определен, остается лишь кое-что «уточнить»...

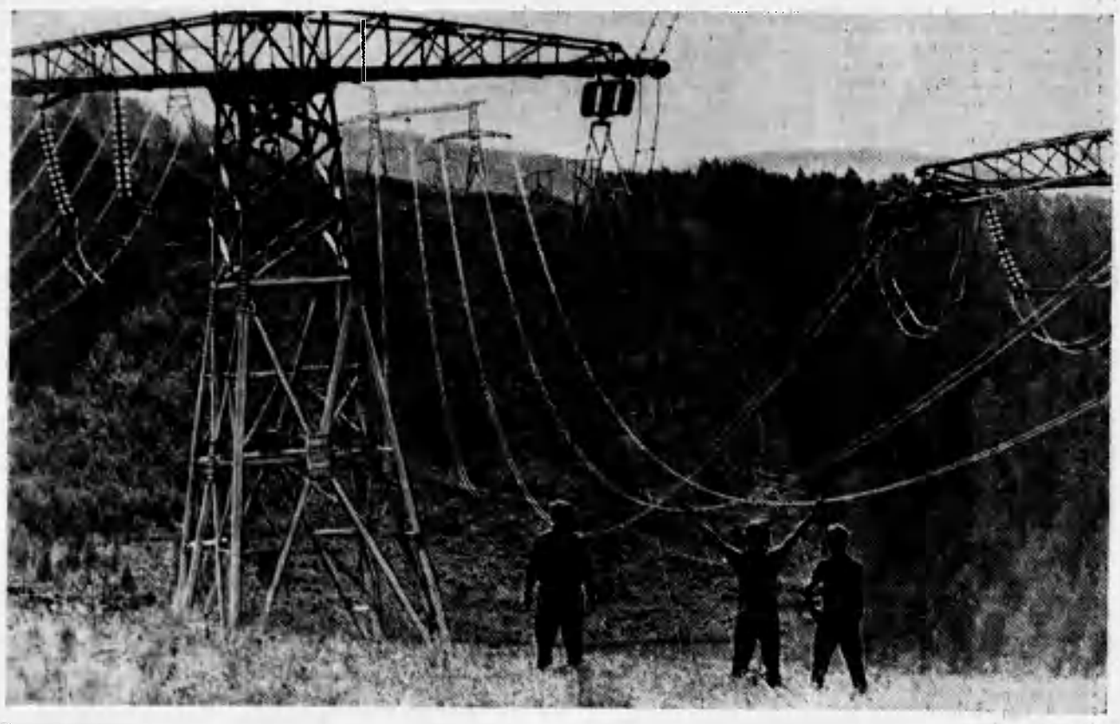
Вот и поди разберись, кто командует обувным парадом. То ли торговля выходит к обувщикам со своими требованиями, то ли обувщики ставят торговлю — и нас, покупателей! — перед свершившимся фактом.

Исполняющая обязанности начальника отдела обуви ленинградского универмага «Гостиный двор» З. Чекатько призналась мне вполне откровенно:

— Зачем ехать на ярмарку? «Скороход» — наш главный поставщик, и ни у кого другого мы все равно купить не имеем права.

Многие из тех, с кем довелось беседовать, утверждают, что отмена устаревших ограничений, пересмотр статуса оптовых ярмарок повысят ответственность и производственников, и работников торговли за выполнение обязательств, взятых по договорам. Это в свою очередь заставит полнее, тщательнее изучать покупательский спрос. Программой действий обувщиков станет набор заказов торговли. Не единый свод, утвержденный по всем статьям «сверху», а именно набор заказов, который можно обновить, дополнить в ходе выполнения. И тогда неважно, где, в каком районе обширной нашей страны обувщики и работники торговли первыми уловят дуновения новой моды или даже прихоть каких-то групп покупателей. В Москве вон сейчас идет настоящая охота за туфлями ереванских фабрик...

Так или иначе, гибкие формы планирования основательно подорвут корни этой довольно-таки странной практики — выпускать товары, не пользующиеся спросом населения. Практики, которая в недавнем постановлении ЦК партии точно и недвусмысленно названа порочной.

Почерк Сибири

Фото М. СКУРИХИНОЙ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ШТРАФ ВЗЫСКАН. А ДАЛЬШЕ?..

В СТАТЬЕ Вл. Монастырева «После штрафа» («ЛГ», № 30, 1973) упоминалось, как за уничтожение массива леса с комбината «Новоросцемент» было взыскано триста тысяч рублей. Мы тоже знаем немало фактов этого рода, ведь органы лесного хозяйства Иркутской области ежегодно налагают более трех миллионов рублей штрафа за ущерб, причиненный лесу. А что дальше?

Логично было бы предположить, что полученные в форме штрафов средства используются именно там, где нанесен ущерб, и непосредственно для ликвидации его последствий. А на деле?

Все взысканные с нарушителей средства зачисляются в местный или союзный бюджет, становятся обезличенными, могут с равным успехом расходоваться на асфальтирование дорог, ремонт водопроводов или устройство рекламы.

Хотелось бы сказать, что из-за подобных порядков получается на практике.

Усольский лесхоз, что в окрестностях города Усолье-Сибирское, наложил на химкомбинат 49 тысяч рублей штрафа за вред, нанесенный промышленными стоками. А на плановые лесовосстановительные работы лесхоз получил всего 15,3 тысячи рублей! Разница большая!

Другой пример. Два года назад в Катангском лесхозе (это тоже наша Иркутская область) по вине одной экспедиции возник пожар, в котором сгорел лес на 3,5 миллиона рублей. Однако судебно-следственные органы и арбитраж сочли нужным взыскать с экспедиции только 288 тысяч рублей. Сказано — сделано. Но спрашивается: на какие же средства Катангский лесхоз будет восстанавливать лес?

Бывает так, что штрафы, хотя бы и «неполноценные», вообще трудно получить. Например, из-за «дыхания» Братского алюминиевого завода в его районе погибли хвойные древостои на площади более 10 гектаров, ущерб исчисляется суммой в 5,5 миллиона рублей, но вот уже три года, как Вихоревский лесокомбинат не может получить ни копейки.

По нашему глубокому убеждению, пора задуматься над порядком использования средств, компенсирующих ущерб, нанесенный природе. Думается, конкретный урон должен восполняться действительно не только в деньгах, но и в натуре. Пусть предприятия или учреждения, организации, навредившие тому же лесу, за свой счет проводят все работы по его восстановлению либо же оплачивают соответствующие расходы местных специальных организаций. В таком случае эти последние организации — в наших примерах лесхозы — следовало бы обязать в течение определенного срока развернуть и завершить все необходимые работы, достаточные для ликвидации последствий вреда, нанесенного природе. При этом нам кажется, что примерно десять процентов средств должно отчисляться в фонд лесхозов, с тем чтобы они могли организовать премирование работников за бдительную охрану леса и проведение лесозащитных мероприятий. До сих пор, надо сказать, работники лесоохраны не получают никакого вознаграждения за выявление самовольных порубок и других нарушений, хотя борьба с расхищением леса — дело нелегкое, а зачастую и опасное.

Думается, следовало бы постараться сделать так, чтобы «обезличенные» ныне штрафы задевали моральные и материальные интересы руководителей предприятий-нарушителей.

Н. КРАСНЫЙ,
кандидат сельскохозяйственных наук;

В. КУСТОВ,
руководитель спецпоста Комитета народного контроля СССР

Два миллиона шагов по улицам и площадям Варшавы. Главный автотрек на Варшавском шоссе.

Фото Л. НИСНЕВИЧА

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

НА ПЕРВУЮ свою получку Сергей Александрович Осипов купил джинсы. Свет не видал таких штанов! Синие, от колена клешем, на кармане пантера. Он караулил их в магазине целую неделю.

Собственно говоря, за две недели до его первой получки никто Сережку не называл полным именем-отчеством. Да и сейчас не звал. Единственный раз возвеличила его так районная контора «Союзпечати», зачислив на временную работу киоскером согласно приказу № 1924/06-К, а приказ тот упрятали в папку с заглавием «Кадры».

Два полных месяца — почти все каникулы — провел Сережка в стеклянной будке, торгуя печатной продукцией. За это и заплатили Сереже столько, что он купил маме голубую в цветах косынку, а себе джинсы. И оставил про запас абсолютно точно подсчитанное количество не только десяток, пятерок, рублей, но и копеек. Подросток, знавший тригонометрию, задним числом понял давнишнюю, пройденную арифметику: понял, чего стоят деньги и как медленно копейки обрастают и становятся рублем.

Родители? Интеллигентные родители пришли, конечно, в ужас. Весь город мог в стеклянной клетке видеть их торгующего сына!..

Мы не заметили, как и у нас, буквально в последние годы, родилось нечто совершенно особенное в отношении к грубому физическому труду. Этим мы обязаны студентам, летним студенческим отрядам, или, как пишут газеты, которые любят красивые выражения, третьему семестру. Наши студенты вообще никогда не гнушались черной работы. Почти инженеры, почти учителя, они никогда не стыдились осенью ходить разгружать вагоны, полные урожая, который надо мгновенно успеть принять, и за это хорошо, очень хорошо платили. Не знаю почему, но такого стыда не должно было появляться только по осени. А видели ли вы когда-нибудь студента, который после занятий часок разгружал бы не картошку — бутылки с кефиром?

Наверное, мы это скоро увидим! Участники студенческих отрядов просто форсят своими зелеными форменками, на которых они пишут и рисуют черт те что. Часто заграничными буквами. Да с какой иронией! По всей спине, от лопатки до лопатки: «Ivanowka». Наверное, в какой-то Ивановке строили коровник. И, появляясь потом в метро, простительно хвастаются своим нарядом, своим трудом...

Парни и девчонки забираются на Курилы, в Сургут, едут в ближние городки и села, не чураются никакого труда, едут весело, трудятся много и приезжают с песнями — и привозят порядочно денег. Первокурсник-белоручка из семьи, которая принимала в июле сердечные капли, когда мальчик уезжал в куртке с печатными буквами на спине, вернулся этаким серьезным мужчиной, с бородкой и — аккредитивом: 400 — четыреста юными! Если пьянствуют, такие деньги не привозят. Он и не пьянствовал. Купил электрогитару. Остальные отдал матери.

Мне показывали вполне добропорядочных студентов, с виду даже изысканных снобов, которые приоделись, мотаясь обыкновенными проводниками дальних поездов. Студенты берутся за любое дело. Честь им и хвала. Как бы то ни было, все-таки равняются на парня или девчонку, которые пробились в институт и вот-вот станут важными людьми и в то же время работать умеют.

Откуда взялось представление о том, что взрослых детей деньги портят? Портят чужие, незаработанные деньги. Свои, кровно добытые делают лучше.

Нынешним летом во всей Паланге газетами, пирожками, мороженым торговали даже не студенты — просто девочки и мальчики. О, поверьте, никаких растрат не было! И ни на копейку обсчета. Все так просто: мороженое — тринадцать копеек, пломбир — пятнадцать. За взвешивание на уличных весах, кажется, три копейки.

Создалось представление, что местные маленькие паланцы просто гордятся своим летним занятием, когда на три месяца приезжает народу отдыхать столько, что приходится приглашать поваров даже из Каунаса, Паневежиса, Шяуляя. Приглашать еще «взвешивателей на медицинских весах», мороженщиц, продавцов газет?

Очень хорошо бы точно узнать, куда израсходовали девчонки и мальчишки свои две-три летние сотни? Проводить социологическое исследование? И все-таки с двумя юными продавцами я в мизерных масштабах нечто подобное провел.

Каждый день я покупал у одного худенького мальчишки газеты. Некоторое он знал, что мне нужно, а когда я опаздывал, мой сверток все равно дожидался меня. Перед отъездом мы стали чуть ли не друзьями, и на мой вопрос, куда он денет заработок, он ответил: «Два лета — и будет собственный сакс (саксофон). Может быть, три лета. Да и родителям хочу помочь...»

А девчонка, которая взвешивала прохожих возле пляжа и карандашом писала полученный результат точно до граммов, рассказала о своей работе очень детально. Взвешиваются чаще «среднетолстые» и очень худые, молодые мужчины чаще... Триста человек в день. Конечно, выручку сдает в контору. Но у нее зарплата. Что купит? Очень хорошее платьице, висит в новом универмаге. Видели — кримпленовое с беленьким воротничком и строчка синенькая? Каждый день заходит — еще висит.

Как же будет она беречь это свое синенькое с беленьким платьице, а парень — саксофон: они добыты трудом, и не будет у них вещи дороже!

Но может быть, школьники-продавцы нужны только там, где сезонный прилив? О, он везде. Если не по календарю, то по часам. В каждом средней величины городе три четверти товаров продается после пяти. Тогда в продовольственных магазинах на час-два собираются очереди — люди идут с работы, вот туда бы тысячи продавцов на час — продавать кефир, принимать бутылки. Такие роскошные «Союзпечатьевские» терема из бронированного стекла стоят пустые чуть ли не после двенадцати. Во многих городах, где стали выпускать «Вечерние», долгое время не принимали подписку на выходящую в конце дня газету только из-за того, что некому разносить. На Ярославском вокзале в Москве пункт междугородной телефонной станции, из которого можно позвонить от Тулы чуть ли не до Тувы, самому вращая диск, час в день бездействовал. Все выведали, двери запирали — на совсем уж молодая смотрительница автоматов шла обедать. И в самом деле, зачем в таком возрасте питаться всухомятку! Не знаю определенно, сколько стоил назад этот час полноценного обеда, по моим подсчетам — рублей пятьсот в месяц. Вот бы пригласить школьницу из восьмого класса, дать ей тысячу пятилтынных — пусть меняет. А после возвращения отобедавшей старушки дать девочке за разменный час рубль. Ведь пропадает-то в сто раз больше! Из-за того, что кто-то не поговорил то ли с Тулой, то ли с Тувой.

Девочки и мальчики на час, юноши, девушки — на два нужны буквально всюду. Праздничную почту и телеграммы они уже разносят, но их недостает магазинам, мастерским, приемным пунктам, киоскам. Пусть даже торгуют спичками в стеклянных теремах «Союзпечати»: они их не сожгут, юные продавцы, на собственные деньги даже не закурят — лучше ли, что эти терема стоят день-деньской пустые?

Не пугайтесь, не ругайтесь: у девчонок и мальчишек свои потребности, которых нам, взрослым, не понять. Не нужен мне переносной магнитофон, который можно запустить в автобусе, не нужен пояс с бляхой, кроваво-красные носки, «лапша», саксофон, не нужны взрослым женщинам юбочки из псевдокожи цвета взбесившейся лососины, а девчонкам-подросткам нужны. До зареву, до искренних слез, до мечты. Так пусть сами учатся претворять мечту в реальность. Пусть узнают цену деньгам, цену труду — пусть воспитываются сами и начинают помогать другим. Обществу это только выгодно!

А. РУБИНОВ

КАРМАННЫЕ ДЕНЬГИ

Больше года назад было опубликовано в «Литературной газете» письмо читателя Г. Стефанского об участии подростков в общественно полезном труде. Педагог, комментировавший это письмо, говорил о существовании двух точек зрения на проблему: одни за то, чтобы старшеклассники уже в школьные годы приучались понемногу сами зарабатывать, другие считают, что это может привести к отрицательным последствиям, нанести ущерб воспитанию. Автор публикуемой ниже статьи, размышляя над некоторыми новыми фактами, вновь возвращается к этой проблеме.

МОНОЛОГ АВТОЛЮБИТЕЛЯ

РАБОЧИЙ ДЕНЬ ВО ВРЕМЯ КАНИКУЛ

Наталия ИЛЬИНА

МЫ СТРОИМ ГАРАЖ

ФЕЛЬЕТОН

Кто они, покупатели автомашины? На этот вопрос попытался ответить отдел потребительских оценок Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению спроса населения на товары потребления и конъюнктуры торговли (ВНИИКСа). Изучение показало, что самый большой удельный вес среди горожан, записавшихся в очередь (31 процент), занимают рабочие промышленности, строительства и транспорта. Плюс к тому 8 процентов падает на шоферов-профессионалов, которые составляют особую, специфическую группу автолюбителей. Как показывают исследования, доля рабочих среди покупателей постоянно увеличивается. Ну, а как распределяется остальная часть очереди? Каждый пятый в ней — инженерно-технический работники, около девяти процентов — руководящие работники промышленности, строительства, транспорта, четыре процента — учителя, врачи, столько же — научные работники. Остальные служащие составляют несколько более десяти процентов. Доли других групп незначительны.

Как видим, автомобиль становится «членом семьи» все более широкого круга советских людей. Это с одной стороны. С другой — выпуск автомашин с каждым годом возрастает. Где хранить дорогую покупку? Проблема становится все более острой. Пока и гаражей, и стоянок для личных автомашин мало, строятся они медленно, поскольку не осуществляется централизованное плановое руководство сооружением этих объектов.

Не случайно в принятом недавно постановлении Верховного Совета Российской Федерации Министерству автомобильного транспорта совместно с Министерством жилищно-коммунального хозяйства РСФСР, а также Советам Министров автономных республик, исполнительным комитетам краевых и областных Советов депутатов трудящихся поручено «рассмотреть вопрос о расширении количества платных стоянок и гаражей для транспорта личного пользования».

Какие гаражи выгоднее городу — подземные или многоэтажные, под домами или рядом с ними, — тоже не известно. Известно одно: ориентироваться надо именно на гаражи, ибо открытые стоянки требуют затраты земли, которая должна идти на более важные нужды. Но городскому управлению капитального строительства известно другое: ориентироваться надо исключительно на открытые стоянки, ибо гаражи требуют затрат рабочей силы и техники, которые должны идти на более важные нужды. Одному учреждению, значит, кажется: гаражи. Другому кажется: стоянки. Расхождение во взглядах? Ничего подобного: единомыслие. Оба учреждения единодушно смотрят на проблему гаражей и стоянок как на проблему глубоко несерьезную. Поэтому-то проблемой никто научно не занимался. Недосуг заниматься серьезными подсчетами, касающимися таких несерьезных вопросов, как вопросы автомобильные... Понятно.

Но тогда... Но тогда не понятно: куда девать автомобили, которые на экране, на моих глазах, все шли, все шли с конвейера? Куда вы их? Стойте! Пусть сначала подсчитают, пусть выяснят, пусть отнесутся, наконец, серьезно ко всем автомобильным проблемам! А до тех пор: остановите конвейер!»

Дали свет. Марья Алексеевна что-то говорила детям. Донеслись слова «...чувство законной гордости». Это она про завод. Очень верно. Испытываешь гордость. Впрочем... Ведь автомобили! От них окись углерода и продукты неполного сгорания бензина. Как это вяжется в голове Марьи Алексеевны?

Недавно я с ней побеседовал. Кротко попросил прощения за то, что врал насчет детского садика. Добавил, что мы, автомобилисты, вынуждены не всегда поступать в соответствии с требованиями морали... «Как нам иначе прожить, дорогая Марья Алексеевна?» Она ответила так, как я ожидал: «Не покупайте автомобиль!» «А завод?» — сказал я. — А Волжский автомобильный? Который внушает чувство законной гордости?» Она холодно: «При чем тут завод?» «Но куда ему девать его продукцию, если ее не станут покупать?» Марья Алексеевна воскликнула «Прекратите демагогию!» — и удалилась.

Я все понял. Она не улавливает связи между производителем и потребителем: такое встречается. Для нее автомобили, мерцающие на экране, — это одно, а наши серенькие, синенькие, белые и прочих цветов «Жигули», стоящие во дворе, — совсем другое. Те надо принетистовать. С этими — бороться. Покажи Марье Алексеевне стройку гаража на экране — она будет аплодировать. А покажи в жизни...

И все же я убежден: близится время, когда гаражи и стоянки начнут широко строить, независимо от того, что будет говорить достопочтенная Марья Алексеевна.

Потом родителям стало совестно. Без всяких их стараний, вопреки им, за два летних месяца сын стал скупым. Нет, не жадным, не скаредным — это отвратительные свойства. Просто Сергей Александрович стал человеком, который знает, откуда у честного человека берутся деньги: он перестал их клянчить ради транзистора, ради переносного магнитофона. Эту маленькую назидательную новеллу я рассказал единственно ради того, чтобы утвердить пользу подросткового, юношеского школьного труда.

Труда за трудовые деньги.

Как же это у нас так получилось, что стало зазорным торговать, подавать, прислуживать? Естественная реакция на лакейство, которое уникает обе стороны, незаметно сменилась устойчивым, напрасным презрением ко всякому другому физическому труду, если это не прославленный заводской труд, если это не геройский строительный и крестьянский труд. А почему зазорно юноше торговать, скажем, спичками? (Как их теперь порой трудно купить — оттого что стоят они грош, а мороки с ними миллион!) Вы видели где-либо хорошенькую образованную школьницу - старшеклассницу, которая нанялась бы на короткие зимние каникулы полоскать в горячей воде жирную столовскую посуду? Да она за десять дней купила бы себе туфельки — загляденье!

Заместитель министра внешней торговли СССР Николай Николаевич Смелянов в своей известной книге «Деловая Америка», которая вышла у нас по меньшей мере двумя изданиями, рассказывает о том, как популярны приработки среди американских студентов и школьников. Если мне не изменяет память, он говорит о том, что видел посудомойной в ресторане дочку посла Тейлора. Не думаю, чтобы бездельный папаша морил свое дитя голодом. Нет никакого сомнения, что папа-дипломат позволил посудомоечное хобби своей дочке не от великой нужды — он в крайнем случае продал бы свои золотые запонки; дочь приучалась к самостоятельности, к добыванию денег. Скажут, капитализм с детских лет приучает к предприимчивости. Но деньги, которые заработала дипломатская дочь, не пахнут ничем, кроме как мыльным раствором, в котором полощут посуду.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«КОНСУЛЬТАЦИЯ С ПРИВОДОМ»

В «Литературной газете» (№ 37, 1973) было опубликовано письмо В. Долгинцева «Консультация с приводом». Изложенный в нем факт подтвердился. При проверке выяснилось, что В. Долгинцева действительно вызвали в суд повесткой, но это было сделано в отсутствие народного судьи В. Воронова (он находился в отпуске). Повестку направила секретарь суда С. Самойлова по своей инициативе.

Корреспонденция обсуждена в отделе юстиции. Работнику отдела В. Лопареву, которому было поручено ответить на письмо В. Долгинцева, за задержку ответа — указано. Обращено внимание народного судьи В. Воронова на неправильные действия С. Самойловой, поставившей вместо приглашения на консультацию судебную повестку.

Всем народным судам области указано на необходимость улучшения работы канцелярий судов по обслуживанию граждан.

Вместе с тем не все в корреспонденции соответствует действительности.

Утверждение В. Долгинцева о том, что в гор. Степняне нет литературы о выборах народных судов, является неверным. В городском библиотеке есть постоянный стенд «Закон для всех и каждого», где выставлена юридическая литература.

Ошибочной является консультация, данная в примечании «От редакции» о том, что председатель народного суда назначается отделом юстиции исполкома районного (городского) Совета депутатов трудящихся. Дело в том, что при исполкомах районных Советов отделов юстиции попросту нет.

М. ГРИЦАЕВ,
и. о. начальника отдела юстиции Кончеевского облисполкома

ОТ РЕДАКЦИИ. В комментарии к письму В. Долгинцева действительно была допущена неточность. На это также обратили внимание в своих письмах в редакцию Д. Чурсин из Волгограда и горьковчанин Г. Гетман. В действующем ныне Законе о судоустройстве Казахской ССР сказано: «В районе (городе), где избрано несколько народных судей, районный (городской) Совет депутатов трудящихся по представлению начальника отдела юстиции исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся утверждает председателя районного (городского) народного суда из числа избранных народных судей».

Аркадий ВАКСБЕРГ

Судебный очерк

У КРУТОГО ОБРЫВА

Необычность, уникальность отдельных преступлений, естественно, привлекает к ним особое внимание общественности. Читателям «ЛГ» памятен очерк О. Чайковской «Это было в Ростове», рассказавший о самоотверженных действиях милиции и граждан по задержанию необычайно дерзких преступников. Если в очерке О. Чайковской речь шла об усилиях общества по раскрытию преступления, то сегодня наше внимание сосредоточено на другой, не менее важной стороне: глубоком исследовании и познании причин, которые порождают особо опасные правонарушения. Это необходимо, чтобы борьба с преступностью велась еще успешнее и эффективнее. На этой странице писатель, юрист и психолог исследуют обстоятельства редчайшего судебного дела.

Это, впрочем, не очерк. Не статья. Не заметки. А отчет. В меру подробный, по необходимости краткий, почти протокольный отчет об одном дне. Пятнице, 13 апреля 1973 года. Именно тогда в поселке Челябинского кузнечно-прессового завода случилось несчастье. Точнее — вечером этого дня.

Но нам непременно надо вернуться к утру и последовать за нашим «героем», иначе мы вряд ли поймем то, что произошло ближе к ночи.

Итак, утром 13 апреля 1973 года учащийся производственно-технического училища № 76 Владимир Слугин, которому через десять дней исполнялось 16 лет, решил, как обычно, в училище не идти, тем более, что день начинался веселый, солнечный начинался день и это, понятно, нужно было отметить.

Одному отмечать не хотелось, но на улице, только он вышел, повстречался Брызгалов — не находка, конечно, и все-таки свой, на счету у него и кража, и драки. За решетку попасть не успел по юности лет, впрочем, это уже мой комментарий, Слугин о решетке не думал.

Слугин ничего не сказал, он вообще говорить не любил, схватил Брызгалова за шиворот, тот покорно остановился, а тут как раз показался Разинкин («несколько мелких краж» — записано на его карточке в детской комнате милиции), пристроился тоже, так они втроем и направились в город.

Зашли для начала в пельменную, отметили (девять кружек пива — всего ничего), шататься по городу расхотелось — толчея, машины, милиционеры опять же,— вернулись в поселок. Друзья отвалились, ушли опять, а Слугин купил четыре бутылки вина («Южное» называется), все четыре выпил сам. На ногах держался крепко, он вообще пьянел трудно. («По какому поводу вы пили?» — спросит его впоследствии прокурор. «От нечего делать»,— ответит Слугин.)

До дому добрался под вечер, мать уже вернулась с работы. «Где, сынок, напился?» — ласково спросила она. В последние дни он изрядно ее колотил, нагнал страху и вот снова пришел пьяным, опять, чего доброго, руки распустит. Но он не распустил, ответил совсем добродушно: «Разве мало друзей?»

Включил проигрыватель, стал слушать пластинки. Было у него несколько любимых пластинок, особенно одна — «Песня индейца» Джона Лаудермилка, — ее он сразу поставил, потом еще раз, еще и еще, выстукивая ложками в такт по столу. Стучать — это вообще его хобби: в клубном оркестре он играл иногда на ударных, если не был, конечно, пьян.

Лениво переложил с подоконника на стол и обратно на подоконник несколько растрепанных книжек. Читать он был не горазд, но изредка все-таки доводилось. Потом, во время суда, когда личность его оказалась в центре внимания, Слугина спросили, запомнил ли он хоть одну из прочитанных книжек. Оказалось — запомнил: «Охотники на мамонтов». — «Это о чем же?» — «Про то, как индейцы мамонтов били». — «Так ведь не было уже мамонтов, когда появились индейцы». — «Все равно интересно: мамонт большой, а индейцы маленькие. Но они его убивают, а не он их».

Кошка жалобно мяукала у двери, просилась на двор. Мать пнула кошку ногой, ругнулась. «Ну что ты, мама?» — укоризненно сказал Слугин. — У нее ж языка нет, раз мяучит, значит, ей надо...»

Он зевнул, посмотрел на часы: скоро восемь. Уже стемнело, но спать еще не хотелось. Походил из угла в угол по комнате, покрутил рычажок телевизора, вышел на улицу. На скамеечке сидел отец, бубнил себе что-то под нос. Это с ним часто бывало: напьется, разбушуется, начнет командовать: «Смирно! Вольно! Живи довольно», — а кругом смеются. «Это у нас вроде бы поселковый клоун», — сказал потом журналисту участковый инспектор милиции В. Николаев. А сестра Владимира Слугина, Людмила, добавила: «Всю жизнь отец оскорблял и унижал мою мать. Помню, стаскивал ее за волосы с печки и бил, бил. У нее вся голова в шрамах. И за нами, дочерьми, тоже гонялся». Чтобы «семейная картина» была ясна окончательно, скажу еще, что и мать слишком знакома милиции («появление в пьяном виде на улице, угрозы, нецензурная брань» — написано против ее имени в журнале дежурств оперативного отряда дружины ЧКПЗ).

Так вот, Владимир вышел на улицу, увидел бормочущего отца, схватил щвабру и ударил его по голове. Тот закричал. Собралась толпа. Мать выбежала на крик, стала разнимать. Владимир разбил камнем оконное стекло, взял нож и ушел.

Мать побежала в штаб дружины, но милиционера на месте не оказалось. Дежурил дружинник Иван Макарович Бульбаков. Безучастным не остался, пошел к Слугиным домой. Владимир, укрывшись за углом соседней постройки, увидел дружинника. «Ну, заделаю я этому Бульбакову,— сказал он громко вослед.— Наплачется он у меня». Рядом стояли женщины, услышали угрозу, но промолчали: весь поселок знал, что с Владимиром связываться не стоит.

В книге дежурств за 13 апреля записи о заявлении Слугиной не оказалось. Есть другая запись: «Дежурство прошло спокойно». И подпись: Бульбаков. Если бы он знал тогда, Бульбаков, чем окажется для него «спокойное» это дежурство!..

Тем временем Владимир Слугин бродил по улицам поселка, решительно не зная, чем бы себя занять. В руке, засунутой в карман, был нож и требовал действий. А действовал Слугин вот как.

29 октября 1972 года. Вместе с приятелями участвовал в краже.

30 октября. Снят с поезда дальнего следования без билета, в кармане обнаружен нож. Поставлен на учет детской комнаты милиции.

30 ноября. «Оперативным отрядом задержаны подростки Слугин В., Кузнецов В., Разинкин Б., которые хулиганили, избили мальчика. С подростками проведена беседа о недостойном поведении, после чего они отпущены домой» (из записи в журнале дежурств).

8 декабря. Слугин, рассердившись за что-то на преподавателя, бросил в него стул, потом — тяжелую вешалку. Колотил мебель, бранился. Был пьян. Хулигана пришлось связать. Позвонили в милицию и вытрезвитель, там ответили, что «подростков не берут».

25 декабря. Взломал чужой сарай, украл барана.

В связи с амнистией уголовное дело о краже производством прекращено.

6 февраля 1973 года. Затеял драку в школе № 108. Разбил оконные стекла.

21 марта. Задержан в состоянии опьянения, хулиганил. «Проведена беседа, после чего отпущен» (из записи в журнале детской комнаты милиции).

23 марта. Пришел «в гости» к своей знакомой, но ее отец предложил пьяному Слугину уйти. Слугин ударил его рукояткой ножа по голове, «причинил легкие телесные повреждения, не повлекшие вреда для здоровья». Поскольку ответственность за такие действия наступает с 16 лет, дело против Слугина производством прекращено.

26 марта. Будучи пьяным, набросился на охранника завода, где проходил производственную практику. Объявлен выговор.

27 марта. Избил нескольких человек, в том числе 44-летнего слесаря Купцова. Подошел к нему и ударил в спину. «Я думал, что он шутит, повернулся, чтобы узнать, в чем дело. Слугин ударил меня в лицо, потом стал кидаться камнями» (из показаний Купцова в суде). «Зачем ты избил Купцова и других?» — спросил потом Слугина судья. «Не знаю,— ответил Слугин,— просто так...»

...В руке, повторяю, был нож, и он требовал действий.

Возле школы-интерната спортплощадки, куда Слугин вышел, бесцельно блуждая по улицам, он увидел женщину, которая пошатывалась, держа под мышкой бутылку вина. «На, отпей»,— протянула бутылку Слугину. Он отпил, потом вытащил нож и ударил ее несколько раз в спину. («Двенадцать колотых ран... повреждения тяжкие, опасные для жизни» — из заключения экспертизы.)

Женщина закричала. Слугин бросился бежать, на ходу вытирая лезвие ножа о брюки. На крыльце школы-интерната сидели несколько ребят. Он подбежал — его узнали. Его вообще в поселке все знали: местная знаменитость. Слугин снял с себя телогрейку, пиджак. «Это положи сюда, — скомандовал он, — это сюда.. Подержи-ка нож... Дай мне свой пиджак...» Ему беспрекословно подчинились, хотя какое-то время он был безоружен. «Зачем тебе нож?» — наивно спросил один из парней. «Животы вспарывать», — спокойно ответил Слугин.

Он вернулся домой, заглянул в окно, спросил: «Как отец?» «Отдыхает,— шепотом ответила мать.— Кушать хочешь?» Пошла делать ужин, то и дело оглядываясь, не стукнет ли сзади. Слугин не стукнул — просто ушел.

По дороге встретился Николай Бульбаков — паренек четырнадцати лет, сын дружинника Бульбакова, вслед которому часа два назад Слугин крикнул: «Наплачется он у меня». Настало время привести в действие свою угрозу.

«Пойдем со мной», — приказал Слугин Бульбакову. «Куда?» — «Увидишь...» Он вытащил из кармана нож, поиграл им, легонько пырнул Бульбакова в бок. Тот заплакал. «Чего ревешь?» — удивился Слугин. — Я ж пошутил».

Он повел его к спортплощадке — поглядеть, что стало с той женщиной, которая осталась на земле истекать кровью. Фонари не горели. Ощупью, цепляясь за растущие вдоль забора кусты, Слугин и Бульбаков обогнули площадку — какая-то сила неумолимо толкала их навстречу беде.

В конце забора, у края небольшого обрывчика, Слугин наткнулся на спящего мужчину. Конечно, это было не лучшее место для сна. Но из песни слова не выкинешь... Двое рабочих — Л. и П. — решили проводить в отпуск третьего. «Провожали» на пустующей спортплощадке, укрывшись в кустах, — вином под названием «Южное». Тут же, в кустах, и уснули: один — на краю обрывчика, двое — возле забора.

Сначала Слугин наткнулся на первого — это был Л. «Обыщи»,— скомандовал Слугин. Бульбаков стал шарить по карманам Л. шевельнулся. «Пни!» — раздался приказ. Пинки привели Л. в чувство. Без лишних слов Слугин пустил в ход нож. Неподалеку валялся тяжелый обломок бетона. С его помощью Слугин и Бульбаков несколькими ударами размозжили голову Л. Экспертиза обнаружила на его теле около пятидесяти ран.

С двумя другими церемонились еще меньше. От подробностей, я думаю, читателя можно избавить. Вообще-то юриста трудно удивить описанием крови, но о деталях тройного убийства на окраине Челябинска без ужаса невозможно читать...

Слугин и Бульбаков обыскали трупы, собрали трофеи: пару стоптанных туфель, разменную монету и пачку папирос. Туфли нашли потом в сарае Слугиных: они-то и позволили совершенное преступление квалифицировать как убийство из корыстных побуждений.

Но — подождите, я забегаю вперед. До квалификации еще целые сутки. Пока что друзья-приятели расходятся по домам. Бульбаков успел заскочить к знакомым — узнать, чем закончился передававшийся из Москвы хоккейный матч. «Наши выиграли», — обрадовал он мать и отца: они ждали его, попивая чаек. Поужинал, преспокойно заснул. Утром мать едва добудилась его. Пошел в школу, резвился в перемену на школьном дворе: пригожий выдался день...

Слугин тоже спал спокойно, но встал раньше. Натощак приложился к бутылочке и отправился посмотреть, как уносят на прикрытых простынями носилках его жертвы.

Я знаю, какой вопрос беспокоит читателя, и отвечу сразу. Три психиатра высокой квалификации целый месяц в больничных условиях изучали личность Слугина, его здоровье и поведение. Они собрали данные о всей его жизни, наблюдали за ним, исследовали мельчайшие нюансы его психики. И пришли к выводу, что речь идет о человеке здоровом, отдающем отчет в своих действиях, вменяемом, если пользоваться научной терминологией, а значит, несущем всю полноту ответственности за содеянное. И Бульбаков, разумеется, тоже.

Так выходит, спросите вы, это зверское убийство — оно, что же, из-за пары туфель? Из-за пачки папирос? Из-за недопитой бутылки вина, которую Слугин забрал у женщины, нанеся ей двенадцать ножевых ран? Я и сам задаю себе тот же вопрос и тщетно ищу ответа. Столь же тщетно, как и судьи.

«Бутылку вина, — сказал Слугину судья А. А. Некрасов, — ты мог бы и так отобрать, не убивая. Ведь мог бы?» «Мог». — улыбнулся Слугин, молодецки расправив плечи. «А зачем же ножом?.. Двенадцать раз...» — «Не знаю».

«Не знаю», — твердили Слугин и Бульбаков, и я думаю, это не было ложью.

Я думаю, они и правда не знали — зачем, и это куда страшнее, чем если бы знали. Ибо даже преступную логику поступков можно как-то предвидеть, а предвидя, предотвратить, но бессмысленную жестокость, одержимую злобу — как ее-то предвидеть?

«Убили безо всякой причины» (многократно повторенные показания Бульбакова). «Просто так... Убили, и все... Не могу объяснить — почему...» (показания Слугина).

Он не может, но мы-то должны. Почему аккуратный, чистенький Бульбаков («Незлобивый, откровенный, вежливый», — сказал о нем классный руководитель) способен поднять руку на человека, торопясь на трансляцию хоккейного матча? Что сделало зверем 15-летнего Слугина, который держал в страхе весь поселок — сотни взрослых людей, Слугина, который плевал на выговоры и разъяснительные беседы.

Суд вынес обоим максимально возможный для несовершеннолетних приговор — самый суровый, который закон допускает: по десять лет лишения свободы каждому. И частное определение: если бы Слугин был своевременно изолирован (для этого были законные основания), погибшие остались бы живы.

Но вопрос «зачем?» — главный вопрос в этом трагическом деле — все равно остается. Защита ходатайствовала о вызове в суд психолога, чтобы помог он раскрыть мотивы этого страшного преступления. Прокурор, однако, не согласился. «Нет тут сложных психологических моментов», — уверенно сказал он.

Неужто действительно — нет?..

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ: ГРАНИЦЫ ЗРЕЛОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

КОММЕНТАРИЙ ЮРИСТА

«БЕЗМОТИВНЫЕ» ПОСТУПКИ...

ПЕРВОЕ, что бросается в глаза при чтении очерка А. Вакс берга и изучении материалов этого редчайшего дела: вопиющее попустительство, приведшее к забвению известного принципа неотвратимости наказания. Принцип этот, как известно, состоит в том, что для профилактики преступлений и борьбы с ними главное значение имеет не столько тяжесть наказания, сколько его неотвратимость. Обеспечению этого принципа надежно служат многие нормы советского права. И когда они соблюдаются неукоснительно, органам охраны правопорядка удается предотвратить подчас тяжкие преступления.

Но случается, что этот четкий механизм дает «сбои»: вместо того чтобы немедленно принять предусмотренные законом меры, правонарушителя развращают безнаказанностью. Характерно, что хулиганские поступки, совершенные Слугиным еще до 13 апреля, ему неизменно сходили с рук: ведь нельзя же назвать наказанием выговор или «разъяснительную» беседу. Совершенно ясно, что наказание, если бы оно неотвратимо последовало еще после первых «звоночков», предотвратило бы гибель трех человек.

Но в данном деле все же нельзя ограничиться констатацией самого факта нарушения закона, равно как и констатацией непростительной мягкотелости по отношению к Слугину, равнодушия окружающих. Нас не могут не заинтересовать те невидимые внутренние пружины, которые руководили поступками подростка.

Какими бы отрицательными свойствами и привычками Слугин ни обладал, как бы ни были извращены его склонности и интересы, он, как и всякий психически здоровый человек, не мог не осознавать общественно опасного характера своих действий.

Суд нашел в действиях Слугина и Бульбакова корыстные побуждения. Но ведь сводились-то эти побуждения к начатой бутылке вина, паре ботинок, разменной монете и папиросам. И все эти «богатства» — ценой жизни трех человек и тяжких увечий четвертого!

Анализ поведения Слугина приводит к выводу, что для него стало привычкой выходить из различного рода конфликтных ситуаций во взаимоотношениях с людьми при помощи насилия.

Как же возникла у Слугина такая привычка?

Обратимся для ответа на этот вопрос к материалам уголовного дела. Из них мы узнаем о культе насилия, царившем в семье Слугиных. Отец, когда выпивал (а он алкоголем злоупотреблял), требовал от жены повиновения, часто и жестоко избивал ее. Напившись, отец выходил на улицу. Там он паясничал, кривлялся, выкрикивая шутовские команды. Отец прочно зарекомендовал себя в глазах соседей поселковым клоуном, что не могло не ранить самолюбие сына.

Обстановка в семье, естественно, не способствовала и занятиям в школе, где Слугин числился в безнадежно неуспевающих учениках. Оставив школу, он поступил в ГПТУ, учеба в котором его также не привлекала. Он и здесь был среди худших. А быть им он не хотел. Механизм «самоутверждения» начинал работать. И наиболее эффективно он срабатывал там и тогда, где и когда Слугин прибегал к физическому насилию. Ему постоянно нужны были люди, аудитория, перед которой он самоутверждался — не умом, не трудом, не успехами, а кулаком. И ему подчинялись, а это увеличивало его престиж в собственных глазах. Вот так постепенно и утверждалась эта черта в характере будущего преступника.

Можно констатировать наличие целого комплекса побуждений, толкавших Слугина на преступления.

Это только кажется, будто Слугин убивал «просто так», на самом же деле преступления, совершенные им, не лишены мотивов. Однако эти мотивы лежат не на виду, а глубоко запрятаны в отношении Слугина к окружающим людям, в содержании его собственных самооценок, в выработанных им привычках и в понимании своего места среди других людей. Причем мотивы эти неоднородны и представляют собой сложное и динамическое переплетение различных побуждений, многообразие которых отнюдь не исчерпывается тем набором, с которым привыкла иметь дело юриспруденция: месть, ревность, обида, корысть. Так же как в естествознании можно было лишь до определенного момента обходиться представлениями о молекулярном строении вещества, так и существующие традиционные представления о мотивационной стороне антисоциального поведения уже не могут удовлетворить правоведов.

Поиск подлинных мотивов, руководивших поступками правонарушителя, анализ глубинных процессов, приведших к трагедии, точность психологической и правовой квалификации действий — все это необходимо для разработки наиболее эффективных профилактических, воспитательных и карательных мер, способствующих борьбе с преступностью. Но все это, разумеется, ничуть не умаляет ни нашего гнева, ни меры вины преступников, ни необходимости строжайшего их наказания за совершенное. Лишь в сочетании этих двух сторон — сурового, справедливого наказания виновных и строго научного подхода к разработке профилактических мер — залог успешной борьбы с подобными преступлениями.

Ф. БЕРДИЧЕВСКИЙ,
кандидат юридических наук

КОММЕНТАРИЙ ПСИХОЛОГА

...И МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В ЛЮБОМ преступлении обязательно находят выражение психологические особенности преступника. Внешние условия, воздействуя на человека, преломляются через его внутренний мир, и от того, каков этот внутренний мир, в конечном счете зависит выбор линии поведения. В жизни не может быть ситуаций, делающих преступление неизбежным. Именно поэтому истоки каждого преступления следует искать не только во внешних обстоятельствах, но и в свойствах психики преступника.

Дело Слугина и Бульбакова принадлежит к числу уникальных по фабуле и сложнейших в психологическом отношении.

...Вот по улицам поселка бродит раздраженный, злобный, готовый взорваться по любому поводу полупьяный парень неполных шестнадцати лет. Бьет отца и мать, хватает за шиворот приятелей, поигрывает ножом и постоянно не прочь выпить. Таков «фасад». А что за ним?

За «фасадом», говоря коротко, — застарелая, лютая скука. Устойчивая и глубокая. Она накапливалась многие месяцы, а может быть, и годы.

Психологами установлено, что если на органы чувств человека действует малое число раздражителей, то наступает так называемый «сенсорный голод». В результате меняется психическое состояние человека: появляются беспокойство, тревога, доходящие до злобности, снижается уровень самоконтроля, повышается внутренняя напряженность.

Переживания, вызываемые «сенсорным голодом», свидетельствуют о том, что необходимо активизировать нервную систему человека. В действенном состоянии должны находиться не только органы чувств, но и личность человека в целом. В жизни человек осуществляет различные виды деятельности (игра, учение, труд или какие-то другие). Одна из них занимает центральное место, выступает в качестве ведущей. Эта деятельность организует всю психическую жизнь человека, определяет основную направленность его поведения, вызывает то действенное состояние личности, о котором мы говорили.

Когда у человека нет ведущей деятельности или она выражена вяло, у него возникают переживания, близкие по своей психологической сущности к тем, которые испытывает человек в состоянии «сенсорного голода».

Сегодня мы можем констатировать только, что поведение Слугина было беспорядочным, лишенным «стержня». Побуждения быстро возникали и так же быстро исчезали. Вряд ли Слугин планировал свои действия дальше, чем на ближайшие полчаса. Иными словами, действия Слугина не были подчинены сколько-нибудь законченной программе поведения, отсутствие программы проявлялось в излишней легкости принятия целей.

Мы подошли к исключительно сложному явлению, без анализа которого невозможно понять поведение Слугина, — я имею в виду процесс выбора целей.

Ф. Бердичевский справедливо обращает внимание на важность вопроса о мотивах поведения Слугина. Он считает, что особое место среди них занимало стремление к самоутверждению. Предположим, что так оно и было. Объясняет ли это, почему Слугин совершил убийства? По-моему, нет. Особенность человеческого поведения в том и заключается, что один и тот же мотив может быть реализован посредством различных действий, направленных на различные цели. Остается вопрос, почему Слугин выбирал именно те действия, за которые он понес наказание.

Когда обсуждаются преступления несовершеннолетних, всегда много говорится о недостатках воспитательной работы, о вине семьи и школы в том, что подросток вступил на путь правонарушений, — иногда говорится об этом так много, что становится непонятным, играл ли в преступлении какую-нибудь роль, кроме чисто исполнительной, сам подросток.

Не приуменьшая, конечно, влияния семьи и школы на формирование личности подростка, хочу все-таки отметить, что человеческая личность — результат и воспитания, и самовоспитания. Без учета того, что подросток в себе культивировал, каким он себя представлял в ближайшем и отдаленном будущем, на что он ориентировался, невозможно понять его внутренний мир.

И в очерке А. Вакс берга, и в нашем комментарии Слугин оказался в центре внимания, видимо, как инициатор и руководитель преступления. Но не лишним мне представляется обратить взор и на Бульбакова, вывести его из тени. Он представляется мне загадкой гораздо большей, чем Слугин. Именно Бульбаков, я думаю, нуждался в исследовании эксперта — судебного психолога.

Однако признание этого факта не оправдывает Бульбакова, а заставляет задуматься над опасностью для общества таких «тишайших» парней, слабоволие которых может превратить их в орудие преступления. Психологическая и нравственная неподготовленность к встрече со злом делает их нередко жертвами случая, который может закончиться весьма трагично.

Всех нас поражает жестокость преступления, и, возможно, под влиянием потрясения от этой жестокости мы проходим мимо некоторых важных обстоятельств.

Зададим себе несколько неожиданный вопрос: если бы Слугин «просто» избил пьяных и отобрал у них деньги, — это нас удивило бы? Как ни печально в этом сознаться, но удивления, по всей вероятности, мы не испытали бы. В очерке, как вы заметили, дается достаточно длинный перечень совершенных Слугиным правонарушений, «высшей мерой» наказания за которые была «беседа о недостойном поведении». Не исключено, что, не соверши Слугин 13 апреля убийства, с ним сели бы побеседовали бы и отпустили с миром.

Нас неправильно поймет тот, кто решит, что мы собираемся предложить незамедлительно сажать за решетку каждого подростка, совершившего даже мелкое правонарушение. Мы хотим сказать другое: вопрос о судьбе подростка должен решаться не только как вопрос юридический, но и как психолого-педагогический. Следовательно, к его обсуждению надо привлекать специалистов соответствующих специальностей.

Границы нашего познания расширяются с каждым годом, а значит, увеличиваются и возможности активного и благотворного воздействия на личность. Психология давно уже превратилась в реальную силу, и ее надо смелее вводить в бой с преступностью — прежде всего для профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Настало, видимо, время для серьезного обсуждения возможности создания в той или иной форме практической психолого-педагогической службы, направленной на предупреждение преступности несовершеннолетних.

Представим себе, что после одного из первых правонарушений Слугин попадает не на беседу к участковому уполномоченному, а на исследование к профессиональному психологу. Думаю, что многое было бы обнаружено своевременно, а значит — своевременно приняты меры.

Не будет ничего зазорного и в том, если органы, от которых зависит выбор формы наказания подростка, обратятся за консультацией к специалистам в области психологии и педагогики. Между прочим, подобный опыт уже существует в некоторых европейских социалистических странах. Разве преподаватели ГПТУ и даже еще того раньше — учителя школы не могли обратить внимание на ту общественную опасность, которая таится в особенностях психики Слугина, в образе его поведения? Но они оказались неспособными вовремя предотвратить зло. Зато если бы существовала надлежащая психологическая служба, такие вопросы решались бы профессионально и эффективно. Почти не сомневаюсь в том, что психологи, учитывая условия, в которых жил Слугин, и некоторые особенности его личности, порекомендовали бы изолировать его на некоторое время, а не предоставлять возможность «перевоспитываться» своими силами и средствами.

Нам вообще не хватает продуманной педагогической концепции, которая легла бы в основу всей работы по предотвращению правонарушений несовершеннолетних, когда своим поведением они вселяют тревогу. Ведь перечень «мер», применявшихся к Слугину, как раз и есть свидетельство этой беспомощности, свидетельство того, что работа с такими подростками ведется слабо и неумело.

Общественность не раз проявляла свою инициативу по вовлечению «трудных» подростков в полезные дела, но на одном энтузиазме, без теоретической подготовки, практических навыков, административной поддержки проблему предупреждения правонарушений несовершеннолетних решить трудно. Нужны научная основа, кадры, организация, которая направляла бы такую работу не только по зову сердца, но и по долгу службы. Убежден, что данный вопрос нуждается в серьезном обсуждении.

Уникальное, но именно в силу своей уникальности привлекшее с особенной остротой наше внимание, дело Слугина и Бульбакова красноречиво свидетельствует об этом.

М. КОЧЕНОВ,
кандидат психологических наук

Профессор А. МАНФРЕД

ДОРОГИ, ВЕДУЩИЕ К МИРУ

Накануне Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве

СЛОВО «мир» в русском языке, как известно, означает (не говоря о ряде менее употребительных оттенков) два главных понятия: мир — это вселенная или часть ее, это земной шар, свет; говоря «мир», мы нередко подразумеваем весь свет. Во втором своем главном значении слово «мир», как определяет его С. И. Ожегов, — это «согласные отношения, спокойствие, отсутствие вражды, войны, ссоры». Очевидно, что даже в это общепринятое, ставшее в своем роде классическим определение надо все же внести некоторые поправки или уточнения: в современную эпоху, в наш век, сохранивший в памяти поколений нестираемые воспоминания об испепеляющих годах двух мировых войн, о Гернике, о напалме корейской войны, о безмерных страданиях и величии духа народа Вьетнама, мир — это прежде всего и главным образом антитеза войне.

Если вы подъезжаете железной дорогой к Москве, с запада ли, с востока ли, с любой стороны, на ближних подступах к советской столице, когда поезд уже замедляет ход, вы прочтете на пологой насыпи, окружающей полотно, два слова, бросающихся невольно в глаза: «Миру — мир!».

25 октября в Москве откроется Всемирный конгресс миролюбивых сил. В самом сочетании обоих слов вновь повторяется то же главное требование века: миру — мир. Созыв конгресса защитников дела мира во всем мире стал возможен не только, или, вернее, не столько в результате усилий подготовительного комитета, забот и хлопот национальных комитетов тех или других стран, иных организаций защиты мира, хотя роль этих представительных и авторитетных общественных организмов действительно весьма велика. Сказанным я хотел лишь подчеркнуть, что созыв Всемирного конгресса миролюбивых сил выражает нечто большее: это веление времени; он рожден самым бесспорным из оснований — необходимостью.

Стремление к миру было одним из давних и естественных желаний людей; оно шло по кровавым следам войны, проходящим через все летописи истории. Уже со времен Жан-Жака Руссо было осознано, что завоевательные войны и общественная реакция, или деспотизм, как чаще говорили в XVIII веке, взаимно связаны, помогают друг другу. Так сложилось ставшее с тех пор не только традицией, но и закономерностью противостояние двух полярных общественных сил: в одном лагере — деспотия, реакция, тирания, агрессия, в другом — народ, благородные сердца, общественный прогресс, мир. На протяжении длительного времени соотношение сил было столь явно, столь неоспоримо в пользу господствующих деспотизма и агрессии, что превращало стремление к миру в несбыточные мечты, химеры.

Но такая практическая недостижимость мира не делала его менее притягательным для людей доброй воли, озабоченных завтрашним днем человечества. Благородной традицией мыслителей, писателей, творческой интеллигенции, шедшей впереди века, стала борьба против несправедливых, захватнических войн, защита мира во всем мире. Достаточно поставить в ряд имена: Виктор Гюго, Александр Герцен, Лев Толстой, Ромен Роллан, Жан Жорес, Генрих Манн, Анри Барбюс, Мартин Андерсен-Нексе, Фредерик Жолио-Кюри, и даже по этому крайне неполному, сухому перечню станет видно, как росло и ширилось движение борьбы за мир.

Могут сказать с должным основанием, что к перечисленным здесь прославленным именам следовало бы присоединить великое множество других знаменитых имен, заслуживших борьбой в защиту мира право на общественное признание. Могут также добавить, что даже названные здесь имена представляют разные общественные круги, разные политические идеи и идеалы, различные творческие программы и личные пристрастия.

Кто решился бы это оспаривать? Могло ли быть иначе? Лев Толстой в 1910 году в письме Джону Хетгэму, приглашавшему его принять участие в митинге пацифистов в Лондоне, отвечал, что «говорить о мире и проповедовать его в нашем мире все равно, что говорить о трезвости и проповедовать ее в трактире или в винной лавке, существующих только тем пьянством».

Жан Жорес, в 1893 году с трибуны палаты депутатов бросивший в лицо буржуазии обвинение в том, что «ваше общество, жестокое и хаотическое... всегда таит в себе войну, как нависшая в небе туча таит в себе грозу», продолжал вести неустанную битву против буржуазной реакции и милитаризма. И уже «на краю пропасти», 31 июля 1914 года, за несколько часов до того, как его сразила пуля наемного убийцы, он призывал со страниц «Юманите»: «То, что сейчас нужнее всего, это — непрерывность действия, это — постоянная бдительность пролетарской мысли и сознания...»

Не трудно заметить, как существенно отличаются друг от друга подход, система мышления, строй речи, даже словесная ткань в этих кратких высказываниях Толстого и Жореса. Сопоставление, например, речей Анри Барбюса и, скажем, Бертрана Рассела даст, бесспорно, не менее разительные контрасты. Они давали бы лишь все новые и новые подтверждения той неоспоримой истины, что дороги к миру различны и неодинаковы, что каждый ищет к нему свой путь, что движение в защиту мира ни в прошлом, ни в настоящее время не было и не является однозначным и монолитным. Оно всегда включало в себя почти все цвета спектра, множество оттенков мысли, разные верования, разные убеждения, разные политические пристрастия — было бы лишь общее для всех желание защищать мир.

Но и в самом решении практических задач борьбы против войны и в прошлом, и в настоящем были и остаются расхождения в мнениях, споры, дискуссии. Многие ли помнят сегодня о горячих спорах Альберта Эйнштейна и Ромена Роллана в начале тридцатых годов о наиболее эффективных способах противодействия угрозе войны?

Споры такого рода были в прошлом; они возможны и вполне естественны и сейчас.

Если уже с середины прошлого века, со времени формирования идей научного коммунизма, передовыми умами было осознано, что борьба за мир неотделима от борьбы за демократию и за социализм, то для многих иных честных и мужественных противников войны этот тезис не представляется столь же бесспорным. Разве мало на свете было, а может быть, остается и сейчас благородных и стойких в своих убеждениях людей, искренне верящих, что ученье «Сатьяграха» Ганди является самым верным средством решения проблемы? Можно соглашаться или не соглашаться с философией гандизма — я лично принадлежу ко вторым, не соглашающимся с Ганди, — но нельзя отказать в уважении тем, кто разделяет его взгляды.

Ныне движение в защиту мира явственно вступает в новый этап, и вряд ли кто решится это оспорить.

Первая мировая война убила 10 миллионов молодых мужчин и 20 миллионов искалечила. Она потрясла мир чудовищностью понесенных потерь и породила наивную веру в то, что это «не может повториться». Потом о ней стали понемногу забывать.

Через двадцать лет вторая мировая война показала, что «все повторяется», но в еще более страшных, ужасающих размерах и формах. Война убила вдвое больше — 50 миллионов человек — столько, сколько составляет все население большого государства, например Франции, и 35 миллионов искалечила. Причиненные ею разрушения, опустошения невозможно учесть. Война превращала все живое, все жилое — в смерть, угли, щебень, тлен.

Эту чудовищную, всеиспепеляющую войну помнят и сейчас. Не поросли травой забвения могилы ушедших, и женщины в черном — матери, вдовы, состарившиеся невесты, не дождавшиеся своих суженых, — в дни, памятные им одним, приходят к могильным холмам, чтобы принести цветы тем, кто никогда не вернется.

Но после пережитых на протяжении жизни одного поколения двух величайших испытаний, после двух мировых войн и принесенных ими потерь, после опустошений люди не могли забыть об опасности новой — третьей мировой войны.

Еще не погасли угли на пепелищах сожженных городов, а уже у порога стояла зловещая, грозная тень новой войны. На сей раз она грозила бы не руинами Ковентри и даже не выжженной землей Хиросимы. Не локальные бедствия, не разрушение тех или иных городов — новая мировая война несла бы с собой смерть сотен миллионов людей, уничтожение целых государств, может быть, регионов, она означала бы превращение цветущих садов мира в развалины и пепел. Третья мировая война грозила бы самому существованию всего человечества.

Теперь уже не «одинокие мечтатели», как писал о себе Жан-Жак Руссо, и не храбрые «солдаты мира», как называли позже Анри Барбюса, мужественно стараются остановить приближение войны. Мир стал иным, и если совсем кратко определить совершающиеся в нем изменения, то можно сказать, что макропроцессом нашего времени является возрастающее движение социального прогресса.

Нужно ли еще раз напоминать о фактах, всем известных и все же не всегда нами до конца осмысленных? Через 20 лет после окончания первой мировой войны началась вторая мировая война. Ныне прошло уже почти три десятилетия со времени ее окончания и, несмотря на подстерегающие на многих мировых перекрестках взрывные мины, на нависшие со всех сторон опасности, зловещую политику балансирования на грани войны, искусственно разжигаемые конфликты, провокации, несмотря ни на что, мир был удержан и сохранен, и более того — кто решится это оспорить? — в мировой политике совершается поворот к ослаблению напряженности, к смягчению политического климата на нашей старой, так много испытавшей земле.

Это стало возможным это смогло произойти лишь потому, что в противоборстве двух полярных общественных лагерей — сил империализма, реакции и войны и сил социализма, демократии и мира — за последнее время становится все явственнее, все ощутимее перевес в пользу сил социального прогресса, защищающих будущность человечества.

Это было бы недостижимым, если бы Советский Союз не устранил монополию атомного оружия, грозящую неисчислимыми бедствиями, если бы не крепилась сплоченность содружества социалистических стран, если бы не умножались их усилия в защиту дела мира во всем мире, если бы не росла повсюду решимость миролюбивых сил отстоять завтрашний день поколений, вступающих в жизнь.

Илья Эренбург, писатель и мужественный защитник дела мира, чье имя уместно уважительно вспомнить на пороге Конгресса миролюбивых сил, в феврале 1944 года, в предпоследний год войны, которую он назвал «смертельной борьбой между человеческим началом и силами зла», говорил: «Мы вправе сказать, что наш народ спас человечество от великого затмения».

Писатель не мог тогда знать, что уже через год после того, как в ликующем мире был отпразднован День Победы, борьба между «человеческим началом и силами зла» возобновится, хотя и в иных формах, с новой силой.

Мир сам не приходит. Его недостаточно только хотеть. Его надо завоевать, и это надо уметь, как надо уметь навязывать его «силам зла».

Теперь уже не только наши собратья по перу, писатели и журналисты, теперь уже миллионы людей во всех странах знают, что значит Программа мира, выработанная XXIV съездом КПСС. Ее знают потому, что она претворяется в действие, в реальные соглашения и документы, меняющие на наших глазах всю международную обстановку. Нужно ли в этой связи еще раз напоминать о том, как много было достигнуто только в течение последнего года, какое огромное значение для укрепления дела мира имели официальные визиты Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в ФРГ, в США, во Францию? Об этом известно во всем мире.

«Мы за прочный мир, — говорил в речи в Ташкенте 24 сентября товарищ Л. И. Брежнев, — А это предполагает не просто отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, но установление определенного взаимопонимания и доверия между ними, развитие сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды».

Обеспечение прочного мира во всем мире требует решения ряда поставленных уже в порядок дня проблем первостепенной важности: успешного завершения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подхода к решению проблем обеспечения безопасности в Азии, проблем сокращения военных бюджетов, проблем разоружения и в широком, и в более узком, конкретно-практическом их преломлении...

Принципы мирного сосуществования, впервые провозглашенные В. И. Лениным в знаменитом Декрете о мире, принятом 26 октября 1917 года, ныне стали принципами, определяющими всю мировую политику. Это не все хотят признавать, об этом не все любят говорить вслух, но теперь уже вполне очевидно, что вне этих принципов невозможно продвижение мира вперед, более того — невозможно сохранение мира.

Конечно, только крайне наивные люди могут полагать, что путь к прочному миру может быть простым и легким. Враги мира, поборники «холодной войны» не растаяли от теплых лучей смягчившегося политического климата. Они не сложили оружия и продолжают борьбу. Они оттачивают кинжалы, и трагедия Чили пролила зловещий свет на беспощадность и преступления врагов свободы и мира. Нет недостатка и в других доказательствах старания сил империалистической реакции и войны непосредственно, а чаще через подставных лиц или безличных исполнителей воспрепятствовать начавшейся разрядке напряженности, нагромоздить камни, преграды на дорогах мира. За примером ходить недалеко. На Ближнем Востоке война, развязанная Израилем, поставила под угрозу здание мира, складываемое с таким трудом.

Мир не может быть завоеван и упрочен только усилиями государственных и политических деятелей, стараниями дипломатов, решениями общественных представительных организаций, как бы велико ни было значение всех этих акций. Мир может быть завоеван народами, миллионами простых людей, людей труда, людей доброй воли.

Ромен Роллан, великий французский писатель и борец за мир, чей талант на расстоянии минувших десятилетий светится все ярче, в тридцатые годы — годы борьбы против надвигавшейся уже угрозы второй мировой войны — писал: «Мир — это достояние всеобщее. Все должны служить ему — тут не может быть лишних рук. Мы сзываем стоящих под разными знаменами сплотиться вокруг него. Мир — это не вопрос партии. Мир — это необходимая пища, это хлеб и воздух, мир — это жизнь. Прежде всего — жизнь».

Проникновенные слова его как бы написаны для сегодняшнего дня.

В Москве на Конгресс миролюбивых сил соберутся представители разных континентов и стран, разных религий, разных философских взглядов, различных политических убеждений. Это частное дело каждого, и никто не вправе навязывать другому свои мнения и свои верования. Этих разных людей объединит лишь общая всем убежденность, что надо защищать, надо отстаивать мир во всем мире.

Конечно, дороги мира не обсажены цветущими магнолиями и их не всегда озаряют мягкие солнечные лучи. Они нередко каменисты, и идти по ним порой нелегко. Но это единственные в мире дороги, которые могут привести человечество в завтрашний день.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦЕВ

«МУМИИ» НЕ УЙДУТ ОТ РАСПЛАТЫ

ОТВЕТ АДМИРАЛУ МЕРИНО

Лондонская газета «Таймс» опубликовала заявление одного из руководителей чилийской военной хунты, адмирала Хосе Мерино, который утверждал, что советские специалисты, помогавшие сооружать домостроительный комбинат в Эль-Бейото, якобы являлись офицерами Советской Армии и вместо строительства занимались военной подготовкой чилийских рабочих в целях, как он выразился, «ликвидации вооруженных сил страны».

Корреспондент «ЛГ» Я. Борова встретился с группой советских специалистов, недавно возвратившихся из Чили, и ознакомил их с этим заявлением адмирала Мерино. Руководитель коллектива советских специалистов Виктор Леонтьевич Воронец, а также Алексей Михайлович Курасов, который работал в Чили инженером-электриком по монтажу и наладке электрооборудования, их товарищи по работе — мастер Владимир Васильевич Обертас и мастер Виктор Егорович Ефремов выразили желание через нашу газету публично ответить одному из главарей хунты.

КОРР. «ЛГ». Расскажите, пожалуйста, о целях вашего пребывания в Чили.

КУРАСОВ. В Эль-Бейото, маленьком провинциальном городке, советские специалисты помогали строить очень важный для страны объект — завод крупнопанельного домостроения. Он был возведен в предельно короткие сроки: уже через девять месяцев первая панель была вывезена на строительную площадку. При обычных условиях строительство подобного предприятия длится не менее полутора лет.

ЕФРЕМОВ. Следует учесть, что все лето 1972 года шли беспрерывные дожди. Было много вынужденных простоев, связанных не только с погодой, но и с попытками саботажа строительства, предпринимавшимися местными капиталистами.

КОРР. «ЛГ». Вам пришлось работать рука об руку с чилийскими строителями. Какие у вас с ними сложились отношения?

ЕФРЕМОВ. Их можно охарактеризовать одним словом — дружба, настоящая рабочая дружба. Она проявлялась и в наших производственных делах, и в часы отдыха.

ОБЕРТАС. Мы часто встречались и после работы, играли в футбол, волейбол, пинг-понг.

ЕФРЕМОВ. В прошлом году наши чилийские товарищи очень трогательно поздравили нас в день 7 ноября. Произносились речи о дружбе между СССР и Чили. Состоялся импровизированный концерт, в котором приняли участие студенты университета «Санта Мария» из Винья-дель-Мар.

ОБЕРТАС. Чилийские друзья с презрением отвергали все злобные выдумки по поводу советско-чилийского сотрудничества, которые появлялись в правой прессе чуть ли не каждый день.

КУРАСОВ. Так что утверждения Мерино нам не в диковинку. Реакция еще до переворота использовала любую возможность, чтобы очернить миссию советских специалистов. Дело доходило до смешного: однажды поступило оборудование для чилийской школы. Среди прочих предметов там находилось учебное пособие по радиоделу. Какой же шум подняли правые газеты по этому поводу! Они писали, что русские «поставляют военное оборудование чилийским школьникам».

КОРР. «ЛГ». Известно, что ваш завод посещал Сальвадор Альенде. Не могли бы вы вспомнить об этих посещениях?

КУРАСОВ. Первый раз он посетил наш завод в конце ноября 1972 года, когда мы завершили монтаж основных производственных линий. В его присутствии была заформована первая панель. Кроме наших коллег по работе, присутствовали рабочие с других заводов.

ОБЕРТАС. Альенде сделал надпись на сыром бетоне панели. В качестве авторучки служил заточенный электрод. Президент написал: «Спасибо советским и чилийским рабочим».

КУРАСОВ. На нас большое впечатление произвели искренность, простота, жизнелюбие этого великого гражданина Латинской Америки. Мы видели, с какой горячей симпатией, с каким глубоким уважением относятся к нему чилийские трудящиеся.

ЕФРЕМОВ. Второй раз президент приехал к нам в феврале этого года. Он очень радовался успехам, достигнутым на нашей стройке за столь короткий срок. Альенде даже поработал вместе с нами на бетоноукладчике и у пультов управления производством.

КОРР. «ЛГ». Вы были непосредственными свидетелями кровавого путча 11 сентября. Как это было?

КУРАСОВ. Все последние дни накануне переворота чувствовалось, что в стране назревают какие-то серьезные события. 11 сентября мы, как всегда, в 7.50 выехали к месту работы. На шоссе находился пост карабинеров. Первое, что мы увидели, — это большое скопление машин у поста. Карабинеры остановили и нашу машину и потребовали, чтобы мы возвратились домой...

ЕФРЕМОВ. Дома мы бросились к радиоприемнику. По каналу вооруженных сил и карабинеров Чили узнали о свершившемся перевороте. Еще продолжали работать некоторые радиостанции, верные правительству. Они призывали мятежников: «Солдаты, матросы, карабинеры! Вы дети рабочих, крестьян, трудящихся! Будьте же верны правительству Народного единства...»

КУРАСОВ. В 9.50 мы слушали, как оказалось, последнюю взволнованную речь президента Альенде. Приблизительно часов в 10 все радиостанции, кроме тех, которые были в руках хунты, прекратили свои передачи.

ЕФРЕМОВ. Сразу же по радио стали передаваться списки лиц, обязанных сдаться вооруженным силам. Мы с горечью узнавали знакомые фамилии наших чилийских товарищей, людей, известных своими прогрессивными взглядами.

КУРАСОВ. В это время военные окружили завод. Главного инженера Вилле Сальгадо избили и, окровавленного, отвезли куда-то на военной машине. Дальнейшая его судьба нам не известна. Всех чилийских рабочих и служащих отправили на военный корабль и посадили в трюм.

ЕФРЕМОВ. Наш поселок оказался отрезанным от внешнего мира. Мы видели, как вокруг сновали полицейские. Они искали якобы спрятанное в домах чилийцев оружие. Мы организовали круглосуточное дежурство. Руководитель нашей группы — Виктор Леонтьевич Воронец поехал на пост карабинеров и потребовал немедленной связи с посольством. Его сопровождала группа наших специалистов. Карабинеры арестовали руководителя, переводчика и тех, кто их сопровождал, в том числе и меня. Они подвергли нас оскорблениям и издевательствам. Затем отправили на военную базу.

ВОРОНЕЦ. В это время на базе уже находилось множество заключенных, лежавших лицом к земле. Среди них было несколько военных, которые, по-видимому, отказались признать власть хунты. Связаться с посольством нам не разрешили. Начальник базы заявил, что мы должны незамедлительно приступить к работе. Однако мы отказались это сделать.

Военные были вынуждены в конце концов освободить нас. 15 сентября мы все же поехали в Винья-дель-Мар, чтобы дать телеграмму в посольство. Но в городе всех нас вновь арестовали карабинеры, придравшись к тому, что на заднем сиденье машины находился фотоаппарат. Нас зверски избили. 10 часов мы находились в карцере. Ночью не давали спать, и мы простояли все это время лицом к стенке. В городе слышались стрельба, крики раненых. Рано утром нас вывезли на отдаленный мол. Честно говоря, казалось, что наступили последние минуты жизни. Там нас погрузили на корабль, и до 11 часов 16 сентября мы просидели в его трюме. Ничего не добившись, нас наконец отпустили в поселок.

ЕФРЕМОВ. Простые чилийцы относились к нам до последнего дня пребывания в стране так же дружески. Они приносили хлеб, фрукты, детям — горячий суп. Нас провожали все местные жители, многие из них плакали.

КУРАСОВ. Наш шофер, чилиец, сказал мне: «Товарищ, надеюсь, что мы еще увидимся в свободной Чили. Я говорю не «прощай», а «до свидания».

ЕФРЕМОВ. Рабочие в поселке, поднимая вверх кулаки, говорили: «Мы победим, мумии не уйдут от расплаты».

КУРАСОВ. Зная искренность чувств, которые питали и питают чилийские трудящиеся к нам, представителям Советского Союза, нынешняя хунта пытается дискредитировать нашу помощь. С этой целью изобретается любая ложь. Как и та, о которой сообщила газета «Таймс». Но для нас главное — не мнение адмирала Мерино и ему подобных, а то, что знают о Советском Союзе и его действенной пролетарской солидарности простые люди Чили.

Этот снимок сделан в ноябре 1972 года руководителем коллектива советских специалистов В. Л. Воронцом. На фотографии — президент Альенде в гостях у рабочих домостроительного комбината.

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ БРАТСКИХ СТРАН

82 плюс 29

Не трехцветной обложке — гравюра советского художника Д. Бисти и золотой колос. Под титулом — два слова: «Советская литература». У этого номера журнала «Унион», органа Союза писателей и деятелей культуры Кубы, двойной объем и двойной тираж; номер посвящен советской литературе.

«Специальный номер журнала «Унион» является данью нашей любви и дружбы героическому народу, первым открывшему пути великих социальных революций нашего века», — говорится в редакционной статье.

Немалую помощь кубинским писателям в создании этого номера оказали их советские коллеги — писатели и литературоведы.

Номер открывается тремя написанными специально для этого журнала статьями советских литературоведов, посвященными советской литературе и служащими своеобразным прологом к публикуемым текстам. В своей статье «Единство пути, многообразие поиска» критик В. Оскоцкий пишет, что основной темой многонациональной советской литературы является прежде всего тема Великой Октябрьской революции и рассказ о тех изменениях, которые она внесла в жизнь советских народов. Советская литература является примером подлинно интернациональной литературы. Именно сочетание национального и интернационального делает советскую литературу столь привлекательной для стран латиноамериканского континента, где проблема интеграции различных стран, имеющих к тому же единый язык, стоит крайне остро. И. Гринберг в своей статье о советской поэзии и Ф. Кузнецов в статье, посвященной советской прозе, рассказывают латиноамериканскому читателю об основных этапах их развития, показывая, как крепло наше искусство, основанное на методе социалистического реализма.

Подборка литературных произведений начинается «Песней о Соколе» Максима Горького. В странах Латинской Америки довольно хорошо знают творчество Горького-прозаика. Его романы «Мать», «Дело Артамоновых», его пьесы не только давно известны в латиноамериканских странах, но и оказали заметное влияние на прозу этого континента. Между тем мало кто из латиноамериканцев знает, что существует Горький-поэт. Творчество Александра Блока представлено отрывком из поэмы «Возмездие», Владимира Маяковского — стихотворением «Блэк энд уайт». Латиноамериканский читатель найдет в журнале стихи Велемира Хлебникова и Павло Тычины, Эдуардаса Межелайтиса и Владимира Луговского, рассказы Андрея Платонова, Михаила Алексеева, Иона Друцэ, Берды Кербабаева, отрывки из романов Бориса Полевого, Георгия Маркова, Чингиза Айтматова. Составители пытались дать как можно более полную картину советских многонациональных литератур. И в этот специальный номер журнала «Унион» включены произведения писателей всех советских социалистических республик и ряда автономных республик.

Всего — 82 поэта и 29 прозаиков. Можно смело утверждать, что на испанском языке еще ни разу не появлялось такого полного издания, представляющего все богатство тематики, творческих стилей нашей многонациональной литературы. Номер красиво оформлен, в его оформлении приняли участие советские художники В. Медведев, А. Белюкин, В. Носков.

Следует сказать также несколько слов и о качестве переводов. Дело в том, что до недавнего времени большинство переводов произведений советской литературы, опубликованных в странах Латинской Америки, за редким исключением выполнялось через язык-посредник, английский или французский, в те немногие переводы русской классической или советской поэзии, которые делались в Латинской Америке непосредственно с русского языка, выполнялись в соответствии с традицией современной латиноамериканской поэзии в манере белого стиха или даже верлибра. Латиноамериканский читатель получал, таким образом, не только неполное, но и искаженное представление о самой природе русского стиха.

В этом отношении переводы, опубликованные в журнале «Унион», выгодно отличаются от своих предшественников. «В переводах поэзии, — говорится в редакционной статье, — мы приложили максимум усилий к тому, чтобы воспроизвести на нашем языке структуру оригиналов, стараясь найти ритмические и рифмические эквиваленты, ибо мы понимали, что эти факторы наряду с образами и метафорой составляют суть стиха». Кубинские поэты Элисео Диего, Давид Чериськян, Франсиско де Орас, Педро де Орас, Хосе Мартинес Матос, Ансель Аухнер прекрасно справились с этой трудной задачей. Номер журнала «Унион», посвященный советской литературе, закладывает, по существу, основы для новой школы переводов с русского языка на испанский, стоящей на уровне современных требований, предъявляемых к искусству переводчика.

Выступая на вечере, посвященном выходу в свет специального номера журнала «Унион», президент Союза писателей и деятелей культуры Кубы, известный кубинский поэт и общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Николас Гильен, отдавая должное работе советских и кубинских литераторов, подчеркнул то огромное значение, которое имеют непосредственные контакты между нашими литераторами, взаимодействие наших двух культур для углубления дружбы и взаимопонимания между нашими народами.

Н. БУЛГАКОВА

К 75-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Христо СМИРНЕНСКИЙ

Глашатаи нового дня

75-летию со дня рождения Христо Смирненского, восторженного певца революции и борьбы пролетарских масс, было посвящено состоявшееся в Софии торжественное собрание, на котором присутствовали товарищ Тодор Живков и другие руководители Болгарской коммунистической партии, деятели болгарской культуры, представители общественности столицы.

Открывая собрание, председатель Союза болгарских писателей академик П. Зарев подчеркнул, что Христо Смирненский был великим пролетарским поэтом, наследие которого имеет не только национальное, но и мировое значение.

«Мы, — сказал в своем докладе о жизненном и творческом пути поэта критик П. Данчев, — отмечаем его 75-летие — возраст старости, а в нашем сознании оживает образ обаятельного юноши, солнечный образ молодого поэта.

Вооруженный социалистическим мировоззрением, опираясь на завоеванные пролетарской поэзией позиции и на все ценное в литературе прошлого, Христо Смирненский стал основоположником метода социалистического реализма в Болгарии.

Христо Смирненский особенно дорог нам и тем, что сделал тему Советского Союза, Октябрьской революции, советского народа одной из центральных тем своей яркой поэзии.

Если попытаться найти фокус, в котором собираются все самые характерные особенности творчества Христо Смирненского, — подчеркнул докладчик, — то это, несомненно, полное единство его поэзии с велением времени и историческими задачами Коммунистической партии».

В сердцах наших —
белая лилия,
в руках —
кровавый кинжал.
Вперед,
молодые и сильные,
к общей
громадной Бастилии
сквозь дым
и кровавый пожар!

Пускай нас
пугают бедою —
нам плечи
судьба на согнет.
Мы смелых зовем
за собою!
Мы видим,
как с черной ордою
сражается русский народ.

Лучи рассыпает слепящие
мир, вырвавшийся
из оков.
Восстаньте,
глухие и спящие,
разрушьте свое
настоящее —
восток посылает свой зов!

Возможно ли
большее счастье
в жизни твоей, человек!
С великой надеждой
и страстью
ты встретишь в толпе,
как праздник,
новый, прекрасный век!

В сердцах наших —
белая лилия,
в руках — кровавый кинжал.
Вперед,
молодые и сильные,
к общей
громадной Бастилии
сквозь дым
и кровавый пожар!

Перевела с болгарского
Лорина ДЫМОВА

У ПОЛКИ С ПЕРЕВОДАМИ

МАСТЕР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Недавно на прилавках московских книжных магазинов появилась и моментально разошлась книга чешского писателя Йозефа Томана «Дон-Жуан», выпущенная издательством «Художественная литература» в серии «Зарубежный роман XX века». Так состоялось наше первое знакомство с творчеством известного мастера современной чешской прозы.

Йозеф Томен родился в 1899 году в семье литейщика.

Первое крупное произведение писателя — роман «Человек ниоткуда» (1933). Герой романа Кайман удивительно сродни и чешскому сказочному герою Гонзе, и знаменитому Уленшпигелю. Бродячий знахарь, искатель приключений и веселый собутыльник, остроумный и ловкий, он приводит в трепет мещанство и лживое духовенство, смело вступает с ними в борьбу за справедливость, человечность и правду.

В 30-е годы Томен много писал для театра, создал несколько киносценариев, работал в новом жанре радиопьесы. В условиях надвигавшейся фашистской опасности он вместе со своей женой — писательницей Мирославой Томановой создает аллегорическую пьесу «Народный король», протестующую против капитулянтской политики правительства буржуазной Чехословакии.

В тяжелые годы оккупации Томан был членом подпольного Комитета интеллигенции, входившего в состав Национального революционного комитета. После освобождения Чехословакии писатель много сил отдал организации театральной жизни в республике.

Роман «Дон-Жуан» был написан Томаном в начале 40-х годов. Обращение к картинам испанской действительности XVII века, к изображению мрачного разгула инквизиции и безграничного своеволия светской власти не было, разумеется, случайным: в этих картинах писатель в иносказательной форме клеймил ужасы фашистской оккупации.

Тема Дон-Жуана имеет длительную традицию в европейских литературах. Отличие томановского подхода к созданию этого образа состоит в том, что писатель рассматривает донжуанство как результат определенных социально-исторических условий. Задачи реалистического исторического повествования потребовали от Томана положить в фактографическую основу образа не распространенную легенду о жившем в XIV веке полумифическом представителе одного из аристократических севильских родов, наказанном статуей убитого им командора, а жизнь реально существовавшего испанского графа Мигеля из Маньяры, прозванного Дон-Жуаном.

Дон-Жуан у Томана — фигура, психологически сложная и противоречивая. Противоречивость эта — порождение противоборствующих сил: прямого и, в сущности, честного характера Мигеля, с одной стороны, и лживой морали аристократических верхов, к которым от рождения принадлежит герой, порочного воспитания, основанного на схоластических догматах католической церкви, с другой.

Много страданий приходится пережить Мигелю, много несчастий приносит он — жестоко и холодно — окружающим, прежде чем здоровые силы души и разуме приведут его к пониманию истинного смысла любви, любви облагораживающей, раскрывающей в человеке лучшие его качества.

В этом духовном исцелении Мигеля огромна заслуга падре Грегорио, воспитателя юного графа, учившего: «Любить человека, любить людей — величайший дар божий». В образе Грегорио, мученически погибающего на костре инквизиции, сконцентрированы лучшие черты отважных гуманистов средневековья — их высокие нравственные идеалы, преклонение перед знанием, смелый протест против социального неравноправия.

Историческая тема осталась главной в творчестве Йозефа Томана и в последующие годы. В 1963 году он завершает крупное и, на наш взгляд, лучшее свое произведение — роман «После нас хоть потоп», который в ближайшее время выходит в русском переводе в издательстве «Прогресс».

Романам Йозефа Томана в полной мере присущи два важнейших качества, отличающих высокохудожественную историческую прозу, — историческая достоверность, гарантируемая научно точным знанием изображаемой эпохи, и созвучность проблем, решаемых на материале прошлого, мыслям и думам современного читателя. Свое кредо исторического романиста писатель четко выразил в обращении к советским читателям, предпосланном роману «Дон-Жуан»: «Я выбрал такие темы, которые освещают развитие прогресса в давние времена и несут в себе идеи гуманизма, демократии и социальной справедливости, то есть те идеи, за которые испокон веков боролось человечество и которые мы ныне осуществляем. Работая над историческим материалом, я всегда думаю о современности».

Юрий РИТЧИК

Йозеф Томан. «Дон-Жуан. Жизнь и смерть дона Мигеля из Маньяры». Перевод с чешского Н. Аросевой. Вступительное слово автора. Издательство «Художественная литература». М. 1973.

СТРАНИЦЫ НОВЫХ КНИГ

Норман МЕЙЛЕР,
американский писатель

ПОГАСШАЯ «ЗВЕЗДА»

Фотография Мэрилин Монро на обложке книги Нормана Мейлера.

Автор переведенных на русский язык книг — «Нагие и мертвые», «Майами и осада Чикаго», писатель публицистического склада, обличитель американских «мифов», Норман Мейлер считается одним из ведущих представителей послевоенной литературы США. Критики бесконечно спорят о стиле его произведений, в которых социальность нередко сочетается с пристрастием к модному фиглярству, а резкость языка порой выходит за рамки приличия. Не меньшие толки вызывает и личность Мейлера — писателя, журналиста, кинорежиссера и актера. Много шуму наделала кампания Мейлера по выдвижению своей кандидатуры на пост мэра Нью-Йорка, а не так давно он объявил о желании создать «Пятое сословие — демократическую секретную полицию» для расследования деятельности ЦРУ и ФБР.

Для Мейлера одинаково характерно и стремление быть в центре событий в качестве репортера и просто быть «на виду», что в большой степени способствовало его репутации человека неожиданных крайностей и создавало вокруг его имени атмосферу сенсационности.

Лучшие книги писателя завоевали заслуженную популярность как произведения социально-критической направленности, в которых, по выражению критика-марксиста Сидни Финкелстайна, он «перечислил» симптомы болезни буржуазного общества и показал духовный распад представителей буржуазии.

В последние годы Норман Мейлер выпустил несколько книг очерково-публицистического характера, которые не обнаружили сколько-нибудь значительных сдвигов в его творчестве и были встречены критикой довольно холодно. Зато роман-биография — «Мэрилин» — привлек внимание задолго до выхода в свет, а сейчас о нем пишут в журналах и газетах Америки и Европы.

Дело здесь, конечно, не столько в самом Нормане Мейлере, сколько в объекте его повествования, ибо спустя одиннадцать лет после смерти Мэрилин Монро образ этого «ангела секса», воплотившего в себе все пороки и добродетели голливудского «идеала», неизменно используется рекламой для подогревания обывательского интереса к некоей «легенде о Мэрилин».

Критики по-разному восприняли книгу. Одни, как, например, Жан-Пьер Фарнас из «Пари-матч», считают, что «Мейлер, возможно, написал свое лучшее произведение, которое очаровывает подобно «Госпоже Бовари». Другие скептически относятся к новому творению писателя.

Так, Майкл Вуд в журнале «Нью-Йорк ревью оф букс» находит весьма интересной творческую задачу, которую поставил писатель. «Заставь одного вора поймать другого и столкни двух художников», — говорит Мейлер во вступительной главе книги. Другими словами, замечает Вуд, писатель собирался «рассказать историю одного из экспонатов американской галереи мадам Тюссо», где Мейлер представлен наравне с Мэрилин Монро. Мысль критика сводится к тому, что писатель на этот раз, как и прежде, собирался направить острие своей сатиры на один из американских мифов, в данном случае — на миф о «звездном царстве» Голливуда. Но Майкл Вуд справедливо отмечает, что писатель не смог полностью реализовать свой замысел: он лишь «упомянул некоторых ведьм с этого шабаша, пустившись в неясные рассуждения о душе и вечности».

Поначалу Мейлер думал написать только предисловие к альбому фотографий Мэрилин Монро, составленному Лоренсом Шиллером. Затем его привлекла идея художественного осмысления «легенды», в которой правда перемешана с ложью, в сама личность Мэрилин давно перестала быть реальной, меняясь в зависимости от разных интерпретаций. Не случайно писатель изобретает удачное слово «фактоид», характеризуя им почти все, что было написано об этой актрисе, как и о десятках других «звезд» кино.

Мейлер решает тему Мэрилин в свойственном ему социально-психологическом плане. Он не ставит перед собой задачи найти неизвестные факты и намеренно повторяет то, что уже известно читателям.

Для него Мэрилин Монро — прежде всего талантливая актриса, вынужденная выступать только в амплуа «секс-бомбы». В книге Мейлера возникает образ женщины, ставшей частью фальшивого и продажного мира киноиндустрии и рекламы. Ее смерть — логическое завершение этого существования. Некоторые критики считают, что Мейлер, размышляя о судьбе Мэрилин, многое сказал и о самом себе. Это в какой-то мера справедливо, поскольку он описывает среду, которую хорошо знает. Там, где он рисует реальную обстановку, реальных людей, а не впадает в ложную философичность и не становится сам жертвой «мифа», который пытается разоблачить, — там Мейлер-писатель и Мейлер-журналист создает то художественное единство, какое всегда было сильной стороной его таланта.

Мы печатаем отрывки из новой книги Нормана Мейлера «Мэрилин».

Фотография Нормы Джин, напечатанная в одном из журналов, предназначенных для «читателей-мужчин».

Мэрилин Монро и Кларк Гейбл в фильме «Неприкаянные».

Норму Джин в Голливуде переименовали в Мэрилин Монро.

И ТАК, мы обращаемся к Мэрилин, которая для каждого мужчины означала любовное приключение с Америкой, к Мэрилин Монро — белокурой и прекрасной, с нежным, мелодичным голосом, чистенькой, как аккуратные американские дворики. «Если тебе чего-то не хватает в жизни, — говорит улыбка молодой звезды, — то секс Мэрилин Монро тебя утешит». Ее любовь не похожа на мрачный союз со страстной брюнеткой, в котором — и голос крови, и клятва на всю жизнь, и фурии ревности, если ты не ввержен в омут страсти. «Возьми меня, — говорила ее улыбка. — Я доступна. Я счастлива. Я — ангел секса, можешь проверить».

Какой же удар для «замечтавшейся» нации, что ее ангел умер от сверхдозы снотворного! Была ли сверхдоза сознательным самоубийством или же Мэрилин просто потеряла счет выпитым таблеткам, а может, и чем-то пострашней, никто сказать не может...

***

Она не была рождена для телевидения. Она предпочитала театр и темноту, скрывавшую сотни глаз, мерцающие огни экрана — и ее огромное трехметровое лицо, оживающее перед ними. Никто, очевидно, не понимал лучше ее самой, что она — последний миф в долгом вечере американской мечты: ведь она родилась в тот год, когда умер Рудольфо Валентино. Мэрилин принадлежала к последним аристократам кино и наверняка не желала, чтобы на нее, уменьшенную до габаритов средней американской квартиры, глазели во время ужина. Нет, она была представительницей черной магии кино, одной из ведьм, слетевшихся в Голливуд на свой последний шабаш. Ее манера говорить была, возможно, такой же скромной, а тело — таким же податливым, как у какой-нибудь соседской девчонки, но ее изображение на экране подавляло...

***

Почему не предположить, что Мэрилин Монро по-иному ставит проблему биографии? Вопрос заключается в том, можно ли судить о личности по фактам на ее жизни, оставив в стороне вопрос о чудовищном магнетизме фактов. Ведь каждому факту всегда противостоит контрфакт. В жизни человека редко найдешь что-то определенное, что не отрицалось бы мгновенно чем-то иным. А в жизни Мэрилин Монро никто не мог быть уверен, играет ли она старую роль или экспериментирует с новой, а может, стала самой собой (к чему она всегда стремилась).

Так как традиционный путь восстановления чужой жизни весьма ограничен, то возникает новый вопрос: а не противопоказаны ли в данном случае обычные средства биографов? Тем более, что две опубликованные уже биографии продемонстрировали узость традиционного подхода. Первая, озаглавленная «Мэрилин Монро», написана Морисом Золотовым еще при ее жизни. Книга содержит много занятных психоаналитических откровений, вроде тех, которые можно услышать в разговоре двух образованных жителей Нью-Йорка, когда они за кофе обсуждают третьего. Сведения, которыми они обмениваются, состоят в основном из высосанных из пальца пустых анекдотов, чей стиль говорит о малом их правдоподобии. Автор преподносит нам небылицы, позаимствованные с письменных столов своих предшественников, и обращается не столько к фактам, сколько к фактоидам (позволим себе присоединиться к толпе жаждущих создать новое слово), то есть таким фактам, которые не существовали, пока не появились в журнале или газете. Это даже не ложь, а специальная продукция, предназначенная для манипулирования эмоциями «молчаливого большинства». Итак, книга Золотова может заставить задуматься другого биографа: если хоть какая-то часть из рассказанного им соответствует действительности, то этим можно было бы воспользоваться, но дело как раз в том, что верить ему нельзя — большинство историй в его книге написано самой Мэрилин, точнее — Беном Гехтом, которому вещала Мэрилин, а он публиковал их в бесконечных «фактоидных» воскресных приложениях 1954 года. Гехт — не тот писатель, который погонится за истиной в ущерб небылицам, дабы оживить свою прозу, а Мэрилин чеканила свои небылицы годами. Ни одна литературная шайка не напустила столько тумана, обволакивающего легенду, сколько Мэрилин — Бен Гехт.

Другая книга, под названием «Норма Джин», написанная Фредом Лоренсом Гайлсом, представляется более достоверной; она, несомненно, педантичнее, правдивость изложения фактов в ней где-то на уровне сочинения Карлоса Бейкера о Хемингуэе; автор пользуется разными источниками, хронология соблюдена тщательно. Эта биография более ценна для определения тех или иных фактов ее жизни, но личность актрисы осталась в тени.

***

...Мэрилин пришла в «XX век — Фокс» (благодаря «Лафу», «Пику» и железной глотке Говарда Хьюза)* и пробыла там (ненадолго исчезая) пятнадцать лет, пока ее не выставили из студии — за несколько дней до ее тридцатишестилетия и за два месяца до смерти. Мало кто из актрис принес такие барыши студии, но начинала она всего лишь как «третья блондинка» (что-то вроде третьего запасного в футболе). В студии она много занималась вокалом и сценическим движением, строго выполняла все студийные требования, появляясь по первому зову на съездах и открытии ресторанов — рядовая в армии начинающих, одна из статисток на большой премьере. Она без устали позировала для рекламных фото, которые рассылались по самым укромным уголкам страны, по самым маленьким городам, куда только может дойти газета; о том, как принимались снимки, никто на студии не знал, и никакие выводы не делались. Если рекламный отдел посылал ее позировать на пляж или в горы, она шла и позировала. Она ездила верхом на костюмированных парадах. Она снималась на плотах в стае старлеток. По сути дела, она продолжала оставаться натурщицей, только зарабатывала меньше. Теперь, на пороге своей настоящей карьеры, она вроде бы перестала существовать. Ее затянула главная студия — этот омут для талантов, и хотя ее агент постоянно выпрашивал у режиссеров роли, талант ее у многих вызывал сомнения. Ее считали (хотя она прославилась впоследствии обратным) туповатой и не без налета вульгарности. За первый год своей работы в студии (два срока — по шесть месяцев каждый) она снялась в двух фильмах. В фильме «Не отставай! Поднажми!», где на первом плане была Джун Хейвер, роль Мэрилин почти вырезали, а во втором фильме — «Опасные годы» — она оказалась в положении человека, вытянувшего неудачный номер.

Спустя год «XX век» не возобновил с ней контракта. Будучи несколько месяцев без работы, она вернулась к позированию. Наконец вмешался Шенк, он просил за нее, но не в «XX веке», а в «Коламбии» у своего «старого дружка» Гарри Кона *. Шенк, должно быть, остался доволен Коном, так как ее не только приняли, но и поручили вторую роль в фильме, а также разрешили посещать занятия по мастерству, пению и вообще уделяли ей много внимания. (Видимо, Кон был чем-то очень обязан Шенку.) В «Коламбии» ей удалось сняться во второсортном, посредственном фильме «В джазе только девушки» — о молодой комедийной звезде (непорочной!), дочери состарившейся королевы комедии (первый сорт!), влюбленной в богатого отпрыска. Фильм вышел в 1948 году, и в нем впервые мы можем как следует разглядеть ее: она поет, танцует, играет, скандалит и даже дергает кого-то за волосы, пыхтит, как паровоз, — словом, фильм чудовищен, а она — нет. В нескладных ситуациях она деревенеет; живо и непринужденно поет и танцует и даже делает все возможное, чтобы убедить нас, что в Рэнда Брукса («отпрыск») можно влюбиться...

Но стоит ли много писать о таком незначительном фильме! Она держится поистине героически, а где сценарий становится просто невозможен, она понимает, что следует уйти в тень. Вкус ее интуитивен, она знает, когда надо приглушить себя. И тем не менее понять по этому фильму, что из нее выйдет актриса, нельзя. Гарри Кон, имеющий жестокий и точный нюх на успех, распрощался с ней после первого срока, и трудно его осуждать.

***

...Она сражалась со студией, а студия сражалась с ней. Она требовала больше денег и права выбирать сценарии и режиссеров. Ей отказывали. За 1953 год «Ниагара», «Джентльмены предпочитают блондинок» и «Как выйти замуж за миллионера» принесли «XX веку» 25 миллионов долларов — так много денег студии не приносила ни одна звезда. И все же ей не платили 1000 долларов в неделю (хотя она работала вместе с Джейн Рассел, которой за фильм платили 100 000 долларов), и даже за то, чтобы иметь приличную уборную, ей приходилось воевать. Дирекция упрекала Мэрилин в испорченности. «Помни, ты еще не звезда», — говорили ей.

Она хорошо ответила: «Вот что, господа, кем бы я ни была, но название фильма — «Джентльмены предпочитают блондинок», а блондинка — это я».

Теперь, оглядываясь назад, кажется, что студия могла бы пойти ей навстречу в денежных вопросах и по части выбора фильмов. Ее негодование уже тогда стало демонстрировать себя в спадах творческой активности, а со временем будет им стоить тысяч, а то и миллионов долларов, но тем не менее они не сдаются, потому что она подкапывается под самые основы системы, которая покоится на десятилетиях расточительства.

Киностудия в начале пятидесятых годов — это фабрика с целой армией актеров и раздутым штатом служащих. Она стремится расширяться и дальше. В периоды взлета такая система, как и система правительственного субсидирования, может функционировать нормально, но телевидение уже начинало выбивать почву у нее из-под ног, снизив приток зрителей в кинотеатры. Исправить ситуацию пытались уменьшением числа кинотеатров, улучшением качества фильмов и более дорогими билетами. Пока же студии выпускали около 50 фильмов в год, зажатые в тиски проката. Но как только прокат перестанет требовать все новых фильмов, возникнет кризисная ситуация и половина служащих студий будет уволена. Все это произойдет позже. Мэрилин же опережает события. Она пощипывает систему, когда та еще полна сил.

В те времена заправилы студий стремятся продемонстрировать самые эффектные стороны своей системы. Они делают ставку на то, что приносит наивысший доход. Мэрилин оказывается эффектнее других. При зарплате 50 000 долларов в год она приносит студии 25 миллионов долларов в пропорции 1 : 500. Это статистика, убедительная для дирекции. Больше их ничем нельзя убедить. Из-за дополнительных расходов стоимость фильма увеличивается вдвое, и вот сотни законтрактованных на семь лет актеров проходят через студийную мясорубку, не сумев добиться прибавки хоть на доллар. Эта экономическая политика преграждала актеру путь к успеху и вела его прямиком к ролям в посредственных фильмах. Актер на контракте — это раб, эстетический фарш в колбасном производстве. Явно изжившая себя система умудрялась просуществовать десятилетия, давая своим служителям психологическое вознаграждение. Падение системы приблизилось бы, пересмотри студия свой контракт с актрисой. Тогда стали бы просить прибавки и другие талантливые актеры. Поэтому дирекция держалась неприступно, а если поднимался вопрос о самостоятельном выборе фильмов, сопротивление удваивалось. В подсознании каждого студийного администратора, должно быть, живет образ концентрационного лагеря, в который он заключает актеров (их души медленно чахнут на скудном рационе бессмысленных фильмов). И администратор отлично знает, что, как только актер начнет самостоятельно выбирать сценарий, системе — конец и ему — тоже. Ведь, в сущности, его жизнь посвящена выкачиванию денег из бессмысленных фильмов.

***

Был апрель 1962 года. Ей осталось жить четыре месяца, и начиналась работа над фильмом для «XX века» «Что-то случится».

Питер Ливейтс, новый глава студии, все еще не мог успокоиться по поводу убытков, которые потерпел «XX век» из-за Элизабет Тейлор в «Клеопатре». С ним Мэрилин будет нелегко... А сценарий! Работать над таким сценарием равносильно смерти.

...Мисс Монро уже готова распрощаться с фильмом — она прибывает на съемки с опозданием на несколько дней. Чиновники «Фокса» вот-вот выгонят ее, но она переполнена энергией, как будто высшее наслаждение для нее — сорвать планы мужчин, стоит им родиться. Она прибывает в тот день, когда снимается сцена в бассейне, и, несмотря на простуду, проводит в воде несколько часов — она покажет Элизабет Тейлор, какая женщина должна быть в центре мировой рекламы! Здесь, окруженная кинокамерами, в присутствии Ларри Шиллера и Вудфилда, делающих фото для журналов, она снимает с себя телесного цвета купальник, симулирующий наготу, и прыгает в бассейн. Прыгает снова и снова, совершенно голая, в то время как ее фотографируют во всех ракурсах, чтобы затем показывать всему миру.

Ее взгляд, когда мы смотрим на фотографии, — взгляд победителя. Это «первые за четырнадцать лет снимки Мэрилин Монро абсолютно обнаженной»... Нигде она не выглядит столь уверенной в себе, как на фотографии Ларри Шиллера — одна нога перекинута через край бассейна, а в глазах — дьявол сиротства. Она как будто вот-вот выскочит из воды, и кто знает, что она сделает вслед за этим? Все иллюстрированные журналы охотятся за Шиллером, который с согласия Мэрилин владеет авторскими правами на снимки. Пока он ведет переговоры с Мэрилин, фотографии уже опубликованы в тридцати странах.

В пятницу, 1 февраля, она приглашает участников фильма на свой день рождения. Она позирует перед фотокамерами вместе с режиссером Джорджем Кьюкором — хохочет, запихивая ему в рот кусок пирога, потом с друзьями в своей уборной распивает бутылку «Дом Периньона». А в понедельник не выходит на работу. Нервное перенапряжение (как она с легкостью убеждает докторов). Во вторник ее тоже нет... В четверг ее выгоняют, и она проводит ночь, запершись дома, в слезах, в то время как ее антрепренер Ньюком посылает в «Взрайети» сообщение: «Мисс Монро жаждет приступить к работе в понедельник». Затем — в пятницу Ливейтс делает заявление, что ее освободили из-за «преднамеренного нарушения контракта», и «Фокс» готов предъявить съемочной группе иск в размере полумиллиона долларов: «Мы, может быть, увеличим сумму до миллиона».

Фотографии, снятые Джорджем Барриссом спустя почти месяц после того, как ее выгнали из «Двадцатого», не говорят ни о какой бездне. В ее глазах нет и намека на самоубийство. Просто нежная, совсем неизмученная молодая женщина сидит в свитере на пляже, задумчивая и решительная. Никак не скажешь, что это человек конченый...

В ней все было не закончено — даже в последний день своей жизни, когда к ней зашел Ларри Шиллер, она говорила о том, что собирается подписать договор с журналом «Плейбой». Шиллер должен был сделать фотографии. На первой странице обложки «Плейбоя» Мэрилин будет прилично одетой — в белом меховом боа. На последней странице — она снята в той же позе, но со спины. Кроме мехового боа (которое прикрывает лишь затылок), на ней больше нет ничего. И, наконец, она продемонстрирует свою знаменитую пару щек, которые, как однажды заметил Филипп Халсман *, «будто подшучивают над вами». Конечно, говорил он, «это выражение ее лица, не так-то просто передать неподвижной камере». Быть, может, она тоже об этом подумала, а может, доктор Гриссон отсоветовал ей сниматься (если предположить, что она с ним советовалась).

Как бы то ни было, Пэт Ньюком успел позвонить Хью Хефнеру **, чтобы тот отменил съемки, но коль скоро Шиллер еще ничего не знает, Мэрилин сама не собирается признавать, что рекламная мечта уже запрятана подальше, и вместо этого она излучает утреннюю энергию и задор.

...Непостижимо, что она будет мертва немногим больше чем через двенадцать часов. А может быть, меньше? Вскрытие окажется поверхностным и не установит точного часа ее смерти. Она могла умереть и в девять вечера того же дня, и в три часа утра — следующего. Однако в ее крови будет найдено барбитуратов столько, что их хватило бы убить ее не один раз, если она принимала снотворное на пустой желудок.

...Мэрилин ушла. Она ускользнула от нас за линию горизонта вместе с последней пилюлей.

Мы никогда не узнаем, как она ушла. Она вполне могла оступиться, рыдая в самой глубине сердца, так и не найдя ни в ком отклика.

Перевела с английского В. БЕРНАЦКАЯ

«Одинокая дама» — так называется одна из глав книги Нормана Мейлера, где говорится о том, как Мэрилин Монро попадает в больницу с нервным расстройством.

Некоторое время актриса вообще не снимается, и лишь незадолго до смерти ей предлагают роль в голливудском фильме «Что-то случится».

* «Лаф» и «Пик» — журналы, предназначенные для «читателей-мужчин». Говард Хьюз — один из руководителей кинокомпании «РКО».

* Джозеф Шенк и Гарри Кон — руководители крупнейших киноконцернов «XX век — Фокс» и «Коламбия».

* Филипп Халсман — известный американский фотограф.
** Хью Хефнер — владелец и редактор журнала «Плейбой».

ХОЗЯЙСКИЙ ГЛАЗ «КЛУБА ДС»

Л. ЗИСМАН, Ю. ЛЮБАРСКИЙ

РАЗМИНКА

Левой рукой он ласково поглаживает себя по лысине, а правая... Если бы она постукивала по столу, это было бы признаком хорошего настроения. А так она просто лежит.

— Сергей Васильевич, мне сегодня надо уйти на часок пораньше...

— Зачем? — он смотрит на меня тусклым взглядом.

— Ребенка из детсада забрать.

— М-да. Но у нас много работы.

— У меня отгулы есть!

— Ну, напиши заявление.

На столе у него в специальной коробочке — листочки аккуратной стопкой. Беру один.

«Начальнику отдела Зажимов от сотрудника того же отдела...

Заявление

Прошу предоставить мне 1 (один) час в счет отгула за сверхурочную работу».

Подписываюсь, отдаю ему. Он читает, глаза его начинают блестеть. Поперек заявления пишет: «Отказать, ввиду большой загруженности работой».

— Тогда я возьму за свой счет.

— Пиши заявление.

Еще один листок: «Директору предприятия. Прошу предоставить мне 1 (один) час отпуска без сохранения содержания...»

Он вырывает у меня листок.

«Возражаю, ввиду большой загруженности в отчетный период...»

— Тогда я уйду без разрешения.

— Пиши объяснение прогула. А я пока напишу на тебя докладную директору.

Потом он написал проект выговора со строгим предупреждением, а я — жалобу на него в завком.

Он — проект решения товарищеского суда об осуждении моего аморального поведения, я — жалобу в горком профсоюза.

Он — проект приказа о моем увольнении, я — заявление в суд.

Он — речь обвинителя, я... Я посмотрел на часы. Звонок был восемнадцать минут тому назад.

— Время вышло, — сказал я.

— Жаль, — говорит. — Быстро... Отвыкаю здесь от работы с бумагой. Вот когда я работал в главке...

Его правая рука забарабанила по столу.

СООБЩЕНИЯ «КЛУБА ДС»

Семинар фельетонистов

Недавно в столицу Мабардинно-Балкарии гор. Мальчик слетелись со всех концов страны толпы фельетонистов.

Они слетались на Всесоюзный семинар. Он проходил в теплой, дружеской обстановке. Помогали поддерживать обстановку как руководители семинара Валентин Архангельский, Виктор Ардов, Илья Шатуновский и другие, так и чрезвычайно гостеприимные хозяева.

Доброго вам пути, товарищи фельетонисты!

ПРИЗЕРЫ ЮМОРА

В Лондоне возникло «Общество содействия юмору». Его председателем стал известный английский актер, режиссер и драматург Питер Устинов. Каждый год будет присуждаться награда частным лицам, журналистам и организациям. Эти «Призы юмора», говорят основатели, имеют своей целью «сделать нашу жизнь более веселой и осмысленной».

Из журнала «Доокола света» (ПНР)

ЖЕСТОКОСТЬ

Мих. КАЗОВСКИЙ

Стояла темная ночь. Штуковский крепко спал, закутавшись в одеяло и равномерно посвистывая зубом.

Неожиданно зазвонил телефон.

Штуковский открыл глаза, спустил худые ноги на пол, вздрогнул от ночной свежести и в одних трусах подбежал к аппарату.

— Да? — спросил он трубку недовольным застоявшимся голосом.

Сначала она таинственно молчала, а потом нахально произнесла:

— Привет!

— Привет, — смущенно ответил разбуженный.

— Все дрыхнешь? — продолжала трубка.

— Дрыхну, — вздохнул Штуковский.

— Ну и черт с тобой, — сказал далекий голос и превратился в гудки.

Штуковский удивленно постоял у аппарата, выругался и возвратился к кровати.

— Хулиганство! — ворчал он, закуривая. — Сажать их всех надо! На пятнадцать лет!

Он долго вертелся с боку на бок, кряхтел и кашлял прямо в женино ухо и никак не мог заснуть. Тогда Штуковский поднялся, снял трубку и набрал первый попавшийся номер.

— Да? — сонно спросили на другом конце провода.

Не зная, с чего начать, Штуковский наконец сказал:

— Привет!

— Привет, — смущенно ответили ему.

— Все дрыхнешь?

— Дрыхну, — вздохнул голос.

— Ну и черт с тобой, — сказал Штуковский, нажал рычаг и со спокойным сердцем пошел досматривать сны.

ФРАЗЫ

● *На деньги нужен особый нюх — они вель не пахнут.*

● *А сколько у этого Архимеда было печатных работ?! То-то!*

В. ДУБИНСКИЙ
гор. ГОРЬКИЙ

● *Природа щедро обделила этого человека.*

А. КОЛОДНЫЙ

● *Ну и теснотища в творческом тупике!*

Вл. ЛОМАНЫЙ
ЛЕНИНГРАД

Лев КОРСУНСКИЙ

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

Лежу я на пляже и размышляю. Подсаживается ко мне Гриша и говорит:

— Сразимся в картишки?

— Не мешай мне, — говорю, — Гриша, я работаю.

— Хорошая у тебя работа, — завистливо хихикает Гриша.

— Эх, Гриша, — говорю я ему, — не завидуй ты мне. Слыхал что-нибудь про муки творчества? Вот все время и мучаюсь.

Прихожу домой, усаживаюсь в кресло-качалку и продолжаю мучиться. Слышу, как в коридоре соседка говорит моей жене:

— Твой-то думает на работу устраиваться когда-нибудь?

— Он молодой поэт, — терпеливо объясняет ей жена. — Такая у него работа.

— Цельными днями в качалке качаться? — свистящим шепотом интересуется соседка.

«Да что ж это такое? — думаю я. — Я целыми днями мучаюсь, и меня же тунеядцем считают. Фета-то небось не заставляли истопником или сторожем работать. Почему же я не имею права на творческий труд?»

Заходит ко мне жена и говорит:

— Я тебе ватрушку принесла.

Я вырываю у нее из рук ватрушку и, не разжевывая, проглатываю ее. Давно уж я и от голода мучаюсь.

— Может, в кино сходим? — предлагает жена.

— Да нет, — отвечаю, — лучше я завтра в редакцию на автобусе поеду, надоело пешком шлепать. Как раз пять копеек накопил.

— Давай тогда займем у Пановых гривенник и попьем газировки, — заранее радуется жена.

— Не дадут, — вздыхаю я, — мы им уже двести рублей должны. А от газировки с сиропом я не отказался бы.

Потом мы долго молча сидим и мечтаем каждый о своем: я — об вскимо, жена — о кефире. Раньше-то мы зажиточно жили, когда в книжном работал, могли доставить себе эти нехитрые радости.

— А может, мне все-таки устроиться на работу? — осторожно спрашиваю я жену. — Вдруг меня так никогда и не напечатают?

— Ни за что! — возмущается жена. — Ты ведь гений.

— Что верно, то верно, — вздыхаю я и продолжаю мучиться.

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Виктор ЛУНИН

О чем грустят кораблики?

О чем грустят кораблики
От суши вдалеке?
Грустят, грустят кораблики
О мели на реке.

Где можно на минуточку
Засесть и отдохнуть
И где совсем ни чуточки
Не страшно утонуть.

ПОДРАЖАНИЯ

Владлен БАХНОВ

«БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ»

ВАРИАЦИИ НОМЕР ТРИ*

Александру МЕЖИРОВУ

В тихой гавани

Я питаюсь теперь
в диетической скрепленной
столовой...
На стене там картина,
где парус в простора
мареве.
Диетический суп
заедаю я кашей
перловой,
А перловую кашу
запиваю потом молоком.
В море парус белеет.
Он молод, и что-то он
ищет.
Я нашел все, что нужно,
простое меню возлюбив.
О, такая простая,
вегетарианская пища,
Как с тобой хорошо!
И как раньше я жил
без тебя!
Ах, как дурно я жил,
забывая, что масо —
отрава!
Как неверно питался,
являлся домой на заре...
Здесь, под манною кашей,
я понял, что истина,
право,
На а вине — в винегрете,
и не в буре покой,
а в пюре!
О, сколь радостно жить
новой жизнью, простой
и здоровой,
Без излишних калорий
свободнее дышит душа!
Допиваю компот.
Покидаю пределы
столовой,
Погруженный в раздумья,
к шашлычной бреду
не спеша.

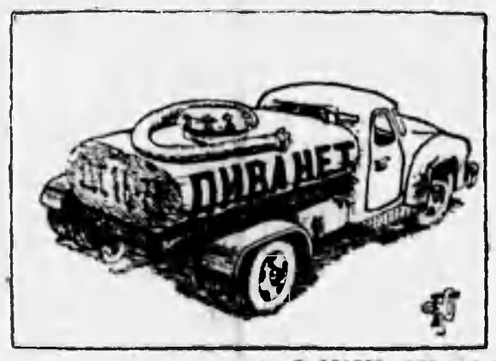
Григорию ПОЖЕНЯНУ

Полундра

Выступаю в споре,
Остром, как клинок.
Кто сказал, что в море
Парус одинок!!
Нет, покамест сам я
Есть могу и пить,
Никому не дам я
Одиноким быть!
Непростую тайну
Я постиг давно:
Вчера или майна —
Это все равно!
Парус, успокойся,
Вот рука мое.
Никого не бойся,
Если рядом я!
Вечер ням утро —
Ты не одинок.
Не грусти. Полундра!
Я с тобой, браток!
И держись уверенно,
Мы ведь моряки!
Мы — как те два берега
У одной реки.

* Начало см. «ЛГ», №№ 41 и 42 с. г.

ЧУДАКИ

Г. ФРОЛОВ (ЛЕНИНГРАД)

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Анатолий ЭЙРАМДЖАН

ЧТО НАША ЖИЗНЬ?..

— Всегда-то ты, государь, в самый ответственный момент отлучаешься! — воскликнул король Лавуазье, с трудом переводя дух после бурной сцены, которую он только что разыграл перед своим любимым шутом Пташуком.

— Ну, прости, прости, — ласково сказал Пташук, поглаживая короля по голове. — Ведь я же не нарочно. Ты же знаешь, что я не могу без Людмилы Михайловны.

— Ах, Людмила Михайловна, Людмила Михайловна, — с горечью произнес король. — Ты ее любишь больше, чем меня.

— Ну, что ты, что ты, — успокаивал его Пташук. — Ты же знаешь, что ты для меня самый дорогой человек на свете.

— Ну, ладно, — сказал король, — иди, а то опоздаешь.

Пташук поцеловал короля в лысину и вышел.

Слуга тем временем перемигнулся со стражей (артисты Симферополее и Каракашьянц), и вот-вот должен был покинуть сцену, как вдруг раздался голос короля:

— Постой-ка, милейший!

Свита короля слабо охнула, а слуга тут же остановился, обернулся и переспросил короля:

— Простите, вы мне? — И, спохватившись, добавил: — Милостивый государь...

— А кому же! — металлическим голосом сказал король. — Подойди-ка сюда! — распорядился он.

— Я уж лучше пойду, — подумав, сказал слуга и отвесил низкий поклон. — С вашего позволения... — И заспешил к выходу.

— Стража! — панически закричал король. — Задержать его!

Стражники, гремя доспехами, догнали и схватили Пташука.

— Отпустите, ребята, — шептал им Пташук. — Спектакль ведь сорвете!

— Ведите его сюда! — приказал король—Баксанский.

— А как же с королем Ababуа? — дрожащим голосом поинтересовался герцог Лавуазье.

— Успеем с королем! — отмахнулся Баксанский и, взяв Пташука за ливрею, притянул к себе и спросил: — Опять ты напился, каналья?!

Слуга молчал, отворачивая лицо от короля.

— А ну дыхни! — забыв обо всем на свете, крикнул Баксанский.

— Ну, выпил я, — захныкал Пташук, — самую малость.. Стакан красного! Грех это милостивый государь?

— Жалованье, которое ты получаешь из казны, — покосившись на зрителей, драматическим голосом начал Баксанский, — ты должен отдавать жене своей, праведной Людмилии! Так ведь мы с тобой договорились?!

— Отдал я ей все до копейки! — побожился Пташук

— Не верю! — гремел Баксанский. — Приведите сюда Людмилию! — приказал он.

— Помилуйте, ваше величество! — умолял короля Пташук. — Неужели столь ничтожный факт заслуживает сейчас вашего внимания?!

А жена Пташука, ревизитор театра Людмила Михайловна, уже спешно переодевалась за кулисами.

— Ну ничего, ничего, не волнуйся! — успокаивала ее гример Клавдия Альбертовна. — Не думай о зале, войди в образ, и сцена тебя примет... Ведь столько лет здесь работаешь! Зато раз и навсегда решишь вопрос с Геннадием!

А Баксанский все шумел на сцене:

— И еще, говорит, стакан красного! Да тут по всем признакам ведром целым пахнет, не меньше! И это в рабочее время!

Остальные актеры толпились вокруг короля и слуги и трагически молчали. А зритель, разморенный после буфетного антракта, сонно покашливающий, дремавший с самого начала действия, неожиданно оживился и с интересом следил за развитием событий.

Наконец, шурша юбками, на сцену выбежала Людмила Михайловна.

— О милостивый государь! — кричала она, заламывая руки. — Нет больше сил у меня терпеть это ничтожество! Совсем извелась я! Помоги образумить его, милостивый государь! — И Людмила Михайловна, классически вжившись в неписанный драматургом образ, бухнулась в ноги опешившему Баксенскому

— Встаньте, Людмила Михайловна! — засуетился Баксанский. — Право же,..

— Король Ababуа! — снова встрял герцог Лавуазье.

— Да отстань ты со своим королем! — разозлился не на шутку Баксанский. — Тут, видишь, дело какое... — И, взяв себя в руки, спросил Людмилу Михайловну: — Прелестная Людмилия, скажи, отдал ли он тебе деньги, полученные сегодня из казны?

— Все отдал, государь, не отдал! — запричитала Людмила Михайловна. — Как получил в касс... эне... так сразу и исчез. Вот только появился...«Нет у меня сил больше! — заголосила она. — Помогите, милостивый государь!

— Отдай сейчас же деньги жене своей! — приказал Баксанский слуге.

— Не отдам! — упрямо буркнул Пташук.

— Почему? — не удержался и спросил его герцог Лавуазье.

— Потому! — нахально ответил слуга.

— Людей хоть бы постеснялся! — толкнула мужа в бок Людмила Михайловна и кивнула на зрительный зал.

— А что мне люди?! — совсем по-базарному закричал Пташук. — Им что — пришли, посидели и ушли! Им до меня дела нет!

— Как нет дела?! — раздались выкрики из зала. — Смотри, жену до чего довел! И с королем как ведешь себя! Правильно, пусть отдает деньги жене своей, праведной Людмилии!

— Слышишь, чего требует народ?! — сказал король — Баксанский.

Пташук полез в карман и достал пачку денег.

— На! — протянул он деньги жене. — Деме поговорим!

— Дай слово, что бросишь пить! — потребовали из зала. — Что в рот капли не возьмешь, клянись!

— Спектакль из-за тебя сорвали! — зашипел на Пташука герцог Лавуазье. — Смотри, что в зале творится!

— Ладно! — Пташук махнул рукой и объявил зрителям: — Даю слово, что не буду пить на работе!

— Нет! — не успокоившаяся зал. — Брось совсем!

— Не упрямься! — шепнул Баксанский слуге. — Против народу не иди!

Пташук, насупившись, молчал.

— Брось пить! Брось пить! — скандировали уже и свита короля, и сам король Людовик XVI, а также билетерши, гардеробщицы и работники сцены, собравшиеся за кулисами. Людмила Михайловна попробовала было со всеми, но от волнения разрыдалась.

Пташук не выдержал.

— Тише! — поднял он обе руки.

Зал затих.

Пташук вдруг разволновался: давно он не стоял вот так на сцене, один не один со зрителем... Пожалуй, с тех пор, как начал пить... И, наверное, поэтому Пташук вдруг как-то приосанился и сказал дрогнувшим голосом:

— Для актера клятве на сцене священна! Что наша жизнь? Игра!

— Не играй! Преяду говори! — предостерег его король.

— Да, не играй! Преяду говори! — поддержал короля зал.

— Честное слово! — поклялся Пташук. — С сегодняшнего дня и навсегда!

Раздались аплодисменты.

— Браво! — воскликнули некоторые из зрителей, уже листавших программки в поисках фамилии слуги. — Браво, Пташук!

— Может, продолжим с королем Ababуа? — спросил герцог Лавуазье Баксанского.

— Сделаешь тебе эти мерзавцы! — расцеловал его Баксанский. — Видишь, артистам нужна современная тематика!

— Занавес! — крикнул подоспевший режиссер.

Но занавес пришлось открывать еще три раза, на бис. Кланялись публике Пташук, король и Людмила Михайловна. Потом не выдержал и присоединился к ним и герцог Лавуазье.

ПрИдметы

Г. ЗЛАТКОВСКИЙ

И. ЗАХАРОВ

А. ГАГКАЕВ

ДРАМЫ «КЛУБА ДС»

В РЕСТОРАНЕ

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

В ресторане ко мне подошел официант.

— Здесь занято, — сказал он и пересадил меня за другой столик, рядом с пышной блондинкой.

— Мне чашку кофе.

— А что будет пить ваша дама?

— Моя дама? — удивился я.

— Сухое вино, — сказала блондинка.

Официант вернулся через минуту.

— Сухого вина нет. Есть коньяк «КВ» и «пять звездочек».

— «Пять звездочек», — попросила дама.

— Тогда нужны и фрукты. Запишу килограмм апельсинов. А горячее будет готово через пять минут.

— Но я не заказывал горячее! — удивился я.

— Вы будете? — спросил официант блондинку.

Дама кивнула головой.

— Вот видите, — обиженно сказал официант.

Он быстро принес фрукты, но забыл коньяк.

— Послушай, — сказал он мне. — Не я службу, а в дружбу — принеси бутылку коньяка!

Я встал и пошел выполнять заказ. Когда я вернулся, официант сидел на моем месте и обнимал блондинку за талию.

— Я вижу, ты удивлен, — объяснил он. — Но ведь она моя жена!

После этого я убрал посуду со своего столика и двух соседних. Сменил скатерти и поставил чистые приборы.

Когда я кончал подметать пол, официант показал на часы.

— Уже поздно. Тебе надо домой.

Он протянул счет. У меня не хватало нескольких рублей.

— Пустяки, — сказал официант и протянул деньги. — Сдачи не надо!

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

Рога и копыта

● **ГОРАЗДО ЧАЩЕ**

С интересным начинанием выступил сотрудник одного из научно-исследовательских институтов гор. Арбатова. С октября 1973 г. он приходит на работу несколько раз в день.

● **ТОПОНИМИКА**

У слесаря-сантехника Башлева И. Н. большое семейное событие — родился сын. Счастливые родители решили его назвать в честь великого душелюба и людоведа Евг. Сазонова Эдиком. Будь счастлив, малыш!

● **ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО..**

...консервы «Завтрак туриста», съеденные с 13 до 16 часов, называются «Обед туриста», а с 18 до 24 часов — «Ужин туриста»?

● **УЧИТЕСЬ ЧИТАТЬ**

5000 знаков в минуту — такова скорость чтения у инженера Блохина.

Объясняя сущность своего метода, Блохин сказал: «Я никогда не задумываюсь над прочитанным».

РУБЛЕНЫЕ ФРАЗЫ

● *Лебедь рвется: в обла!..*

● *Хорошо смеется тот, кто смеет...*

● *Театр уж полон (ложи «Бе»)...*

● *Все это было бы смешно, когда бы не было...*

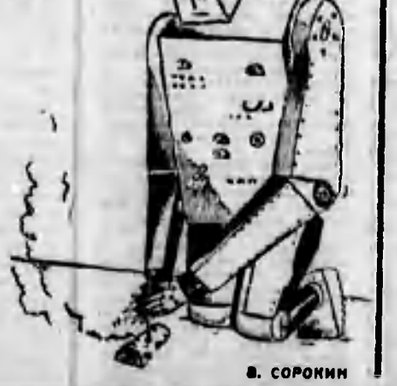
● *Если человек глуп, так это надо...*

Вал. ДЕВЯТЫЙ

ЧУДАКИ

В. НОВИЧЕНКИН

В. СОРОКИН

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок 29-00-00, доб. 63

А—07682 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОВА, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

Зак. 689 ИНДЕКС 50067